

ЮРИЙ
МАКСИМОВ

РЕЛИГИЯ

КРЕСТА И РЕЛИГИЯ

ПОЛУМЕСЯЦА

ЮРИЙ МАКСИМОВ

РЕЛИГИЯ КРЕСТА
И РЕЛИГИЯ
ПОЛУМЕСЯЦА

ХРИСТИАНСТВО
И ИСЛАМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО ПОДВОРЬЯ
СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГНЕВОЙ ЛАВРЫ

МОСКВА • 2008

По благословению
епископа Саратовского и Вольского
ЛОНГИНА

Предлагаемая читателю книга представляет собой сборник статей, в котором автор, преподаватель Московской Духовной Семинарии Ю. Максимов, рассматривает современные реалии христианства и ислама с точки зрения православного богословия. Это первая книга такого рода, изданная в нашей стране после Октябрьского переворота 1917 года.

Сопоставляя священные тексты христианства и ислама — Библию и Коран, высказывания древних авторитетных мыслителей с той и другой стороны, аргументы современных апологетов, признания людей, перешедших из одной религии в другую, привлекая в общей сложности около двухсот источников, автор выстраивает исследование, уникальное по глубине проникновения в заявленную тему и сопутствующий материал.

Предлагаемый читателю сборник — удачный пример освещения многих проблемных вопросов христиано-мусульманских отношений с точки зрения православного богословия. Прочитавший эту книгу сможет почерпнуть что-то новое, неизвестное прежде, что обогатит его представления как о христианстве, так и об исламе.

СЕРИЯ:

Библиотека журнала
«АЛЬФА И ОМЕГА»

© Ю. Максимов, 2004
© Московское Подворье
Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры, 2004

ISBN 978-5-7789-0173-9

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Об исламе сейчас пишут практически все, о взаимоотношениях (чаще о противостоянии) христианства и ислама — очень многие. Но не часто можно встретить тексты, в которых даже современные реалии, имеющие ярко выраженную политическую окраску, последовательно трактовались бы с позиций православного богословия.

Именно к такого рода текстам принадлежит предлагаемая читателю книга. Ее автор достаточно свободно владеет как историческим, так и современным материалом, что позволяет ему привлекать к рассмотрению обширный круг текстов — от Священного Писания и святоотеческих творений до статей, циркулирующих в Интернете. Его знакомство с исламом вряд ли можно счесть исчерпывающим, но оно достаточно серьезно и глубоко, о чем свидетельствуют количество и разнообразие привлекаемых источников.

В основу отдельных глав книги легли статьи, написанные в течение ряда лет и для настоящего издания существенно переработанные. Структура книги продиктована ее направленностью против активнейшим образом ведущейся мусульманской миссии. Так, первая часть состоит из трех глав, посвященных сравнительному богословию, в которых анализируются такие основополагающие для описания любой религии понятия, как рай (и шире — посмертие), грех и чудо. Ссылки на Священное Писание и Коран, на святоотеческие творения, привлечение работ мусульманских богословов — все это позволяет автору весьма аргументированно утверждать, что анализируемые понятия в христианстве и исламе трактуются весьма различно, а богословски правильный подход помогает

ему выявить основу такого различия. Эта основа — принципиальное различие в понимании Бога; непредвзятому читателю становится очевидно, что о том, что христиане и мусульмане якобы молятся одному и тому же Богу, говорить не приходится¹.

Вторая часть книги демонстрирует иной жанр, но содержательно она самым непосредственным образом при-мыкает к первой. В ней речь идет о развенчании мифов, что, по существу, и является основной задачей христианской апологетики. Миф о том, что ислам — религия сильных людей, а христианство — слабых, к сожалению, достаточно распространен. Здесь, как и во всей мифологии наших дней, много путаницы: говоря о сильных людях, апологеты и проповедники мусульманства почти всегда имеют в виду физическую силу. Недаром «образцами» для обращаемых чаще всего служат спортсмены. А в христианстве с его учением о человеке главное внимание уделяется благодатной силе духовной, которая дает христианину возможность переносить и физические лишения, вплоть до мученичества.

Миф о том, что ислам якобы воспитывает более совершенное отношение к женщине, — новейшего происхождения; достаточно вероятно, что своим появлением он всецело обязан феминистским настроениям современного общества. Автор достаточно аргументированно опровергает этот миф; к его системе доказательств хотелось бы

¹ Когда утверждается, что Бог един, это, безусловно, справедливо. Но вся проблема в том, каким образом Он постигается в рамках той или иной религии. В мифах примитивных народов содержится идея того, что Бог один и что Он добр; тем не менее религиозная практика этих народов состоит в общении с духами и в попытках умиловить их разными способами, вплоть до человеческих жертвоприношений. Тем самым ту или иную религию можно обозначить как более или менее совершенную попытку богопознания. При всем уважении к такого рода духовным поискам мы не должны забывать, что полнота Богооткровения дана нам в Православии.

добавить еще одно, на наш взгляд, очень значимое. Встретив воскресшего Христа и узнав Его, святая равноапостольная Мария Магдалина говорит Ему: **Раввуні** — Учитель (Ин. 20, 16). И поскольку Ветхий Завет не предусматривал для женщин возможности религиозного обучения, это дает основание считать, что отныне, начиная с этой встречи в саду, христианство полностью уравнивает женщину и мужчину в их духовной жизни, что и является подлинным, а не выдуманным вопреки всем жизненным очевидностям равноправием.

Третья часть книги также косвенно опровергает миф о якобы «необращаемости» мусульман. Солидным свидетельством тому являются древние арабские хроники, внимательно проштудированные автором. Эта тема находит свое завершение (хочется сказать: увенчание) в исследовании, посвященном жизнеописаниям бывших мусульман, принявших христианство и стяжавших святость, а нередко и мученический венец исповедников Православия.

Книга снабжена рядом приложений, в которых приводятся дополнительные сведения по затронутым в ней темам. Так, жизнеописания святых жен, обратившихся из ислама, приводятся в Приложении 1, что тематически связывает его с предыдущими главами книги. Острую, актуальную проблему затрагивает Приложение 2 — «Почему из христианства переходят в ислам?»; к чести автора, он, как и подобает исследователю-христианину, не возлагает вину за современную апостасию² исключительно на исламских миссионеров, а пишет об ответственности за эти прискорбные случаи и самих христиан. Приложение 3 освещает отраженное в Интернете движение «Русский ислам» и приводит ряд трагических случаев, происшедших в наши дни по вине последователей этого движения. Наконец, Приложение 4 отражает взгляд автора на проблему межрелигиозных контактов ислама и

² Апостасия (от греч. ἀποστασία) — вероотступничество.

христианства, причем все содержание книги свидетельствует о правомочности такого взгляда.

Возможно, не все в книге написано в едином стиле; возможно, в иных случаях авторская аргументация неполна; возможно, следовало бы затронуть и какие-то дополнительные темы. Но в целом книга «Религия Креста и религия полумесяца» производит впечатление удавшейся попытки освещения этой проблемы с точки зрения православного богословия и может быть рекомендована не только миссионерам, но и учащимся духовных учебных заведений, и священникам, чье служение происходит в местах компактного проживания мусульманского населения, и всем, кого эта проблема в той или иной степени затрагивает или просто интересует.

ЧАСТЬ I

Сопоставление некоторых понятий христианства и ислама

ОБРАЗ РАЯ¹

«Для богобоязненных есть место спасения — сады и виноградники, и полногрудые сверстницы, и кубок полный. Не услышат они там ни болтовни, ни обвинения во лжи... В садах благодати — толпа первых и немного последних, на ложах расшитых, облокотившись на них друг против друга. Обходят их мальчики вечно юные с чашами, сосудами и кубками из текучего источника — от него не страдают головной болью и ослаблением... среди лотоса, лишенного шипов, и талха, увешанного плодами, и тени протянутой, и воды текучей, и плодов обильных, не истощаемых и не запретных, и ковров разостланных, Мы ведь создали их творением и сделали их девственницами, мужа любящими, сверстницами...» (Коран 78, 31–35; 56, 12–19; 27–36)².

И я, Иоанн, увидел святы́й город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста для мужа своего. Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов... Улица города — чистое золото, как прозрачное

¹ Впервые опубликовано: Альфа и Омега. 1999. № 2 (20). Печатается с некоторыми изменениями и дополнениями.

² Здесь и далее цитаты из Корана приводятся по изданию: Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. Минск, 2002. Примечания, принадлежность которых не указана, составлены автором.

стекло. Ворота его не будут запираяться днем; а ночи там не будет. Среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народов. И ничего не будет проклятого; но престол Бога и Агнца будет в нем, и рабы Его будут служить Ему. И узрят лице Его, и имя Его будет на челах их. И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков (ср.: Апок. 21, 2, 12, 21, 25; 22, 2–5).

1

Даже на первый взгляд бросается в глаза кардинальное различие этих двух образов рая. В противовес коранической вечно цветущей идиллии — христианский апокалиптический образ Града. Причем образ этот свойствен не только Апокалипсису, но и всему Новому Завету: *в доме Отца Моего обителей много* (Ин. 14, 2), — говорит Господь, и апостолу Павлу, *знавшему человека, восхищенного в рай* (ср.: 2 Кор. 12, 2), пришлось обмолвиться: *они стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город* (Евр. 11, 16). И этот новозаветный образ града Божия, в свою очередь, восходит к некоторым архетипам Завета Ветхого: *Речные потоки веселят град Божий, святое жилище Всевышнего* (Пс. 45, 5). Особенно яркие параллели имеет описание апосто-

ла Иоанна с 60-й главой Книги пророка Исаии, где Господь, обращаясь к Иерусалиму, говорит: *И будут всегда отверсты врата твои, не будут затворяться ни днем ни ночью... и назовут тебя городом Господа, Сионом Святого Израилева. Не зайдет уже солнце твое, и луна твоя не сокроется, ибо Господь будет для тебя вечным светом, и окончатся дни сетования твоего* (Ис. 60, 11, 14, 20).

Основная причина различия этих двух образов заключается в том, что для мусульманина рай — возвращение в состояние Адама до грехопадения³, отсюда и образ садов Эдема: «первозданный рай тождественен будущему раю»⁴; тогда как для христианина достижение рая не является возвращением в Эдем: Боговоплощение подняло человеческую природу на несравненно более высокую ступень близости к Богу, чем была у прародителей, — одесную Отца: *первый человек Адам стал душою живущею; а последний Адам есть дух животворящий. Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба. Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные. И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного*

³ В богословии ислама нет учения о первородном грехе — каждый отвечает лишь за собственные грехи, пророк Адам согрешил, но раскаялся, и Бог простил его; однако некоторые вторичные следы учения о первородном грехе в Коране все же прослеживаются — хотя Бог и простил Адама, но в рай, из которого тот был изгнан в результате грехопадения, не позволил вернуться ни ему, ни его потомкам.

⁴ *Ибрагим Т., Ефремова Н. Путеводитель по Корану. М., 1998. С. 114.*

(1 Кор. 15, 45, 47–49). Потому христианин не стремится вернуться в состояние Адама, но чае соединиться со Христом; преображенный во Христе человек входит в преображенный рай. И единственный «предмет» рая ветхого, Эдема, перешедший в рай новый, Небесный Иерусалим,— дерево жизни (см.: Быт. 2, 9; Апок. 22, 2),— только подчеркивает превосходство нового рая: Адам был изгнан, чтобы не есть плодов его, жителям же Небесного Иерусалима они вполне доступны, впрочем, не для наслаждения или утоления голода, а для исцеления. По христианской традиции «дерево жизни есть любовь Божия, от которой отпал Адам» (преподобный Исаак Сирий)⁵, а «листья древа жизни означают тончайшие превысшие и пресветлые разумения Божественных судеб. Эти листья будут во исцеление или во очищение неведения тех народов, которые стоят низшими в делании добродетелей» (святитель Андрей Кесарийский)⁶.

Не считая параллелей с Эдемом, мусульманский образ рая в целом чужд эсхатологии как Ветхого, так и Нового Завета и имеет своим источником скорее не христианство, а зороастризм, сходным образом описывающий участь праведных: «У них стоят их ложа разубраны, душисты, подушками полны... у них сидят девицы, украшены браслетами, перепоясан стан, прекрасны, длиннопалы и так красивы телом, что сладостно смотреть» (Авеста. Ард-яшт II, 9, 11). На подобную связь

⁵ *Преподобный Исаак Сирий*. Слова подвижнические. М., 1993. С. 397.

⁶ *Святитель Андрей Кесарийский*. Толкование на Апокалипсис. М., 1901. С. 194.

указывали и византийские полемисты, в частности автор послания императора Льва Исавра халифу Омару II (720 г.), писавший дословно следующее: «Мы знаем, что Коран составили Омар, Абу Талиб и Солман Перс, даже если и прошел слух вокруг тебя, что он послан с небес Богом»⁷. Солман Перс — зороастриец, обратившийся в ислам еще при Мухаммеде.

Чтобы перейти к дальнейшему, необходимо разобратся, что означает образ города: какое значение он имеет для Библии и почему для изображения Царствия Небесного взят именно он.

Первый город построен Каином (см.: Быт. 4, 17). Это — подчеркнуто изобретение человека, причем человека падшего. Данный факт как бы подталкивает к негативной оценке самого изобретения: «градостроительство, скотоводство, музыкальное искусство... — все это принесли человечеству потомки Каина как некий суррогат утраченного райского блаженства»⁸. Но только ли блаженства? Скорее это все-таки попытка как-то возместить утраченное единение с Творцом, бывшее в раю. Тот факт, что люди не живут поодиночке или кланами, нельзя объяснить только лишь соображениями экономического характера. Люди стремятся жить вместе, чтобы заполнить то одиночество, которое постигает каждого, кто вследствие греха прекращает общение с Богом. Таким образом, в возникновении городов виден не отход от Бога, но, напротив, попытка вернуться к Нему. Первый город хоть

⁷ Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Византийские представления об исламе // Альфа и Омега. 1996. № 2/3 (9/10). С. 134.

⁸ Иларион (Алфеев), иеромонах. Введение в догматическое богословие. М., 1996. С. 80.

и был построен Каином, но назван он в честь Еноха, который, в отличие от Каина, *ходил пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его* (Быт. 5, 24). И археологический материал указывает прежде всего на религиозные причины возникновения первых городов. В пользу этого говорит обилие в древнейших городах погребений, расположенных прямо среди домов, а очень часто и непосредственно под полом, а также то, что большинство построек имеет явно религиозное назначение; так, например, в древнем городе Лепеньски Вир (начало VII тысячелетия до Рождества Христова) из 147 построек около 50 были святилищами⁹.

Города возникают, словно некое признание человеком своей падшести и невозможности жить, бытийствовать одному; безусловно, они несут в себе некий покаянный оттенок, связанный с переживанием греха, содеянного предками. Именно поэтому Бог, воспрепятствовав постройке Вавилонской башни (изобретения человека не просто падшего, но и восставшего против Творца), не воспрепятствовал возведению человеком городов. Человек создает дом, город, используя и обрабатывая тот материал, который дан ему от Бога, и в этом смысле использование в Библии образа камня применительно к людям (*приступая к Нему, камню живому... и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный* [1 Пет. 2, 4, 5]) скорее всего означает, как и в притче о талантах, реализацию человеком Божия замысла о нем.

Возвращаясь к представлению о рае, можно сказать, что если сад есть, по существу, целиком творе-

⁹ См.: *Зубов А. Б.* История религий. М., 1997. Т. 1. С. 111.

ние Божие, то образ города как создания человеческого знаменует участие человечества в Царствии Божиим. Использование образа города в описании Царствия Небесного означает, что человечество со-участвует в спасении: «Сей город, имеющий краеугольным камнем Христа, составляется из святых» (святитель Андрей Кесарийский)¹⁰. В исламе же такое соучастие немыслимо, поэтому вполне естественно использование флористического образа — настолько естественно, что в Коране вообще для обозначения рая обычно употребляется слово «ал-Джанна» (сад).

2

Другое, менее заметное, но не менее принципиальное различие заключается в представлении о том, что есть райское состояние по отношению к человеку. Собственно, мусульманский рай напоминает пансион, где отдыхают выслужившиеся солдаты: все, чем наполнено их райское существование, — это наслаждение всяческими удовольствиями, телесными и эстетическими. В одном из хадисов¹¹, возводимых к самому «пророку», так описывается райский день верующего: «Посреди садов вечности дворцы из жемчуга. В таком дворце семьдесят помещений из красного яхонта, в каждом помещении семьдесят комнат из зеленых изумрудов, в каждой комнате ложе, на каждом ложе постелены семьдесят постелей всех цветов, на каждой постели жена из большеглазых чернооких.

¹⁰ *Святитель Андрей Кесарийский. Толкование на Апокалипсис. С. 17.*

¹¹ Хадис — собрание текстов, содержащих высказывания Мухаммеда. — *Изд.*

В каждой комнате накрыт стол, на каждом столе семьдесят видов еды. В каждой комнате семьдесят слуг и служанок. И каждое утро верующему дается такая сила, что он может справиться со всем этим»¹². Разумеется, не следует понимать данное описание буквально, так, будто действительно каждый находящийся в раю должен ежедневно общаться с 343 000 гурий и поедать 24 000 000 видов еды. Это именно образ того, что рай есть удовольствие (но удовольствие прежде всего телесное!), превышающее всякий ум.

Данное представление также не является самостоятельным и произвольным, оно тесно связано с кораническим представлением о том, чем было наполнено райское существование первых людей: «И Мы сказали: “О Адам! Поселись ты и твоя жена в раю, и питайтесь оттуда на удовольствие, где пожелаете”» (Коран 2, 33). Библия же и о том и о другом учит совершенно иначе. Ни о каком вечном отдыхе, сопряженном с получением тех или иных удовольствий, нет и речи. Господь поселяет Адама в саду Эдемском, *чтобы возделывать его и хранить его* (Быт. 2, 15), а о жителях Небесного Иерусалима сказано, что они *будут служить Ему* (Апок. 22, 3)¹³. Пребывание в раю, по Библии, неизменно связано с некой деятельностью человека и изображается не как статика блаженного безделья, а как динамика, непрерывное восхождение *от славы к славе* (ср.: 2 Кор. 3, 18). Эта деятельность не тождественна нынешнему земному труду всякого смертного; в

¹² *Ас-Суйути Джалал ад-Дин*. Совершенство в коранических науках. М., 2000. С. 126.

¹³ Выделено мною. — Ю. М.

отличие от него, «она не является принудительной обязанностью, необходимой для выживания, но представляет собой органичное продолжение Божественного творческого акта, раскрытие творческой способности, присущей человеку как образу Божию и, следовательно, как личности»¹⁴.

Это диаметрально противоположность не только буквальному, но и мистическому пониманию рая в исламе. Так, по словам крупнейшего мусульманского философа — мистика Ибн Араби (ум. 1240), «подобно тому, как установлена общая судьба для ослепленных — огонь, но не огонь величайший, предназначенный для самых злополучных, установлена и общая судьба для исповедующих единобожие — рай, но не рай высочайший, предназначенный для познавших, самых благочестивых. И потому наивысшая из степеней рая — *удовлетворение и успокоение*»¹⁵.

Кораническое представление о рае как о чувственном наслаждении, испытании удовольствия также имеет параллели с зороастризмом: «Спросил Заратустра Ахура-Мазду: “Ахура-Мазда, Дух Святейший, Творец миров телесных, праведный! Когда умирает праведник, где в ту ночь находится душа его?”. И сказал Ахура-Мазда: “Около головы она восседает... В эту ночь столько удовольствия испытывает душа, сколько все удовольствие, испытываемое живым миром”» (Авеста. Яшт 22, 1–2)¹⁶.

¹⁴ Яннарас Х. Вера Церкви. М., 1992. С. 122.

¹⁵ Ибн Араби. Толкование Корана // Хрестоматия по исламу. М., 1994. С. 70.

¹⁶ Обращает на себя внимание и сходство мусульманского рая со скандинавской Валхаллой, где доблестные воины проводят дни в поединках, вдохновляемые на сечу девами-валькириями, а ночи — в пирах в обществе тех же валькирий. — *Ред.*

3

Можно сказать, что кораническое представление о рае решительно отвергается Новым Заветом: *в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах* (Мф. 22, 30); *Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17). Однако было бы неверным считать, что создание в исламе такого представления о рае являлось не более чем политическим приемом, что «блаженства эти выдумал сам Мухаммед, чтобы привлечь к себе невежественных арабов»¹⁷. Неверной или во всяком случае неполной, на наш взгляд, является и та трактовка, согласно которой это описание рая рассматривается лишь как стимул к благочестию: «Вера и праведность стимулируются в Коране яркими описаниями грядущих наград, изображаемых в виде чувственных наслаждений, что придает всему исламскому учению черты утилитаризма»¹⁸. Нет, в создании именно такого описания имеется и вполне определенная внутренняя логика — все эти смущающие христианина образы являются оправданием воскресения плоти с точки зрения ислама.

Человек христианской культуры всегда помнит, что в повседневной жизни он имеет дело с испорченной грехопадением человеческой природой, весьма далеко отстоящей от идеального состоя-

¹⁷ Григорьев Н. Беседа с татарами о Мухаммеде сотрудника Оренбургского Михаило-Архангельского братства Богдана Колостова. Оренбург, 1901. С. 45.

¹⁸ Фильштинский И. М. Представления о потустороннем мире в арабской мифологии и литературе // Восток — Запад. Вып. 4. 1989. С. 60.

ния, тогда как для мусульманина ничего подобного нет: для него его природа идентична природе первозданного Адама, вследствие чего те явления, которые в христианстве рассматриваются как имеющие на себе печать грехопадения, в исламе воспринимаются как естественные атрибуты созданной Богом человеческой природы; поэтому перенесение их на райское состояние кажется вполне естественным¹⁹. Первым на эту связь указал уже преподобный Максим Грек: «Он (Магомет) дозволил им всякое вообще наслаждение и все то, что может услаждать гортань, чрево и подчревное, говоря, что *на то мы и сначала были созданы* от общего всех Создателя и что поэтому в созданном Им раю Создатель приготовил для них... три реки, состоящие из меда, вина и молока, и отроковиц множество прекрасных, с которыми они будут весь день совокупляться»²⁰.

Это различие также проистекает из различного понимания назначения человека (в том числе и его плоти) в христианстве и исламе. В Коране от лица Бога говорится: «Я ведь создал... людей

¹⁹ Любопытно, что половой акт в этой системе взглядов появляется именно как вид физического наслаждения, а не как проявление любви одной личности к другой. Гурии безличностны.

²⁰ *Преподобный Максим Грек*. Творения. Сергиев Посад, 1996. Т. 2. С. 45. Вообще с прискорбием должно отметить, что сегодня даже среди православных исследователей мало кто уделяет внимание собственно содержательной стороне религиозноведческой и философской аргументации святых отцов, признавая за ней в лучшем случае лишь историческое значение. Будучи затуманены ставшей уже чуждой для современного человека культурой выражения мыслей, с одной стороны, и вполне объяснимым отсутствием у отцов достаточно полной и достаточно адекватной информации по исследуемым вопросам — с другой, современ-

только, чтобы они Мне поклонялись» (Коран 51, 56), тогда как, по Библии, Бог создает людей, чтобы они Его любили: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим* (Лк. 10, 27; ср.: Втор. 6, 5) и чтобы Он их любил: *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16). И в этой Божественной любви человек во плоти должен *соделаться причастником Божеского естества* (ср.: 2 Пет. 1, 4); в связи с этим и рай воспринимается как достижение духовной мистической цели. Ничего подобного в исламе нет, «законоведческий ислам в полемике с суфизмом»²¹ даже осуждал идею любви к Богу. Крупный мусульманский богослов XIII века Ибн Тамиййа писал, что любовь предполагает прежде всего соотнесенность, пропорциональность, которых нет и не может быть между Творцом и Его творением. Поэтому совершенная вера должна выражаться в любви к закону, к установлениям Божиим, а не к Самому Богу»²²; отсюда и соответствующее бездуховное (в нейтральном смысле слова) понимание рая.

Даже суфии — мусульманские мистики — не говорили о том, что мир был сотворен по Божественной любви. Среди них была более распространена

ные исследователи не видят тех верных интуиций, которые у древних авторов тем не менее безусловно присутствовали. А ведь эти интуиции тем ценнее и значимее для нас, что освящены они авторитетом людей, канонизированных Церковью.

²¹ Суфизм — мистико-аскетическое течение в исламе. — Изд.

²² Журавский А. В. Представления о человеке в Коране и в Новом Завете // Страницы. 1996. № 3. С. 147.

древняя гностическая идея, согласно которой Бог создал все потому, что из сокровенного восхотел стать явленным.

4

При дальнейшем рассмотрении привлекает внимание тот странный на первый взгляд факт, что в такой теоцентричной религии, как ислам, имеет место столь антропоцентричное представление о рае. Бог в таком рае как бы вынесен за скобки, наслаждающиеся предоставлены друг другу и своим наслаждениям; если Бог и появляется, то только затем, чтобы поприветствовать отдыхающих (см., например: Коран 36, 58) и спросить, не желают ли они чего-нибудь еще. Соотношения Бога и человека хорошо выражены в неоднократно проходящей через весь Коран мысли: «Аллах доволен ими, и они довольны Аллахом. Это — великая прибыль!» (Коран 5, 119; 98, 8). Не это ли или нечто подобное имел в виду святитель Варфоломей Эдесский, говоря об «антрополатрии» как одной из характерных черт ислама?²³

Когда в одной из тех дискуссий христиан с мусульманами, что во множестве ведутся в Интернете, одного из мусульманских богословов спросили, как он понимает созерцание Бога в раю, он ответил: «Возможность лицезрения, согласно сунне²⁴ пророка... будет не явной, а отдаленной и неконкретной.

²³ См.: *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca/Accurante J.-P. Migne. Parisiis, 1857. T. 104. Col. 1449 (далее: PG).*

²⁴ Сунна — поступки и высказывания Мухаммеда, являющиеся образцом для каждого мусульманина в решении всех жизненных проблем. — *Изд.*

Когда пророка спросили, как это будет, он ответил, что вы увидите его подобно тому, как видите сейчас луну»²⁵. Но это, по сути дела, та же самая вынесенность за скобки.

Христианский же рай, несмотря на то что, как мы говорили выше, подразумевает формообразующее участие в нем человечества, строго и подчеркнуто теоцентричен: *имею желание разрешиться и быть со Христом* (Флп. 1, 23); *желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа* (2 Кор. 5, 8). Весь смысл будущей блаженной жизни для христианина заключается в бытии с любимым и любящим Богом, в созерцании Его: *И узрят лице Его* (Апок. 22, 4) и в причащении Его естеству: *дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы мы через них соделались причастниками Божеского естества* (ср.: 2 Пет. 1, 4).

Это различие вытекает из различия дистанции между человеком и Богом с точки зрения ислама и с точки зрения христианства. Ислам в целом высоко ставит человека: «Человек является самым лучшим и совершенным созданием. Человек назначен наместником Бога на земле. Человек — пророк и друг Божий. Человек — сущность вселенной»²⁶. Но, несмотря на это, дистанция между человеком и Богом в исламе несоизмеримо больше и качество отношений принципиально другое, чем в христианстве: *И сказал Сидящий на престоле: побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сы-*

²⁵ Али Абдулла // [http://www.kuraev.ru/\[3245/52648\]](http://www.kuraev.ru/[3245/52648]).

²⁶ Хайдар Али. Курс лекций по основам ислама. Казань, 1997. С. 23.

ном (ср.: Апок. 21, 5, 7). Бог для христианина — Отец по благодати. **Отче наш, Иже еси на небесах!** — вызывают каждый день христиане, в то время как мусульмане произносят такие слова: «О Аллах! Ты мой господин, а я твой раб»²⁷. «Бог, отделенный [от чего бы то ни было], Бог, не [допускающий] общения» — так определяет Бога ислама ученик преподобного Иоанна Дамаскина Феодор Абу Курра²⁸. «Ислам утверждает радикальную недоступность Бога для человека... (и потому) отношение человека к Богу мыслится преимущественно в категории “раб Божий”»²⁹. Конечно, и мусульманин может сказать, что «метафорически мы все дети Божии»³⁰, но для христианина это не метафора: мы действительно получили усыновление от Бога через соединение с Единородным Его Сыном, ставшим человеком: **Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа** (Гал. 4, 7). После того как Бог стал человеком, Он оказался очень близок к каждому из нас, близок как лично, так и онтологически. Слова «сын Бога» в устах мусульманина лишены какого бы то ни было реального наполнения, тогда как для христианина выражение «сын Бога по благодати» применимо ко многим, оно имеет вполне определенное значение

²⁷ *Ас-Савваф Мухаммад Махмуд*. Мусульманская молитва. М., 1994. С. 64. Это слова одного из трех вариантов формулы предначинательной молитвы, которую должен произносить каждый мусульманин пять раз в сутки.

²⁸ PG. T. 94. Col. 1544–1545.

²⁹ *Журавский А. В.* Представления о человеке в Коране и в Новом Завете. С. 141.

³⁰ *Дидат А.* Христос в исламе. Б. м., б. г. С. 29.

именно благодаря тому, что христианин знает об одном-единственном *Сыне Бога по естеству*.

Поэтому для христиан важнее всего личное соединение с Богом и немыслимо никакое иное счастье, кроме вечного бытия с Ним и в Нем: «Скучает душа моя о Господе, и слезно ищущу Его. Как мне Тебя не искать? Ты прежде взыскал меня и дал мне насладиться Духом Твоим Святым, и душа моя возлюбила Тебя» (преподобный Силуан Афонский)³¹. «Новый Эдем оказался не садом двух холодных родников с полногрудыми гуриями и кубками черного вина, ложами и шатрами, то есть еще не ввергнутым во грех и смерть прекрасным сотворенным миром, но — Самим неприступным Богом»³². Только Он имеет значение для христианина. Поэтому мусульманское чувственное представление о рае воспринимается им как кощунство, как «продолжительное пребывание в ненасытном, безобразном, скотоподобном студодеянии, да еще пред Самим Богом!» (преподобный Максим Грек)³³, как отвержение Божественного дара усыновления. Мусульманское видение рая потому противно христианству, что в нем находит отражение то, что мусульмане, как и иудеи, «познав, таким образом, Христа, не прославили Его как Христа, то есть как Богочеловека и Слово, но истину заменили ложью»³⁴ и уверовали в обычного смертного человека — речь идет о Магомете, — возблагодарили его и последовали за ним. И

³¹ *Преподобный Силуан Афонский*. Писания. Ивановское, 1997. С. 9.

³² *Зубов А. Б.* Эсхатологическая уникальность христианства // *Континент*. 1993. № 78. С. 244.

³³ *Преподобный Максим Грек*. Творения. Т. 2. С. 54.

³⁴ См.: Иуд. 1, 21, 25. — *Изд.*

это вместо того, чтобы последовать за Богочеловеком — бессмертным и вечным Словом, Тем, Кто если и принял смерть, то только для того, чтобы уничтожить смерть» (святитель Григорий Палама)³⁵. Мусульманское представление о рае отвергалось христианами даже не столько из-за самого образа рая, сколько из-за того, что этот образ является логическим следствием тех основных принципов богословия ислама, в которых ислам кардинально расходится с христианством.

5

Следующее различие затрагивает вопрос о пространственно-временном соотношении рая. Если в исламе праведники достигают рая только после воскресения и суда (хотя он существует и сейчас), то в христианстве близость человека к раю обусловлена скорее не хронологически, а личностно: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21); *ныне же будешь со Мною в раю* (Лк. 23, 43). Личностное вхождение в рай при земной жизни — цель христианина: «Кто не постарается достигнуть Царствия Небесного и вни-ти в него, пока находится в сей жизни, тот и в то время, когда выйдет душа его из тела, окажется находящимся вне сего Царствия»; «Царствие же Небесное, находящееся внутри верующего, есть Отец, Сын и Дух» (преподобный Симеон Новый Богослов)³⁶. Таким образом, «рай есть не столько

³⁵ Святитель Григорий Палама. Письмо своей Церкви // Иоанн (Экономцев), игумен. Православие, Византия, Россия. М., 1992. С. 219.

³⁶ Преподобный Симеон Новый Богослов. Творения. М., 1892. Т. 1. С. 450; Т. 3. С. 169.

место, сколько состояние души»³⁷, и не только души, но и тела. Так как рай для христианина есть соединение с Богом, то это соединение может и должно произойти уже в этой жизни, что и совершается для христианина в Таинстве Евхаристии.

* * *

Данная глава, как явствует из названия, посвящена анализу образа рая, засвидетельствованного в Священном Писании, Коране и преданиях христианства и ислама, и не ставит своей задачей разбор конкретного *представления* о рае верующих, богословов и подвижников прошлого и настоящего этих двух религий. Однако следует все же сказать и об этом несколько слов.

В качестве примера существования в исламе более сложного отношения к раю можно привести одну суфийскую молитву IX века: «О Аллах, если я служу Тебе из страха перед адом, покарай меня адом; если я служу Тебе из стремления попасть в рай, лиши меня этой возможности; но если я служу Тебе из чистой любви, тогда делай мне, что Тебе угодно»³⁸. Этот мотив встречался у многих суфиев. «Почти каждый мистический поэт в исламе высказал мысль: “Любящий должен любить так, чтобы не думать об аде или рае”. Ведь “те несколько гурий и дворцы”, которые обещаны благочестивому в раю, суть всего лишь завесы, скрывающие вечную божественную красоту: “Когда Он наполняет твои мысли

³⁷ Иларион (Алфеев), иеромонах. Введение в догматическое богословие. С. 257.

³⁸ Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1996. С. 270.

раем и гуриями, знай наверняка, что Он держит тебя в отдалении от Себя»³⁹.

Посредством аллегории реальное представление может уйти очень далеко от первоначального образа. Безусловно, у мистиков и интеллектуалов того же ислама на протяжении многих веков описанный выше коранический образ райского наслаждения зачастую вызывал если не отвращение, как говорил Бертэльс⁴⁰, то во всяком случае определенную неудовлетворенность. И, безусловно, эта неудовлетворенность порождала массу разнообразных аллегорических толкований, пытающихся преодолеть грубую чувственность и духовную ограниченность буквального понимания этого образа⁴¹.

Некоторые, как, например, Ибн Араби, разделяли рай на «низший» и «высший», чувственный — для простых мусульман и духовный — для продвинутых мистиков. «Любящим в Судный День будет дарован особый удел... и те, кто любит друг друга в Боге, будут стоять на столпе из красного гранита и смотреть сверху вниз на обитателей рая»⁴² — такой образ можно встретить в суфийской литературе. Другие же были склонны последовательно подвергать аллегории все коранические элементы образа рая и тем самым духовно осмыслять общий для всех рай.

³⁹ Шиммель А. Мир исламского мистицизма. М., 1999. С. 38.

⁴⁰ См.: Бертэльс Е. Э. Райские девы (гурии) в исламе // Избранные труды. М., 1965. Т. 3. С. 179.

⁴¹ Но тем не менее любая аллегория всегда зависит от того образа, от которого отталкивается, и это оправдывает саму постановку вопроса.

⁴² Шиммель А. Мир исламского мистицизма. С. 115.

Но и в отношении этих попыток следует все же заметить три принципиальные вещи.

Первое. Даже в духовном, мистическом представлении суфиев о посмертной участи человека отсутствует обожение — та основополагающая для христианина истина, что Бог стал человеком, дабы человек мог стать богом.

Единение с Богом, о котором говорили многие мусульманские подвижники, означало не преображение целокупного человека в бога по благодати, не причастие человеческой личности Божеского естества, но полное духовное уничтожение личности любящего в созерцании единственности Возлюбленного.

Один из величайших мистиков ислама, Джалад-Дин Руми, выразил это очень точными словами: «С Богом для двух “я” нет места. Ты говоришь “я”, и Он говорит “Я”. Либо ты умираешь пред Ним, либо позволь Ему умереть пред тобой, и тогда не будет дуальности. Но невозможно, чтобы субъективно или объективно умер Он — это Живой Бог, «Который не умирает» (Коран 25, 60). Он обладает таким мягкосердием, что, будь это возможно, Он бы умер за тебя, дабы могла исчезнуть раздвоенность, но так как невозможно, чтобы умер Он, умираешь ты, чтобы Он мог манифестировать Себя тебе и могла исчезнуть дуальность»⁴³.

«Что может горсть снега перед солнцем, как не растаять от его сияния и тепла?»⁴⁴ — вопрошал тот же Руми. «Любовь — это уничтожение

⁴³ Читтик У. К. В поисках скрытого смысла. Духовное учение Руми. М., 1995. С. 214.

⁴⁴ Там же.

любящего, исчезающего в Его атрибутах», — говорил Абу ал-Касим ал-Джунайд (ум. 910)⁴⁵. Эта жажда суфиев полностью стереть все следы своего «я», раствориться в видении предвечного света Бога выражалась ими посредством термина *фана*, «самоуничтожение», введенного Баязидом Бистами (ум. 874). Суфии не знали теозиса⁴⁶, и не знали именно потому, что для них была закрыта, точнее же, ими вслед за Мухаммедом была отвергнута как тайна Троиинства, открывающая христианам возможность неуничтожения «я» человека при соединении с «Я» Бога, так и тайна Боговоплощения, позволяющая христианам уповать на целокупное преображение человеческой личности — души и тела — и являющаяся оправданием воскресения с точки зрения христианства.

Второе. Любое одухотворение коранического описания рая, при сохранении ли личности человека или при исчезновении ее в Божественных атрибутах, все равно не решает той проблемы, что этот рай находится вне Бога. Максимальная близость с Божественным Возлюбленным, которой, как им казалось, достигали мусульманские мистики, — это всегда «пред», а не «в», к которому призваны христиане: ***да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня*** (Ин. 17, 21).

Третье. Кораническое чувственное представление (в котором эта чувственность, впрочем, не

⁴⁵ Шиммель А. Мир исламского мистицизма. С. 111.

⁴⁶ Теозис (от греч. θεώσις) — обожение. — Изд.

омрачена грехом!) является, как уже было сказано, оправданием воскресения плоти с точки зрения ислама. В суфизме же вследствие преодоления этого представления всеобщее воскресение теряет свою значимость, оно не находит себе оправдания в исламском мистицизме: «Любовь более величественна, чем сотня воскресений», — говорил Мухаммед Шамсуддин Хафиз (ум. 1389)⁴⁷, и для суфиев мысль о духовном воскресении уже в этой жизни имела большее значение, чем догмат о воскресении плоти в Последний День.

* * *

Представление о блаженной посмертной участи человека крайне важно для понимания содержания той или иной религии, и тем удивительнее, что исследователи, как правило, обходят его вниманием, тогда как это основной нерв религии, без него лишается смысла все остальное: *если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков* (1 Кор. 15, 19). И в исламе именно этим обусловлено то, что в Коране практически нет ни одной суры, которая не упоминала бы о «садах улады». Представление о рае, как лакмусовая бумажка, выявляет саму сущность религиозных представлений; оно тесно связано с представлением о Боге и человеке, о зле и добродетели, о самом мире. Так что и различия в каждом из этих пунктов в учении той или иной религии отражаются и фокусируются в образе будущей жизни уверовавших. Христиане прекрасно понимают это, и потому желающий перейти из

⁴⁷ Шиммель А. Мир исламского мистицизма. С. 110.

ислама в христианство должен в числе прочего отречься от мусульманского образа рая:

«*Вопрошение*: Отрицаешься ли магометанского блазненного⁴⁸ учения о многоженстве в сей жизни и о чувственном услаждении в раи по смерти?

Ответ: Отрицаюся, и учение сие, к плотоугодию измышленное, отвергаю»⁴⁹.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ГРЕХЕ

Каким образом надлежит нам *давать отчет* интересующимся мусульманам *о нашем уповании* (ср.: 1 Пет. 3, 15) так, чтобы оно было адекватно ими воспринято? С чего следует начинать? С доказательства ли превосходства Библии над Кораном? С личности ли Господа нашего Иисуса Христа и значения Его Крестной Жертвы? С Богооткровенной ли тайны Пресвятой Троицы? Расхождения между христианством и исламом дают здесь большой простор, а мусульмане, со своей стороны, также не прочь поговорить на эти темы.

Однако опыт современных христианских миссионеров, работающих в арабских странах, показывает, что диалог с мусульманином следует начинать прежде всего с учения о грехе. Ибо мы должны помнить, что апостолы проповедовали краеугольные истины христианства людям, которые знали, что *чистый от нечистого не рождается* (ср.: Иов 14, 4) и что *нет человека праведного*

⁴⁸ Блазненный — соблазнительный, преткновенный. — Изд.

⁴⁹ Требник дополнительный. М., 1994. С. 424. Этот пункт сохранился уже в самом древнем чине отречения от ислама (см.: Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Византийские представления об исламе. С. 131).

на земле, который делал бы добро и не грешил бы (Еккл. 7, 20). Мусульмане же этого не знают, и этим во многом объясняются расхождение и непонимание по другим вышеозначенным вопросам.

Различия между христианским и мусульманским пониманием греха можно разделить на несколько основных пунктов.

Существо греха

Что есть грех? По мусульманскому учению, грех — неведение Божественного закона. Вообще ислам — религия максимально рационализированная. Знанию (положительному, религиозному) придается подчас едва ли не решающее значение: «Ученый мог бы и не совершать благих деяний — он был бы оправдан своими знаниями. А если бы ты, простолудин, посмотрев на него, пренебрег благими деяниями, то дурные деяния твои, поскольку ты лишен его знаний, погубили бы тебя, ибо заступничества тебе искать было бы не в чем»⁵⁰.

Христианство никогда не рассматривало грех лишь как неведение. Религиозный опыт не только христиан, но и всего человечества убеждает в том, что грех оказывает на согрешающего гораздо более глубинное влияние, чтобы можно было ограничивать его одним лишь умом. «Грех в православном понимании — это не преступление или оскорбление в юридическом смысле, это и не просто некий безнравственный поступок; грех — это прежде всего болезнь человеческой природы»⁵¹ — так Шестой

⁵⁰ *Ал-Газали Абу Хамид*. Избавляющий от заблуждения // Степанянц М. Т. Восточная философия. М., 1997. С. 435.

⁵¹ *Давыденков Олег, иерей*. Догматическое богословие. М., 1997. С. 148.

Вселенский собор в 102-м правиле определяет грех как болезнь души.

Нельзя сказать, что мусульманское учение совсем уж неверно с точки зрения христианина. Признание глубинной связи греховного состояния человека и джахилийи, религиозного невежества, отрицания своим умом и своей жизнью факта существования единого благого и истинного Бога, имеется и в христианстве, но здесь оно осмысливается как одно из проявлений состояния падшести человеческой природы и «как следствие изначального отступничества от Бога»⁵². Ошибка мусульманского богословия в том, что оно принимает часть за целое.

Первый грех

В Коране, как и в Библии, также описывается грехопадение прародителей. Однако в Коране этому факту не придается общечеловеческого значения, как в Священном Писании христианства: Адам покаялся и был прощен, его неведение было упразднено, грех исчез. После одного из описаний грехопадения автор Корана взывает: «О сыны Адама! Пусть сатана не искусит вас, как он извел ваших родителей из рая, совлекши с них одежду, чтобы показать им их мерзость. Ведь он видит вас — он и его сонм — оттуда, откуда вы их не видите. Поистине, Мы сделали шайтанов покровителями тех, которые не веруют!» (Коран 7, 26). Таким образом, каждый человек как бы находится перед тем

⁵² *Преподобный Каллист Ангеликуд*. Слово 16 // Путь к священному безмолвию. М., 1999. С. 105.

же выбором, что и Адам, причем в равном с ним положении и с равными возможностями. Первый грех в исламе не мыслится как первородный, то есть открывший путь всем последующим грехам. «Учение о первородном грехе не согласуется с Кораном и логически противоречит Божественной справедливости. Вера в то, что грехи индивидуально ответственных людей может искупить кто-то другой, противоречит кораническим представлениям о законе, справедливости и человеке, а также доводам разума»⁵³. «Ислам исходит из того, что Бог справедлив и никого не карает за чужие грехи или некие изначальные грехи. Все люди рождаются в мир свободными и непогрешимыми. Им дается от Бога свобода выбора, или фуркан (различение добра и зла). И в конце концов человек будет отвечать перед Богом только за свои грехи, то есть спасение человека не в руках некоего Спасителя, уверовав в Которого человек освобождается от греха, а в его собственных руках, путем познания фуркана»⁵⁴.

Однако ни в Коране, ни в позднейшем мусульманском богословии не объясняется, почему Бог, даровав прощение Адаму, не возвратил его в Эдем. Если Адам был изгнан за свой личный грех (а Коран подчеркивает, что это именно так) и если этот его грех не имеет последствий для дальнейшего человечества (как утверждает исламское богословие), то почему мы, его потомки, не рождаемся и не живем также в Эдеме, но в земле изгнания? В этой

⁵³ *Варденбург Ж.* Мировые религии с точки зрения ислама // Христиане и мусульмане: проблемы диалога. М., 2000. С. 329. (Рецензию на книгу см. ниже, с. 229–236. — *Изд.*)

⁵⁴ Из дискуссии на форуме сайта www.kuraev.ru.

связи можно сказать, что наше нынешнее состояние не соответствует фитре, то есть первоначальному состоянию человеческой природы. Наши условия *de facto* весьма различны по сравнению с условиями, в которых находились Адам и Ева в Эдеме, так что по умолчанию некая ответственность за чужой грех все же подразумевается и требования коранической справедливости все равно не удовлетворены. На это следует обращать внимание мусульман в диалоге.

Д-р Осман Яхья из Каирского университета в своем докладе, прочитанном на одной из встреч мусульманских богословов и представителей Католической Церкви, очерчивает проблематику этого вопроса еще рельефнее: «Коран сталкивает нас с человеком в двух основных состояниях: в его первоначальном виде — прототипе, созданном по образу Божию, и в его настоящем положении. В своем первоначальном виде человек был исключительно гармоничен. Он был само совершенство. Коран дает нам описание: “Мы создали человека в наиболее благородном виде”. В противоположность этому идеальному типу человек в его нынешнем состоянии является слабым (Коран 4, 32), безнадёжным (11, 12), неверным (14, 34), сварливым (16, 4), тираном (96, 6), погибшим (105, 2) и тому подобное. Мусульманское богословие действительно не говорит о первородном грехе и о передаче его из поколения в поколение. Но в свете приведенных цитат мы ясно видим два состояния человека: первоначальное совершенство и нынешнее падение. Возможность избавления человека и его последующий

путь были указаны в Коране и адресованы грешникам, отцам человеческой расы: “Идите отныне вперед, и, если будет вам Мое водительство, тот, кто последует за Мной, не будет более бояться, не будет убогим” (2, 38). Этим твердым заявлением Сам Бог предпринимает шаги для спасения человека на пути к праведности. Таким образом, исламская традиция располагает средствами привести человека к его исходному совершенству»⁵⁵. В комментарии к этому докладу, опубликованном в журнале «The Muslim World» (1959. № 1), редактор журнала писал: «Изложенное д-ром Яхья мусульманское богословие, включающее учение о человеке и его спасении, поднимает целый ряд богословских вопросов. Христианин оказывается в растерянности перед этой несомненной уверенностью в том, что “знать — значит делать”; в том, что спасение человека происходит исключительно под знаком откровения и что через закон, данный в общении с Богом, лежит путь, которым человек будет следовать, пока знает о нем и видит его. Вся тайна неповиновения человека и “жестоковейности” кажется исчезнувшей»⁵⁶.

Тайна-то и впрямь кажется исчезнувшей, вот только сама жестоковейность и неповиновение человека все никак не исчезают. В том числе и среди мусульман. Слабость исламского богословия в этом вопросе состоит в том, что оно не объясняет состояние современного человека, в то время как христианское учение о грехе, как говорил еще святой Григорий Нисский, «не баснословное ска-

⁵⁵ Яхья О. Человек и его совершенство в мусульманском богословии // *Медани Бессам*. Библия и ислам. М., 1996. С. 76.

⁵⁶ Там же.

знание, но в самом естестве нашем черпает свою веро-
роятность»⁵⁷.

По христианскому учению, вкусив плод, человек не узнал чего-то нового и не утратил части какого-то знания, но переступил грань. Грехопадение качественно изменило отношения человека с Богом, образовав пропасть между ними, и осквернило само человеческое естество. А поскольку искаженная, помраченная природа не может породить природу чистую и первозданную, каждый человек от рождения получает природу, пораженную грехом. Это и называется в христианском богословии первородным грехом. *Они же, подобно Адаму, нарушили завет и тем изменили Мне* (ср.: Ос. 6, 7); *О, что сделал ты, Адам? Когда ты согрешил, то совершилось падение не тебя только одного, но и нас, которые от тебя происходим* (3 Езд. 7, 48).

«Как преступивший заповедь Адам принял в себя закваску страстей, так и родившиеся от него, и весь род Адамов, по преемству стали причастниками оной закваски; а при постепенном преспеянии и возрастании до того уже умножились в людях греховные страсти, что простерлись они до прелюбодеяний, непотребств, идолослужений, убийств и других непотребных дел, пока все человечество не вскисло пороками»⁵⁸. Образ преподобного Макария, уподобляющего влияние греха на человечество воздействию дрожжей на тесто, очень красноречив и

⁵⁷ Святитель Григорий Нисский. Большое огласительное слово // Восточные отцы и учителя Церкви IV века. М., 1999. Т. 2. С. 159.

⁵⁸ Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы. М., 1998. С. 182.

выразителен. Именно таким образом «этот новонасажденный грех к злосчастным людям перешел от прародителя»⁵⁹, «ибо оставил он детям в наследство не чистоту, но блуд, не нетление, но тление, не честь, но бесчестье, не свободу, но рабство, не царство, но тиранию, не жизнь, но смерть, не спасение, но гибель»⁶⁰, — кратко говоря, «то, чем человек соделался, то самое он и родил»⁶¹.

Последствиями первого греха христианство называет несколько явлений в жизни человека.

Во-первых, это духовная смерть. Наступившая после грехопадения и выразившаяся в померкании ума, воли и чувств прародителей, она привела к расстройству самой человеческой природы. «Все силы души его (человека. — *Ред.*) получили неподобающее направление, наклонились к злу, к страстям»⁶². Извратилась вся прежняя богозданная иерархия в человеке: «Дух должен был жить Богом, душа — духом, тело — душой. Но дух начинает паразитировать на душе, питаясь ценностями не Божественными, а подобными той автономной доброте и красоте, которые змий открыл женщине, когда привлек ее внимание к древу. Душа, в свою очередь, становится паразитом тела — поднимаются страсти.

⁵⁹ *Святитель Григорий Богослов*. Творения: В 2 т. Сергиев Посад, 1994. Т. 2. С. 34.

⁶⁰ *Святитель Мелитон Сардийский*. О Пасхе // Сочинения древних христианских апологетов. С. 533.

⁶¹ *Блаженный Августин Иппонийский*. Творения. СПб., Киев, 1998. Т. 3. С. 557.

⁶² *Алипий (Кастальский-Бороздин), архимандрит, Исаия (Белов), архимандрит*. Догматическое богословие. Сергиев Посад, 2002. С. 238.

И, наконец, тело становится паразитом земной вселенной, убивает, чтобы питаться, и так обретает смерть»⁶³. «Со времен Адамова преступления душевные помыслы, отторгшись от любви Божией, рассеялись в веке сем и смешались с помыслами вещественными и земными»⁶⁴. «Ибо изменение произволения в Адаме ввело страстность, тленность и смертность в естество человеческое»⁶⁵, «претерпело изменение и тело, став вследствие преступления заповеди тленным и смертным из нетленного и бессмертного»⁶⁶; «земля, проклятая в делах Адама, есть плоть Адама, вследствие дел его, то есть страстей оземлянившегося ума, всегда подвергаемая проклятию в виде бесплодия добродетелей»⁶⁷; «до вкушения знали они добро по опыту, о зле же только слышали, а по вкушении произошло противное тому: они стали только слышать о добром, худое же испытывать на деле»⁶⁸. Грехопадение «не только расстроило простую душевную память о добре, но и извратило все силы души, ослабив ее природные влечения к добродетели»⁶⁹; «оба — тело и душа — растлились и сорастворились по естественному закону объединения и влияния друг на

⁶³ Лосский В. Н. Догматическое богословие. М., 1992. С. 162.

⁶⁴ Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы. С. 182.

⁶⁵ Преподобный Максим Исповедник. Творения. М., 1993. Т. 2. С. 111.

⁶⁶ Преподобный Анастасий Синаит. Три Слова об устройении человека по образу и подобию Божию // Альфа и Омега. 1999. № 2 (20). С. 134.

⁶⁷ Преподобный Максим Исповедник. Творения. Т. 2. С. 35.

⁶⁸ Преподобный Ефрем Сирийский. Творения. М., 1995. Т. 4. С. 250.

⁶⁹ Преподобный Григорий Синаит. Творения. М., 1999. С. 25.

друга, причем душа предала себя страстям и демонам, тело же уподобилось бессловесным скотам свойствами своего состояния и подчинением тлению»⁷⁰. «Таким образом, от преслушания заповеди Божией человек соделался доступным враждебному в нем всеянию. И грех в естестве человека воздействовал уже на всякое вожеление»⁷¹.

Мусульманское богословие такой удобопреклонности ко греху падшего человеческого естества формально не признает. Однако эмпирическая очевидность этого явления нашла выражение в таком понятии, как *нафс* (душа). «Естественной стороной человеческой души является нафс — источник отрицания. Человек приближается к Аллаху через воспитание нафса. Воспитывая животные чувства, преодолевая темные устремления к материальному миру, душа человека, подобно птице, вырвавшейся из клетки на волю, возвратится на свою волю, возвратится к Аллаху»⁷². Мы видим, что так же, как и в случае с последствием первого грехопадения, мусульманское богословие косвенно признает наличие повреждения в современной человеческой природе. Признавать же это напрямую оно избегает в силу того, что, во-первых, в таком случае будет нарушено понятие о Божественной справедливости, а во-вторых, придется признать необходимость Спасителя для человека. То, что *калам* (мусульманское богословие) складывался в процессе противостояния, полемики с христианством, не могло пройти бесследно. Ис-

⁷⁰ Преподобный Григорий Синаит. Творения. М., 1999. С. 35.

⁷¹ Святитель Афанасий Великий. Творения. М., 1994. Т. 3. С. 332.

⁷² Хайдар Али. Курс лекций по основам ислама. С. 5.

лам пытается осмыслить реально наблюдаемую в естестве каждого человека отрицательную силу в категориях творческого замысла Создателя — по сути, списывая ответственность за это на Бога.

Во-вторых, следствием человеческого греха явилась смерть физическая: **ибо возмездие за грех — смерть** (Рим. 6, 23). **Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили** (Рим. 5, 12). В исламе смерть мыслится как естественный атрибут человеческой природы. Это объясняется предопределением: «И добро и зло от Аллаха»⁷³, так что «все создания должны будут пройти через смерть перед днем восстания из мертвых»⁷⁴. Но смерть как уничтожение богозданной красоты человеческого естества, как «разрушение прекрасной гармонии»⁷⁵ не может быть естественным, закономерным следствием нашей жизни — это подсказывают сердце и разум каждого человека: **Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих** (Прем. 1, 13).

В-третьих, следуя за человеком, исказилось и все материальное творение, владыкой и главой которого он являлся. Вслед за изменением отношений человека и Бога изменились отношения человека и мира. Те животные, которым он прежде называл имена (знак величайшей власти), перестали ему повиноваться и восстали против него. «Звери... не были изначально злыми... грех же человека испортил их, ибо с преступлением человека и они

⁷³ Ахмад бен Ханбал. Акида (Символ веры) // Хрестоматия по исламу. С. 413.

⁷⁴ Ал-Маудуди Абу-ал-Аала. Принципы ислама. М., 1993. С. 76.

⁷⁵ Святитель Мелитон Сардийский. О Пасхе. С. 535.

преступили. Если владыка дома хорошо ведет себя, то необходимо и слуги живут благочинно, если же господин согрешит, то и слуги также будут грешить; таким же образом произошло и то, что с согрешением человека, который есть господин всего, и служащие ему твари уклонились ко злу»⁷⁶.

Нужно сказать, что вменение первородного греха не есть деяние чисто механическое, происходящее помимо нашего произволения. Своими личными грехами мы со-участвуем в первородном грехе, актуализируем его: «Мы теперь в этом подражаем начальнику нашего человеческого рода и праотцу, Адаму. Потому что по причине нечестивых грехов и падений, которые мы с дурным и превратным расположением ума многократно совершаем, такие же тяжелые обстоятельства терпим, как некогда и он, а можно сказать, и еще более тяжкие обстоятельства, чем он»⁷⁷. Не один Адам, но «все люди, уклонившись во зло делом, или словом, или помышлением... загрязнили чистоту, дарованную от Бога человеческому естеству»⁷⁸, так что вполне можно сказать, что «в преступлении Адама повинен весь род человеческий»⁷⁹.

Покаяние

В Коране христианская практика исповеди перед священником и при его свидетельстве подвергается резкой критике: «Поистине, Аллах не

⁷⁶ *Святой Феофил Антиохийский*. Три книги к Автолику // Сочинения древних христианских апологетов. С. 153.

⁷⁷ *Святитель Софроний Иерусалимский*. Слово на Рождество Христово // Проповеди. Б. м., б. г. С. 143.

⁷⁸ *Святитель Григорий Палама*. Беседы: В 3 т. М., 1994. Т.1. С. 164.

⁷⁹ *Преподобный Викентий Леринский*. Памятные записки Пегрина. М., 1999. С. 46.

прощает, чтобы Ему придавали сотоварищей, но прощает то, что меньше этого, кому пожелает. А кто придает Аллаху сотоварищей, тот измыслил великий грех. Разве ты не видел тех, которые очищают самих себя? Нет, Аллах очищает, кого пожелает, и они не будут обижены и на финиковую плевую! Посмотри, как они измышляют на Аллаха ложь! Довольно в этом явного греха!» (Коран 4, 51–53).

Однако какова дисциплина покаяния в самом исламе? Рассмотрим несколько хадисов на этот счет.

Абу Зарра говорил: «Я попросил: “Посланник Аллаха, наставь меня”, и он ответил: “Если ты совершил дурной поступок, то соверши вслед за ним хороший, который сотрет его”»⁸⁰. Другой хадис, от Абу Хурайры, передает следующие слова Мухаммеда: «Когда раб Божий совершает грех, он остается черной точкой на его сердце, а когда кается, сердце его очищается. Если же он множит грехи, множатся и точки, пока не покроют все его сердце»⁸¹. «После прегрешения соверши доброе дело, и ты загладишь свой грех»⁸², — гласит арабская пословица. Эта мысль штампом врезалась не только в религиозное, но и во все мировосприятие мусульман, определяя их религиозное сознание.

С точки зрения христианства, никакое совершенное человеком доброе дело не может быть сверхдолжным, поскольку является его обязанностью: **Так и вы, когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие,**

⁸⁰ Ас-Суйути Джалал ад-Дин. Совершенство в коранических науках. С. 128.

⁸¹ Там же. С. 155.

⁸² Ушаков В. Д. Фразеология Корана. М., 1996. С. 193.

потому что сделали, что должны были сделать (Лк. 17, 10). Поэтому даже миллион добрых дел не может изгладить одного проступка. Только Бог может избавить человека от греха и его последствий посредством установленных Им Таинств. На деле же как раз мусульманское учение о том, что человек может очистить себя посредством собственных поступков, означает, что это мусульмане «очищают самих себя». Отказавшись от четких критериев христианской дисциплины покаяния (а попросту — не будучи с ней толком знакомым), ислам должен был выработать свои критерии, согласно которым можно было бы с достаточной степенью точности определить, в каком случае покаяние считается принятым, а в каком нет и что именно необходимо сделать, чтобы оно считалось совершённым.

«О Аллах! отдели меня от моих грехов, как Ты отделил Машрик от Магриба. О Аллах! очисти меня от моих грехов, как очищаются белые одежды. О Аллах! отмой меня от моих грехов водою, снегом и градом»⁸³, — произнесение этой ежедневной молитвы при правильно соблюденном ритуале намаза и является этим самым покаянием согласно Корану: «проси прощения за грех твой и возноси хвалу Господу твоему вечером и утром!» (Коран 40, 57).

В хадисе, переданном со слов Абу Хурайры, Мухаммед спрашивает своих сподвижников: «Если бы у дверей дома кого-нибудь из вас протекала река и он купался бы в ней по пять раз ежедневно, могла бы после этого остаться на

⁸³ *Ас-Савваф Мухаммад Махмуд*. Мусульманская молитва. С. 62.

нем грязь?». Те ответили: «После этого на нем не осталось бы ничего нечистого». Тогда Мухаммед сказал: «Это подобно пяти молитвам, с помощью которых Аллах стирает ваши прегрешения»⁸⁴. Вариантов хадисов на эту тему огромное множество; в других хадисах фигурируют ночная молитва, пятничная молитва и тому подобное. Встречаются и более неожиданные для христианского мировосприятия условия: «Тому, кто постится в рамадан с верой и надеждой на награду, будут прощены его предыдущие прегрешения» (Аль-Бухари и Муслим)⁸⁵; «Соблюдение поста в день стояния на Арафате служит искуплением грехов прошедшего и следующего года» (Муслим)⁸⁶; «Если двое из числа мусульман встретятся и пожмут друг другу руки, их прегрешения обязательно будут прощены им прежде, чем они расстанутся» (Абу Дауд)⁸⁷; «“Слава Тебе, о Аллах, Господь мой, и хвала Тебе, нет бога, кроме Тебя, я прошу у Тебя прощения и приношу Тебе свое покаяние”, — если эти слова произнесет любой человек, когда будет покидать собрание, ему обязательно простятся все прегрешения, совершенные им во время этой встречи!» (Аль-Хаким)⁸⁸.

Все эти вариативные высказывания выражают, в общем, одну ту мысль, что «предписания

⁸⁴ *Ал-Бухари Имам Исмаил. Изречения и деяния (хадисы) пророка Мухаммеда. М., 1998. С. 44.*

⁸⁵ *Аль-Хашими Махаммад Али. Личность мусульманина согласно Корану и сунне. М., 2000. С. 27.*

⁸⁶ Там же. С. 31.

⁸⁷ *Зину Мухаммад бин Джамиль. Достоинства пророка. М., 2000. С. 150.*

⁸⁸ Там же. С. 128.

шариата обладают такими свойствами исцеления сердец и их очищения, которые не могут быть постигнуты путем рационального рассуждения, но могут быть усмотрены лишь оком пророчества»⁸⁹. По сути, это означает, что строго придерживающийся ритуала человек вообще может быть свободен от таких понятий, как грех и покаяние. И уже то, что ты исповедуешь ислам, избавит тебя в будущей жизни от вечных мук, какие бы грехи на тебе ни висели: «Возможно, Аллах Всевышний простит его без наказания, а если он и накажет его за его грех, то его наказание не будет вечным, и исход его дела — воздаяние в раю»⁹⁰. Такую установку иначе, чем самообманом, назвать сложно, хотя бы потому, что она напрямую противоречит Корану.

* * *

В своем суровом реализме христианское учение о грехе может показаться страшным. Однако необходимо всегда помнить и напоминать собеседнику-мусульманину о том, что смысл проповеди христианства как раз состоит не в возвещении гибели от греха, а в предвещании спасения от Бога, явившегося нам в лице Господа нашего Иисуса Христа, *взявшего на Себя грех мира* (ср.: Ин. 1, 29), и потому именно мы не боимся осознавать грех в его истинном значении, ибо имеем истинного Спасителя, истинно разрешающего нас от наших грехов.

⁸⁹ Ал-Газали Абу Хамид. Избавляющий от заблуждения. С. 432.

⁹⁰ Ал-Багдади Абд ал-Кахир бен Тахир. Основы религии в богословии // Хрестоматия по исламу. С. 124.

ПОНЯТИЕ ЧУДА⁹¹

«Татары: И Мухаммед творил много чудес... Так, в одно время... он разделил луну пальцем надвое и потом соединил ее; заставил говорить верблюда, камень и дерево; маленькие камешки, бывшие у него на ладони, прославляли его; с самого раннего времени и до смерти белое облако осеняло его... Всех же чудес невозможно и пересказать.

Колостов: Мне кажется, достаточно и высказанных вами чудес, чтобы видеть, сколь великие и дивные чудеса творил Мухаммед, но... все они почти бесполезны для людей. Истинные посланники Божии исцеляли больных, возвращали зрение слепым, очищали прокаженных, воскрешали мертвых и тому подобное. А Мухаммед исцелил ли хотя одного больного? Нет. Возвратил ли зрение слепому? Нет. Очистил ли прокаженного? Нет. Заставлял ли немых говорить? Нет. Воскрешал ли мертвых? Нет и всё нет»⁹².

Этот отрывок из обычного миссионерского дореволюционного произведения очень ясно показывает различие двух пониманий смысла сверхъестественных явлений. Искренняя вера мусульман в то, что чудеса призваны служить прославлению пророка, сталкивается с не менее искренним убеждением христианина, что главное назначение чудес — в принесении пользы людям.

Данный конфликт пониманий имеет под собой глубокие корни. Действительно, в исламе

⁹¹ Впервые опубликовано: Альфа и Омега. 2001. № 1 (27). Печатается с некоторыми изменениями и дополнениями.

⁹² Григорьев Н. Беседа с татарами о Мухаммеде. С. 10–11.

чудо — это прежде всего знамение, тогда как в христианстве — сверхъестественное вспоможение отдельной личности или группе людей. Особенно ярко выделяется принципиальное различие этих подходов к пониманию чудесного в одном древнем хадисе. Передают, что когда Мухаммеду рассказали о хождении Христа по воде, то он ответил: «Да будет милостив Аллах к брату нашему, Исе! Будь у Него больше уверенности, Он смог бы ходить и по воздуху»⁹³. Для Мухаммеда чудо хождения по воде отображало как раз визуальную проекцию степени приближенности к Богу, но Сам Христос, как мы помним, шел по воде просто для того, чтобы перейти на другой берег!⁹⁴

Глубже очертить различия этих подходов и выявить причины, лежащие в их основании, и призвана данная глава.

Чудеса в Коране, Ветхом и Новом Завете

«Мусульманские богословы подробно рассматривали теорию чудес и классифицировали чудеса святых как карамат, “харизматические деяния”, а чудеса пророков — как муджизат, “неповторимые деяния”. Эти два типа чудес всегда четко различались»⁹⁵. Считалось, что «если чудо-муджиза помогает пророкам публично проповедовать свои

⁹³ *Ат-Туси Абу Наср ас-Саррадж*. Самое блистательное в суфизме // Хрестоматия по исламу. С. 159.

⁹⁴ Это не совсем полное определение; точнее было бы сказать, что Христос шел по воде, чтобы уйти от напряженного, но не совсем благочестивого интереса к Нему, вызванного умножением хлебов. — *Ред.*

⁹⁵ *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма. С. 166.

учения, то чудо-карама дается мусульманскому святому в знак правильности избранного им пути и не подлежит разглашению»⁹⁶. Приведенный в начале главы фрагмент спора христианина и мусульман касается, конечно же, второго типа чудес — чудес пророков, и в этой главе речь пойдет именно о чудесах этого типа, чудесах-муджизат.

Примерно то же, что показал нам процитированный выше суфийский хадис, можно увидеть, если сравнить первое чудо Христа по Корану с первым чудом, совершенным Им по Евангелию. Согласно Корану, первым чудом Сына Марии было то, что Он в младенческом возрасте чудесным образом на руках у Матери заговорил с иудеями, свидетельствуя о Себе как о пророке, которому будет ниспослано Писание (см.: Коран 19, 31–34). Согласно же Евангелию, первое Свое чудо воплотившийся Сын Божий сотворил на браке в Кане Галилейской, когда по просьбе Своей Матери превратил воду в вино, дабы избавить от позора бедных брачующихся, у которых вина не доставало, и сотворил так, что это, как подчеркивает евангелист, осталось неизвестным даже присутствовавшим на свадьбе.

Другое чудо Исы — Иисуса, описанное в Коране, — чудесное явление трапезы (см.: Коран 5, 112–115) — имеет явную параллель с евангельским чудом умножения хлебов и насыщением ими нескольких тысяч пришедших услышать проповедь Христа (см.: Мф. 14, 15–21; 15, 32–38;

⁹⁶ Кныш А. Д. Карама // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 132.

Мк. 6, 35–44; 8, 1–9; Лк. 9, 12–17; Ин. 6, 5–13). В истории, рассказанной в Коране, апостолы просят явить им (!) трапезу как доказательство пророческих полномочий Исы: «Вот сказали апостолы: “О Иса, сын Марьям! Может ли твой Господь низвести нам трапезу с неба? ... Мы хотим поесть с нее, и успокоятся наши сердца, и будем мы знать, что ты сказал нам правду, и мы будем о ней свидетелями”. Сказал Иса, сын Марьям: “Аллах, Господи наш! Низведи нам трапезу с неба! Это будет праздником для первого из нас и для последнего и знамением от Тебя”» (Коран 5, 112–114). В Евангелии инициатива чудотворения исходит от Самого Христа и мотивация чуда совершенно иная: *Иисус же, призвав учеников Своих, сказал им: жаль Мне народа, что уже три дня находятся при Мне, и нечего им есть; отпустить же их неевшими не хочу, чтобы не ослабели в дороге* (Мф. 15, 32).

С достаточной степенью осторожности можно сказать, что в исламском представлении о чудесах, совершенных пророками, в том числе и кораническим Исой — Иисусом, личностная мотивировка, основополагающая для Евангелия, совершенно не находит себе места. Чудо-муджиза — «это деяние, совершаемое пророком по воле Бога как доказательство его права на пророчество. Чудеса являются знамением связи пророка с источником откровения»⁹⁷. В этом смысл пророческих чудес по Корану, таков он и для мусульманского богословия. Мысль о том, что единственного умершего сына вдовы Христос воскресил лишь

⁹⁷ Лари Сайид Муджтаба Мусави. Пророчество. Баку, 1994. С. 27.

потому, что *сжалился над нею* (Лк. 7, 13), для последовательного мусульманского богословия непонятна и неприятна, и именно потому, что эта мысль не находит себе основания в этой религиозности, тогда как для христианства основание столь пристального внимания к человеческой личности обусловлено догматически значимым фактом личностного вочеловечения Бога Слова, после которого каждая человеческая личность призвана к обожению. Это непонимание и неприятие хорошо иллюстрирует пример известного мусульманского апологета XX века Ахмада Шалаби, который отрицал евангельские чудеса Христа на том основании, что, по его мнению, они походили на театральное действо, не имеющее какой-либо цели. Он протестовал: «Бог привел к смерти, а Иисус оживляет»⁹⁸.

Да, в Коране также говорится о воскрешениях мертвых и чудесных исцелениях больных, совершенных Иисусом, однако не стоит вводиться в заблуждение — это не более чем инклюзивный элемент синкретичной религиозной системы, коей, безусловно, является ислам. Сказания об этих чудесах появились в исламе лишь как заимствование из христианства, и потому вполне естественно, что и эти чудеса также переосмысляются мусульманами исходя из их собственного понимания чуда.

Ключевую роль в этом переосмыслении играет уже упоминавшееся понятие мусульманского

⁹⁸ *Айюб Махмуд*. Отношение мусульман к христианству: несколько современных примеров // Христиане и мусульмане: проблемы диалога. М., 2000. С. 361.

богословия — *муджиза* (множественное число — муджизат), совокупность «чудес, которые пророк с позволения Бога может демонстрировать в качестве подтверждения истинности своей пророческой миссии»⁹⁹. Воспринимаемые через призму этого понятия, исцеления и воскрешения, совершенные кораническим Исой, встраиваются, таким образом, в довольно цельную картинку: «Современники Мусы (Моисея) известны своими значительными достижениями в области иллюзионизма. Но его <Моисея> муджиза победила лучших иллюзионистов Египта. Современники Исы (Иисуса) славились своими достижениями в области медицины, но Иса со Своим муджиза — лечить неизлечимые болезни и возвращать к жизни покойников — был уникален. Арабы, современники Мухаммеда, славились высокими достижениями в области риторики и поэзии. Самым величественным муджиза Мухаммеда был Коран. Ни одному арабскому поэту во время своих публичных выступлений не удалось предложить равное ему творение»¹⁰⁰. Вполне очевидно, что при таком понимании полностью игнорируется личностная мотивация совершения чудес, основополагающая для христианства (вспомним: ***Чего ты хочешь от Меня? — Господи! чтобы мне прозреть. — Прозри!*** [ср.: Лк. 18, 41–42]).

В этой связи очень красноречив 43-й аят 3-й суры, содержащий квинтэссенцию миссии Исы и вложенный в Его же уста: «Я пришел к вам со знамением от вашего Господа. Я сотворю вам из

⁹⁹ Хайдар Али. Курс лекций по основам ислама. С. 15.

¹⁰⁰ Взгляд на ислам. Первомайское, 1992. С. 37–38.

глины по образу птицы и подую в нее, и станет это птицей по изволению Аллаха. Я исцелю слепого, прокаженного и оживлю мертвых с дозволения Аллаха. Я сообщу вам, что вы едите и что сохраняете в ваших домах. Поистине, в этом — знамение для вас, если вы верующие!». Очень показательно, что оживление глиняных птичек (сюжет, восходящий к апокрифическому «Евангелию детства») ставится в один ряд с оживлением мертвых и исцелением больных людей. Это естественно, поскольку смысл чудес здесь заключается не в облегчении человеческих страданий, а в доказательстве истинности пророческой миссии.

Средневековый мусульманский богослов аль-Мутанна говорил, что Иисус исцелил слепорожденного и прокаженных именно для того, чтобы тем самым доказать иудеям, что Он — пророк, «поскольку прирожденные слепота и проказа неизлечимы»¹⁰¹. Такое видение коренным образом противоречит христианскому пониманию смысла исцелений, совершенных Христом: «Спаситель знал их (иудеев. — Ю. М.) ослепление и потому творил чудеса не для их убеждения, а для того, чтобы других исправить»¹⁰², — писал великий христианский подвижник святитель Иоанн Златоуст за двести лет до появления ислама.

Сходным образом в мусульманской традиции переосмысляются и чудеса воскрешения мертвых, так что они, также теряя личностную мотивацию, и вовсе превращаются в нравоучительные

¹⁰¹ Абд-эль-Фади. Личность Христа в Евангелии и Коране. Корнталь, 1985. С. 16.

¹⁰² Святитель Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея евангелиста. СПб., 1901. Т. 1. С. 452. Выделено мною. — Ю. М.

интермедии. Вот один характерный пример. «Передают, что однажды, когда Иисус проходил через кладбище, Он остановился и вознес моление: “О Господи, благоволением и милостью Твоею да воспрянет один из умерших!”. Земля расступилась, и высокая фигура восстала из праха. “Кто ты?” — спросил Иисус. Человек назвал свое имя. “Когда ты умер?” — “Две тысячи семьсот лет назад”. — “Что ты ощущаешь, будучи мертвым?” — “Горький вкус смерти, что и сейчас со мной”. — “Что сотворил Господь, чтобы сделать смерть столь неприглядной для тебя?” — “С тех пор как я умер, претерпевал я непрестанное дознание касательно доли имущества сирот, которую я присвоил себе, и доныне приходится мне расплачиваться за это”. Сказав так, он сошел в могилу»¹⁰³.

Говоря о чудесах Мухаммеда, нельзя не отметить, что в Коране неоднократно отрицается возможность совершения им каких-либо чудес (см.: Коран 13, 8; 17, 90–95; 25, 58 и др.), что не мешало, впрочем, возникновению уже в самом раннем времени преданий о многочисленных чудесах, совершенных «пророком», часть которых была приведена в настоящей главе.

Однако на основании этого отрицания делать тот вывод, что «в кораническом тексте чудеса — дело, не очень достойное настоящего пророка»¹⁰⁴, было бы в корне неверно. Чудеса Мусы — Моисея известны. Дауд — Давид повелевает неживой природой (см.: Коран 21, 79). Сулейман — Соломон, по

¹⁰³ Ансари Ходжа Абдулла. *Тафсир // Нубархш Джавад*. Иисус глазами суфиев. М., 1999. С. 113.

¹⁰⁴ Пиотровский М. Б. Коранические сказания. М., 1991. С. 107.

Корану, обладает чудесными способностями разговаривать с животными, шайтанами и джиннами и повелевать ими (27, 16–45). Юсуф — Иосиф провидит будущее (12, 41). Иса — Иисус оживляет глиняных птичек (3, 43), исцеляет больных, низводит с неба стол, полный пищи (5, 113–114). В Коране имеются сказания и о чудесах, совершившихся не с пророками, а с обычными людьми. Таков, например, рассказ о путнике, умершем и воскрешенном Богом через сто лет вместе со своей ослицей и пальмой, у которой он остановился (2, 261), или об отроках, невредимо проспавших по воле Бога в пещере 309 лет (18, 8–25).

Нет, чудо занимает в Коране свое определенное, законное и далеко не последнее по важности место. Помимо обсуждавшегося уже понятия муджиза, которое действительно очень близко мировоззрению Корана, чудо в последнем имеет и свое внепророческое осмысление. Весь тварный мир со всеми его естественными процессами, все перипетии определенной Всевышним судьбы свидетельствуют о могуществе, силе и мудрости Бога. Но чудо — это свидетельство высшего порядка. Это водораздел, за которым ответственность человека достигает критической точки: если после явного чуда он не уверует, то будет подвергнут немедленной страшной каре (см., например: Коран 5, 115).

Однако и в таком осмыслении чудо, как можно заметить, не следует из мусульманского представления о нем лишь как о свидетельстве. То «отделение создания от Создателя, которое Мухаммедом было провозглашено безграничным и бесповоротным»¹⁰⁵,

¹⁰⁵ Грюнебаум Г. Э., фон. Классический ислам. М., 1988. С. 32.

не позволяет допустить личное участие и глубокую личную заинтересованность Бога в этой земной жизни созданного Им человека со всеми ее мелочами и повседневным бытом — жизни, которая, как верят христиане, была освящена Его ипостасным, исторически реальным присутствием.

Если мы обратимся к Ветхому Завету, то увидим, что в нем присутствуют и чудеса-знамения, и чудеса-вспоможения. Так, чудо Илии с огнем (см.: 3 Цар. 18, 15–38) — типичный пример знамения, тогда как воскрешение Елисеем отрока сонамитянки (см.: 4 Цар. 4, 18–37) — столь же типичный случай сверхъестественного вспоможения. Можно даже сказать, что знамения в Ветхом Завете доминируют: ***И сказал [Господь Моисею]: вот, Я заключаю завет: пред всем народом твоим соделаю чудеса, каких не было по всей земле и ни у каких народов; и увидит весь народ, среди которого ты находишься, дело Господа; ибо страшно будет то, что Я сделаю для тебя*** (Исх. 34, 10). Из многочисленных случаев употребления в Ветхом Завете слова «чудеса» (τὰ θαυμάσια) чаще всего оно приводится в прямой связке со «знамениями» (τὰ σημεῖα), что заставляет предположить доминирующее (но все же не единственное!) понимание в Ветхом Завете смысла чудес как особого вида знамений.

Однако в Новом Завете все кардинально меняется. При обилии чудес (τὰ θαυμάσια) знамения (τὰ σημεῖα) не просто отходят на второй план, их не просто становится меньше — можно сказать, что они принципиально отвергаются. Христос отвергает предложение сатаны броситься с кровли храма и, оставшись невредимым, явить этим знамение

(см.: Мф. 4, 5–7; Лк. 4, 9–12). Христос неоднократно отвергает прямые требования фарисеев явить им знамение (см.: Мф. 12, 39; 16, 4; Мк. 8, 12; Лк. 11, 29; Ин. 2, 18–19), говоря: *для чего род сей требует знамения? Истинно говорю вам, не данся роду сему знамение* (Мк. 8, 12). Более того — даже когда Иоанн Креститель посылает своих учеников, которые не вполне понимали, Кто есть Иисус (см.: Ин. 3, 25–26), спросить: *ожидать ли нам другого?* (ср.: Мф. 11, 3; а не: «ожидать ли мне другого»), желая, чтобы Христос как-то лично, по-особенному убедил их¹⁰⁶, — Господь отвечает им, что и общеизвестных совершенных Им чудес достаточно для того, чтобы уверовать тому, кто желает верить Богу (см.: Мф. 11, 2–6; Лк. 7, 19–23). Даже для них Он отказывается совершать специальные знамения.

Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не данся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи (Мф. 12, 39–40); *род сей лукав, он ищет знамения, и знамение не данся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был знамением для*

¹⁰⁶ Таково толкование этого эпизода у святых отцов — преподобный *Ефрем Сирий*: «Послал их ко Христу с тою целью, чтобы, увидевши чудеса, они укрепились в вере в Него» (Толкование на Четвероевангелие // Творения. Сергиев Посад, 1914. Т. 8. С. 9); святитель Иоанн Златоуст: «Итак, для чего Иоанн посылал спрашивать? Для того, чтобы... обратить их ко Христу (Мф. 11, 1–2)»; преподобный Иероним Стридонский: «Послал учеников своих ко Христу, чтобы они в этом случае, видя совершаемые знамения и силы, уверовали в Него и через вопрос учителя научились бы сами (Мф. 11, 2)».

Ниневитян, так будет и Сын Человеческий для рода сего (Лк. 11, 29–30). Каково значение этих слов? Очевидно, что во всем, что Господь совершает, уже заключено знамение. Ведь Иона едва ли не единственный пророк Ветхого Завета, который не совершал никаких чудес (на что указывал еще преподобный Ефрем Сирий¹⁰⁷)! И смысл ответа Иоанновым ученикам именно таков¹⁰⁸.

Итак, мы видим, что для Нового Завета это смещение акцента в понимании чуда имеет принципиальное значение. С чем это может быть связано? На наш взгляд, это может быть связано с тем, что с Пришествием Христа качественно изменились отношения человека и Бога¹⁰⁹. Когда Сам Бог рядом, знамения излишни. Не случайно столь много знамений в Ветхом Завете; они — атрибут, неотъемлемая часть закона, который исполнен Пришествием Христа (см.: Мф. 5, 17).

По апостолу Павлу, закон был нужен для познания греха, по Пришествии же Спасителя мы получили оправдание и действительное *освобождение* от греховных уз (см.: Рим. 8, 2). И продолжение исполнения этого самого по себе благого и богоданного закона после краеугольного для истории человечества события воплощения

¹⁰⁷ См.: *Преподобный Ефрем Сирий*. Толкование на Четвероевангелие. С. 154.

¹⁰⁸ **Знаменем Ионы пророка** можно считать содержание его миссии к ниневитянам: **Покайтесь — или погибнете** (ср.: Лк. 13, 3). — *Ред.*

¹⁰⁹ Есть еще одно богословское мнение в контексте полемики с мусульманами: Господь скрывал чудеса в начале Своего служения, чтобы не поработать ими окружающих.

Бога Слова, после качественного изменения отношений человека и Бога может даже навредить человеку, *ибо делами закона не оправдается никакая плоть* (Гал. 2, 16). Такое механическое, уже безблагодатное исполнение закона, которое в трансформированном виде, безусловно, сохраняется и у мусульман, ставит преграду между исполняющим и Христом, ибо если законом оправдание, то Христос напрасно умер (Гал. 2, 21).

И как представляется, «голое» чудо-знамение отвергается Новым Заветом именно в комплексе общего преодоления ветхого закона греха и смерти посредством нового закона жизни во Христе Иисусе (ср.: Рим. 8, 2).

Таким образом, священные тексты христианства и ислама стоят на взаимоотношаемых позициях в вопросе о смысле и месте сверхъестественных явлений в человеческой жизни и священной истории.

Чудеса святых

Известно, что богословие ортодоксального ислама не признает культа святых. Тем не менее в массовом сознании рядовых мусульман, в суфизме и во многом близком к нему шиизме он испокон веков занимает определенное место и имеет свою богатую историю и сложившиеся традиции. Несмотря на чуждость этого культа кораническому исламу, он все же несет на себе неизгладимый отпечаток общего мусульманского мировоззрения, а близость и, безусловно, некоторая зависимость его от аналогичного христианского почитания святых тем более делают интересным их сравнение, что ярче оттеняют различия.

Далее разговор пойдет о совершаемых этими святыми «харизматических» чудесах, чудесах-*карамат*.

Эти чудеса, приписываемые почитавшимся *вали* (мусульманским святым, «друзьям Аллаха»), внешне достаточно разнообразны. Так, «один чудотворец в Нисибине мог ходить по воде и останавливать течение Джейхуна. Другой из воздуха извлекал драгоценности, а вокруг одного чернокожего факира в Абадане вся земля сверкала от золота так, что его гость в страхе бежал прочь. Один испытывает со своим ослом чудо Валаама... Другой смеется, будучи уже трупом, так что никто не соглашается его обмыть... На кающемся суфия близ Каабы слетела с неба записка с отпущением как уже содеянных грехов, так и всех будущих... По команде отца ордена египетских суфиев Зу-н-Нуна его ложе само перемещалось из угла в угол его дома. Другой суфий сдвинул гору. А основателю суфийского движения ас-Сари сама вселенная в образе старой женщины подметала пол и заботилась о пище»¹¹⁰. «Абу Исхаку Харави гурии делали ночью ложе из своих кос. Бу Йазид просит Аллаха уведомить землю о его (Бу Йазид) любви, в результате чего происходит землетрясение. Харарани, держа слово, приходит с того света к смертному одру своего ученика»¹¹¹. Того же рода и шиитские рассказы о чудесах Али и его семьи.

¹¹⁰ Мец А. Мусульманский ренессанс. С. 281–282.

¹¹¹ Нур ал-Улум (Свет наук). Жизнеописание шейха Абу ал-Хасана Харарани // Бертэльс Е. Э. Избранные сочинения. Т. 3. С. 267, 269, 275.

«Али... заставляет исчезать страшных львов, обращает вспять воды Евфрата... Сам Аллах придерживает заход солнца для того, чтобы Али успел совершить вечернюю молитву»¹¹². Отрубленная голова сына Али Хасана, хранящаяся в одной из мечетей, продолжает время от времени цитировать отрывки из Корана¹¹³.

Помимо вышеописанного, нередко случаи прозорливости¹¹⁴, а также проявлений сверхъестественной кары обидчикам святого (карательные чудеса), на которых мы остановимся более подробно чуть ниже, и экстериоризации, то есть одновременного присутствия святого в разных местах.

Куда менее впечатляющими на этом фоне кажутся чудеса христианских святых. Можно взять для сравнения такой выдающийся и пользующийся читательской любовью на протяжении столетий памятник христианской агиографии, как «Собеседования» святителя Григория Двоеслова¹¹⁵, из четырех книг которого одна целиком посвящена описанию чудес святого Венедикта. Что же это за чудеса? По молитвам святого разбитое сито, взятое в долг его кормилицей, чудесным образом оказывается целым (книга 2, глава 1). Нищий гот, живущий при монастыре, очищая место на берегу

¹¹² Бибикова О. Али бен Абу Талиб // Наука и религия. 1999. № 10. С. 36.

¹¹³ См.: Денни Ф. М. Ислам и мусульманская община // Религиозные традиции мира. М., 1996. С. 83.

¹¹⁴ Этот христианский агиографический термин означает как способность предсказания, так и способность чтения мыслей.

¹¹⁵ Святитель Григорий Великий, Двоеслов. Собеседования о жизни итальянских отцов и о бессмертии души // Избранные творения. М., 1999.— Изд.

озера от бурьяна, роняет железо косницы в омут. Святой Венедикт приходит и бросает деревянную рукоять следом за косницей. Железо всплывает и само накладывается на рукоять. Святой отдает оружие готу со словами: «Возьми, работай и не печалься» (книга 2, глава 6). По приказу святого ворон уносит отравленный хлеб из монастыря (книга 2, глава 8). По его молитве братия во время строительных работ с легкостью поднимают огромный камень, который до того никак не могли сдвинуть с места (книга 2, глава 9). В другой раз по молитве святого отчаявшийся должник находит при дороге у его кельи как раз столько золотых монет, сколько ему было необходимо для возвращения долга (книга 2, глава 27). Во время голода в кладовой монастыря, опять же по молитве святого, пустая бочка наполняется маслом (книга 2, глава 29). Помимо этих чудес, присутствуют также воскрешения двух мертвых (книга 2, главы 11, 32), исцеление прокаженного отрока (книга 2, глава 26) и душевнобольной женщины (книга 2, глава 38) и избавление от демона (книга 2, глава 30).

Казалось бы, в общем, что это за чудеса? Камень помог поднять, косу выловил! Ни огня с неба, ни луну надвое, ни реку вспять. Однако мы должны понимать, что нищему, добывавшему себе пропитание с помощью косы, взятой в долг, и по случайности утратившему ее, в этот момент не нужны ни огонь с неба, ни оживление глиняных птичек; ему нужна именно эта коса. И чуткость христианской святости к простым проблемам конкретного человека есть проявление милосердия Духа Христова.

Конечно же, было бы неверно говорить, будто среди многочисленного и обширного мусульманского агиографического материала совершенно отсутствуют чудеса-вспоможения. Вовсе нет; так, среди чудес Хабиба ал-Аджами, описываемых Аттатаром, приводится случай, когда благословение Хабиба помогло старой женщине найти ее сына¹¹⁶. Шейх Наджм ад-Дин сыну другой женщины помог сделать карьеру¹¹⁷. У Бухари и Муслима среди описаний чудес самого Мухаммеда приводится и следующее, возводимое к Имрану ибн Хусайну. «Однажды ночью, когда посланник Аллаха был в пути вместе со своими сподвижниками и их стала мучить жажда, он послал на поиски воды двоих из них, указав, в каком месте они найдут женщину с верблюдом, на котором будут навьючены два кожаных бурдюка, и приказав привести ее к нему. Посланные отправляются и в скором времени находят ее. Она оказывается язычницей, не признающей Мухаммеда пророком. Тем не менее она прибывает к нему. Мухаммед велит отлить воды из ее бурдюков в сосуд, затем произносит что-то над этим сосудом, после чего вода в бурдюках чудесным образом умножается, так что хватает наполнить мехи всем присутствующим. Мухаммед приказывает отблагодарить женщину съестными припасами и возвращает ей бурдюки, полные воды, со словами: "Поезжай! Поистине мы ничего не взяли из твоей воды, это Аллах напоил нас!"

¹¹⁶ См.: *Attar Farid al-Din*. Muslim Saints and Mystics. Chicago, 1966. P. 36.

¹¹⁷ См.: Роман о шейхе Наджм ад-Дине Курба // *Бертельс Е. Э.* Избранные сочинения. Т. 3. С. 330.

Женщина возвращается в свое селение, рассказывает о случившемся, после чего жители селения явились к посланнику Аллаха и все до единого приняли ислам»¹¹⁸.

Чудеса-вспоможения, конечно, встречаются у мусульманских святых, но у христианского читателя не может не вызывать удивления, сколь ничтожен их удельный вес в общей массе описываемых чудотворений. Так, Мишель Шодкевич, рассматривая Ханафи как типичного мусульманского святого, после описания ряда его карательных чудес замечает: «Примечательно, что многословный Батануни (жизнеописатель Ханафи.— Ю. М.) ничего не сообщает о чудесах своего персонажа в главе, где можно было бы ожидать блистательных проявлений его святости: время, в которое жил Ханафи, отмечено эпидемиями и голодом. Во время таких бедствий обычно обращаются к святым с просьбой о заступничестве, но в рассказе о жизни Ханафи нет и намек на факты подобного рода»¹¹⁹.

Безусловно, уже сама народная компонента мусульманского культа святых обуславливает в нем необходимость отдельного пласта чудес-вспоможений. Люди любят прибегать к святым, надеясь на их сверхъестественную помощь.

Остановимся теперь подробнее на чудесах карательных. Аннемари Шиммель называет фразу «когда он гневается, Господь мстит его обидчи-

¹¹⁸ *Зину Мухаммед ибн Джамиль*. Достоинства пророка. С. 90–92.

¹¹⁹ *Шодкевич М.* Модель совершенства в исламе и мусульманские святые // Бог — человек — общество. М., 1993. С. 207.

кам» среди наиболее употребительных для обозначения святости человека и в современной мусульманской среде¹²⁰.

Карательные чудеса присутствуют в жизнеописаниях как христианских, так и мусульманских святых, однако они обнаруживают одно существенное различие. Мусульманские описания чудес такого рода имеют целью внушить страх перед Богом, в то время как аналогичные христианские сказания подчеркивают Божие милосердие к человеку.

Так, упоминавшийся уже Ханафи «отправляет ученика ходатайствовать перед несправедливым судьей, а тот отвечает оскорбительной запиской. Ханафи рвет записку и сообщает, что с ним поступят так же, как и с его посланием. И вот дом судьи разрушен по приказу султана, его богатства конфискованы, а сам он брошен в тюрьму. Хранитель печати удивлен, видя святого в окружении впечатляющего кортежа сановников: это обычай правителей, говорит он, а не святых. Подобная дерзость дорого ему стоила: он был смещен и приговорен к смерти... Служанка суфийского монастыря по имени Барака неосторожно разоблачает чудо, свидетельницей которого она оказалась. Ее разбивает паралич, и она оказывается прикованной к постели до конца дней своих»¹²¹.

Будучи пьяным, ученик Наджм ад-Дина стал превозноситься над своим престарелым учителем. Узнав об этом, Наджм ад-Дин в гневе прокликает

¹²⁰ См.: Шиммель А. Мир исламского мистицизма. С. 165.

¹²¹ Шодкевич М. Модель совершенства в исламе и мусульманские святые. С. 207.

его. Испугавшись, ученик приносит покаяние, на что учитель отвечает: «Раз ты просишь прощения, то веру и религию свою ты спас, но голова твоя пропадет»,— и позже ученика обезглавливают¹²². После незаконного убийства другого своего ученика Наджм ад-Дин произносит длинный перечень городов, которые будут в наказание за это разрушены. Позже он сожалеет, что предал разрушению столько городов, но остановить действие своего проклятия не в силах¹²³.

В свою очередь, в христианских описаниях чудес подобного рода доминирует такая особенность, как прощение обидчика и отмена наказания. Так, святой Иоанн Мосх в своем «Луге духовном» приводит рассказ, записанный со слов охотника-сарацина, который, будучи однажды на охоте, увидел монаха-отшельника и захотел ограбить его. Но как только он к нему приблизился, то вдруг замер и не смог больше двинуться ни на шаг и так простоял двое суток. Наконец сарацин взмолился: «Ради Бога, Которого ты чтишь, отпусти меня».— «Ступай с миром»,— ответил инок, после чего охотник смог сойти с места, на котором стоял¹²⁴. В Древнем патерике приводится история о том, как диакон Пафнутий был из зависти оболган одним из старцев, и после того, как святой добровольно принял епитимию за преступление, которого не совершал, оклеветавший его старец стал одер-

¹²² Роман о шейхе Наджм ад-Дине. С. 331.

¹²³ См.: Там же. С. 333.

¹²⁴ См.: *Преподобный Иоанн Мосх*. Луг духовный. Сергиев Посад, 1915. С. 160.

жимым, но по молитве святого Пафнутия демон оставил его¹²⁵.

В контексте приведенных здесь случаев не может не прийти на память сравнение с Ветхим Заветом, где, как известно, пророк Елисей совершил карательное чудо над поносившими его детьми (см.: 4 Цар. 2, 23–24) совершенно в том же духе, что и описанные чуть выше мусульманские примеры. В этой связи очень интересным и важным является одно замечание блаженного Феодорита Кирского. Описывая в своей «Истории боголюбцев» случай, когда девицы, которые вели себя непристойно перед святым Иаковом Низибийским, были поражены сединой, а святой начал молиться о том, чтобы им вернулся прежний цвет волос, блаженный Феодорит, удивляясь мягкости и кротости святого Иакова в сравнении с поведением в сходном случае пророка Елисея, замечает: «Иаков, имея подобную Елисеевой силе, действовал в духе кротости Христа и Нового Завета»¹²⁶. Вот это — действительно ключевые слова, выявляющие всю суть отличия карательных чудес Ветхого Завета и примыкающих к ним по характеру чудес мусульманского мира от подобных же чудес Нового Завета и святых подвижников христианства.

В христианстве также встречаются случаи фатально карательных чудес, в том числе и в Новом Завете (см.: Деян. 5, 1–10; 13, 8–11). Но перенос акцента со страха Божия на Божие милосердие в них

¹²⁵ См.: Древний патерик. М., 1899. С. 314.

¹²⁶ *Преподобный Феодорит Кирский. История боголюбцев.* СПб., 1853. С. 16.

уже не меняется. И фатально карательные чудеса также часто осмысляются в свете Божия милосердия. Так, например, преподобный Исидор Пелусиот эпизод с Ананией и Сапфирой, описанный в 5-й главе Книги Деяний, комментирует следующими словами: «Наказание согрешивших было не делом жестокости премудрого Петра, но делом назидания человека предвещающего, наперед исцеляющего грехи людские. Ибо, начав сеять семена Евангелия и вскоре увидев возникшие плевелы, премудро исторг их без замедления, чтобы, умножившись с пшеницею, не соблюлись они будущему огню на сожжение»¹²⁷.

В отличие от чудес пророков (муджизат), чудеса святых (карамат) вызывали к себе явно неоднозначное отношение среди мусульман. Многие великие учителя суфизма считали чудеса такого рода ловушками на пути к Богу.

Так, рассказывали, что «когда шейх ал-Бистами (ум. 874) услышал, что некий чудотворец за одну ночь добирается до Мекки, то сказал: “Диавол, преследуемый проклятием Аллаха, за один час проходит расстояние от восхода солнца до его заката”. А когда услышал, что кто-то ходит по воде и летает по воздуху, то изрек: “Птицы летают по воздуху, а рыбы плавают в воде”»¹²⁸. А «когда Абу Саида ибн Аби-л-Хайра (ум. 1049) спросили, какие чудеса числятся за неким суфием, он возмутился и ответил: “Разве не величайшее чудо, что мясник, сын мясника, вступил на мистический путь... и что к нему приходят бесчисленные посетители,

¹²⁷ *Преподобный Исидор Пелусиот. Письма*. М., 2000. Т. 1. С. 86.

¹²⁸ *Мец А. Мусульманский ренессанс*. С. 283.

жаждущие получить его благословение?»¹²⁹. Отрицал чудеса также и ат-Тустари (ум. 886), который заявлял, что самым большим чудом является исправление дурной черты характера.

Это отвращение к чудесам выразилось в одном суфийском хадисе, приписывающем Мухаммеду изречение: «Чудеса — месячные мужчин». «Это изречение... означает, что чудеса проходят между человеком и Богом. Как муж избегает сношения с женой в те дни, когда она нечиста, точно так же Бог отказывает в мистическом единении тем, кто совершает чудеса»¹³⁰.

Каковы причины такого недоверия к чудесам-карамат? Просмотрим некоторые описания чудес в исламе.

«Суфии часто совершали чудо “приятия на себя бремени больного”. Для этого необходимо очень сильное таваджжух, сосредоточение больного и целителя друг на друге; но считается, что шейх и его ученик всегда пребывают, если так можно выразиться, на одной и той же волне»¹³¹.

«Для излечения болезней часто используются религиозные формулы. История о том, как святой исцелил глухую девочку, прошептав ей призыв на молитву, — только один пример из длинного списка чудесных исцелений, совершенных святыми при помощи формул зикра или молитв»¹³².

Однажды мистик X века Абу ал-Адйан поспорил с зороастрийцем, что сможет пройти невредимо

¹²⁹ Шиммель А. Мир исламского мистицизма. С. 170.

¹³⁰ Там же. С. 170.

¹³¹ Там же. С. 165.

¹³² Там же. С. 167.

через огонь, поскольку огонь сжигает лишь с Божия соизволения. Он в самом деле прошел через огонь, и ошеломленный зороастриец принял ислам. Ночью же святой обнаружил у себя на ноге волдырь. Он сказал слуге, что волдырь, должно быть, появился в тот самый момент, когда он очнулся от транса, выходя из огня, и добавил: «А если бы я пришел в себя, находясь в огне, я бы сгорел дотла». То есть его сохраняла сила транса¹³³.

Интересно также, что, высказываясь о чудесах христианских святых, суфийские подвижники, не отрицая их, определяют их как творимые «через нияз, то есть путем тренировки тела... И вот этот начальный уровень — это уровень, от которого очень трудно оторваться, очень опасный уровень. Из-за увлечения этим уровнем в соответствии со степенью увлечения увеличивается количество преград, завес между ним и Всевышним»¹³⁴.

Приведенные тексты свидетельствуют о том понимании чудес мусульманских святых, что они происходят в силу некоего обретенного святыми свойства или благодаря их способности использовать сокрытые силы человеческого естества либо ритуальных формул, но не в силу личного участия Бога в каждом из этих чудотворений. Вот как на эту тему выражается один из современных суфийских авторов: «Суфии относятся к чудесам спокойно, считая их следствием работы *определенного механизма* (выделено мною. — Ю. М.), который будет оказывать влияние на человека в той

¹³³ Шиммель А. Мир исламского мистицизма. С. 168.

¹³⁴ Шейх Саид Афанди. Мажмуатуль Фаваид // Ассалам. 1999. № 3. С. 8.

мере, в какой он будет находиться в гармонии с ним»¹³⁵. Источник такого рода чудес находится как бы вне Бога и Его воли, что, вероятно, и смущало отдельных строгих мусульманских подвижников, стремившихся максимально сосредоточиться на единственности Бога. Именно потому ортодоксальное богословие ислама «подлинными чудотворцами признало только доисламских пророков»¹³⁶.

В то же время христианское представление о чудесах, совершаемых святыми, совершенно иное. Святой предстоит пред Богом, всецело живет в Боге, и Бог дает ему как сыну и наследнику по благодати¹³⁷ силу дерзновения в молитве и скоро исполняет просьбу святого. Но при этом подлинным совершителем чуда всегда является Он Сам, точнее же, это происходит синергийно между ними: личность святого также не выключена из этого процесса. Представление о механическом, неизбежном последствии проклятия, неотвратимом даже по просьбе святого, как в описанных выше случаях с Наджм ад-Дином, в христианстве совершенно немыслимо.

Даже при позитивном осмыслении чудес-карамат оказывается, что и они по своему значению не выходят за рамки представления о чуде лишь как свидетельстве. «Все эти способности суть лишь демонстрации *ad usum populi*¹³⁸ того, что они (то есть святые) обладают единственно значимым знанием — тем, что называется ильм би-л-лях, знанием о Боге»¹³⁹.

¹³⁵ *Шах Идрис*. Суфизм. М., 1994. С. 365.

¹³⁶ *Мец А.* Мусульманский ренессанс. С. 193.

¹³⁷ См.: Гал. 4, 7.— *Изд.*

¹³⁸ Для народа (лат.).— *Ред.*

¹³⁹ *Шодкевич М.* Модель совершенства в исламе и мусульманские святые. С. 216.

Причины расхождения

Обозначенное выше и проиллюстрированное примерами расхождение между христианством и исламом в понимании смысла и цели чудесных явлений обусловлено целым комплексом причин.

Первая из них — кардинальное различие в представлении христиан и мусульман о соотношении Бога и человека. Согласно христианскому учению, Господь Иисус Христос пришел на землю ко всему человечеству в целом и к каждому человеку в отдельности. Именно православное понимание вочеловечения Бога как *воипостасирования* придает христианским историям с чудотворениями неповторимо личностный оттенок, свойственный лишь христианству. Между человеком-личностью и Богом-Личностью христианство утверждает личностные отношения, ставшие возможными благодаря личному подвигу Личности Богочеловека Христа. И этот личностный акцент не может не оказывать влияния на характер совершаемых чудес.

Не секрет, что само понятие *личность* выработано христианской богословской культурой в процессе поиска адекватной тринитарной и христологической терминологии, и потому вполне резонен вопрос о правомерности использования его для объяснения понятия, принадлежащего совершенно другой культуре, не имеющей в своей основе тайны Троиинства. Существует немало оснований для того, чтобы считать, что мусульмане понимают личностность Бога неким совершенно отличным от христиан образом и вкладывают в это, в общем чуждое для них, европейское понятие нечто совсем иное, нежели христиане.

Это находит отражение и в бытовом сознании современных мусульман. Так, одна знатная пакистанская мусульманка, обратившаяся в христианство, впоследствии писала в своих воспоминаниях, что главным, что смущало ее в христианстве, было то, что ей «казалось, что христиане... сделали Бога личным»¹⁴⁰. О подобных проблемах упоминают и христианские миссионеры, работающие в арабских странах: «На языках исламского мира эти истины объяснить довольно сложно. Например, в арабском слово «личность» имеет оттенок *парень* или *приятель*. Говоря о Боге, мусульманин никогда не назовет Его личностью. В исламе Бог — *иной Святой*»¹⁴¹. Интересно, что при подготовке «Декларации о евреях и нехристианах» на II Ватиканском соборе в разделе, касающемся ислама, из-за невозможности найти в арабском языке точный эквивалент понятию «личный Бог» оно было заменено в окончательном проекте определением «сущий» (ал-каййум). Вариант *шахсий* был отвергнут, поскольку в арабском этот термин имеет оттенок телесности и с точки зрения исламского учения о Боге неприменим к Божественной сущности¹⁴². И действительно, среди направлений и тем, по которым шла работа средневековых мусульманских философов и богословов, нет ничего близкого христианским спорам о соотношении природы и ипостаси (личности) в

¹⁴⁰ *Шейх Билкис, Шнайдер Р. Я осмелилась назвать Его Отцом.* СПб., 1996. С. 35.

¹⁴¹ *Медани Бессам.* Библия и ислам. С. 35.

¹⁴² См.: *Журавский А. В.* Ислам на II Ватиканском соборе // *Религии мира.* М., 1986. С. 125.

Боге¹⁴³. Предметом рассмотрения мусульманских богословов служили такие атрибуты Бога, как «знающий», «могущественный», «живой (сущий)», «благородный», «вечный», и их соотношение с Божественной сущностью¹⁴⁴. Вопрос о соотношении природы и личности в Боге, повторим, не ставился, что естественно, поскольку для такой постановки вопроса не было никаких предпосылок.

Но может ли быть адекватным понимание, если отсутствует адекватный термин? Это большой и серьезный вопрос, который заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь же в виде предположения хочется высказать мысль, что одним из ключевых (во всяком случае с религиозной точки зрения) различий в понимании личности Бога является христианское представление о Боге как любви (см.: 1 Ин. 4, 8). «Бог — совершенная личность, потому Он и любовь совершенная»¹⁴⁵, — писал святитель Николай Сербский об органической связи этих двух понятий.

Мусульманские подвижники были по-своему очень велики, но их аскеза «основывалась на том, что Аллах, сотворив однажды этот мир, с тех

¹⁴³ Расхождения между представлением о Боге в христианстве и исламе ряду исламоведов представлялись настолько серьезными, что некоторые западные переводчики Корана считают необходимым ввести различия между понятиями *Бог* и *Аллах*. См., например, переводы Р. Белла, Р. Блашера, Л. Ульмана, у нас — И. Ю. Крачковского.

¹⁴⁴ См.: *Ал-Ашари Абу ал-Хасан*. О чем говорили люди ислама и в чем разошлись творившие молитву // *Степанянц М. Т.* Восточная философия. С. 367–374.

¹⁴⁵ *Святитель Николай Сербский*. Кассиана. СПб., 2000. С. 83.

пор даже не взглянул на него»¹⁴⁶, тогда как подвижники христианства брали на себя подвиг ради любви Божией, которой *так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16).

Да, и в исламе многие мистики говорили о любви к Богу. Но любовь, о которой они говорили, которую воспевали и к которой стремились,— любовь рабская, и, по их же собственному признанию, «высочайшей честью, даруемой Богом, является наименование *Абдалла*» (раб Бога)¹⁴⁷. «Любить Бога— значит любить покорность Богу»; «Истинная любовь— это повиновение Возлюбленному»— таковы объяснения, принадлежащие самим суфиям¹⁴⁸. А в христианстве человек призван к сыновней, а не рабской любви к Богу. Христианская любовь — это любовь, осмысляемая через призму факта самопожертвования Бога ради человека¹⁴⁹.

Передают, что однажды сподвижники Мухаммеда сказали ему: «Поистине мы отличаемся от тебя, о посланник Аллаха, ведь Аллах простил тебе то, что предшествовало из твоих грехов и

¹⁴⁶ *Ат-Туси Абу Наср ас-Саррадж*. Самое блистательное в суфизме. С. 144.

¹⁴⁷ *Нубархи Джавад*. Иисус глазами суфиев. С. 25.

¹⁴⁸ *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма. С. 108.

¹⁴⁹ На первый взгляд этому утверждению противоречит широко распространенное в Православии использование слов *раб Божий*, но глубочайшее различие с исламом здесь состоит в том, что христианин исповедует себя рабом Божиим для того, чтобы в смирении научиться любви Божией и по благодати удостоиться богосыновства.— *Ред.*

что было позже». Услышав это, он разгневался так, что это стало заметно по его лицу, и сказал: «Я лишь больше боюсь Аллаха и больше знаю о Нем, чем вы!»¹⁵⁰. *Боюсь и знаю* — это основополагающие глаголы, определяющие сущность богопочитания в исламе. И можно сказать, что без представления о крестной, жертвенной любви Бога к человеку и миру за рамки этих глаголов не удалось выйти даже самым величайшим из мистиков ислама. И это наложило свой отпечаток в том числе и на представление о смысле и назначении сверхъестественных явлений.

Вторая причина расхождения связана с тем, что христианское понимание чуда неизбежно выражает христианский опыт близости Бога. Бог близок к каждому своему избранному, и потому для Него нисколько не зазорно принимать непосредственное участие в судьбе каждого. Коран тоже говорит о Его близости: «Мы сотворили уже человека и знаем, что нашептывает ему душа; и Мы ближе к нему, чем шейная артерия» (Коран 50, 15), но это совсем не то. Христианство говорит о том, что Бог во Христе стал *единосущен* каждому человеку и каждый человек во Христе может стать единосущным Богу. Такой близости ислам, даже мистический, не знает.

В-третьих, и об этом уже писали исследователи, различие в понимании чуда в христианстве и исламе имеет корни и в различии представлений этих двух религий о соотношении человека и тварного мира¹⁵¹. С точки зрения ислама человек,

¹⁵⁰ *Ал-Бухари Имам Исмаил*. Изречения и деяния (хадисы) пророка Мухаммеда. С. 24.

¹⁵¹ См.: *Фролова Е. А.* Человек — мир — Бог в средневековой мусульманской культуре // Бог — человек — общество. С. 148.

хотя и является «наместником Бога на земле» (см.: Коран 2, 28), всецело принадлежит нашей тварной реальности, всецело включен в нее, с точки же зрения христианства «человек среди всех творений занимает особое место»¹⁵²: он одновременно и принадлежит сотворенному, и стоит над ним в силу данной лишь ему сообразности Творцу. В исламе немыслимы следующие строки: *Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его: овец и волов всех, и также полевых зверей, птиц небесных и рыб морских, все, преходящее морскими стезями* (Пс. 8, 6–9).

И для христианства, и для ислама свойственно представление о том, что сотворенный Богом мир совершенен и самодостаточен: *Ты поставил землю на твердых основах: не поколеблется она во веки и веки. Бездною, как одеянием, покрыл Ты ее, на горах стоят воды. От прещения Твоего бегут они, от гласа грома Твоего быстро уходят; восходят на горы, нисходят в долины, на место, которое Ты назначил для них. Ты положил предел, которого не перейдут, и не возвратятся покрыть землю* (Пс. 103, 5–9).

«И солнце течет к местопребыванию своему. Таково установление Славного, Мудрого! И месяц Мы установили по стоянкам, пока он не делается, точно старая пальмовая ветвь. Солнцу не надлежит догонять месяц, и ночь не опередит день, и каждый плавает по своду» (Коран 36, 38–40).

¹⁵² Преподобный Никита Стифат. Слово против иудеев // Об иерархии. М., б. г. С. 47.

В самом этом порядке не заложено необходимости во вторжениях извне для того, чтобы что-либо в нем подправить и тому подобное. В таком случае возникает вопрос о месте и смысле чудес в таком мире, ибо любое чудо, безусловно, является именно таким вторжением, нарушением раз и навсегда установленного Богом порядка. Общий термин богословия ислама для сверхъестественных событий— *харик ал-ада*, «то, что разрывает обычай»¹⁵³, выражает то же понимание.

Ислам преодолевает эту проблему путем отведения чудесам определенного места в самой системе мира, вводя обсуждавшееся уже понятие «муджиза»,— в то время как христианство решает этот вопрос в личностной плоскости, провозглашая, что человеческая личность для Бога выше закона: *суббота для человека, а не человек для субботы* (Мк. 2, 27).

Вопрос о православном отношении к чудесам внехристианского мира

Подводя итог, нельзя не остановиться на следующем немаловажном вопросе: как мы, православные христиане, можем и должны относиться к описываемому в мусульманских источниках чудотворству основателя ислама и мусульманских святых и, шире, к чудесам в нехристианских религиях вообще?

Что касается чудес самого Мухаммеда, то святые отцы, надо сказать, серьезно к ним не относились. Ученик и продолжатель дела препод-

¹⁵³ Шimmel А. Мир исламского мистицизма. С. 165.

добного Иоанна Дамаскина Феодор Абу Курра называет подобные мусульманские предания о его чудесах «лживой мифологией»¹⁵⁴, в которой путаются сами мусульмане. И всё; больше ни слова об этом у православных полемистов того времени нет. Такого отношения к рассказам о чудотворениях основателя ислама (которое, кстати, полностью разделяют и современные исследователи) нам и следует придерживаться. Что же касается чудес мусульманских вали, то их отрицать вовсе не обязательно. Во-первых, по представлениям самих же суфиев, «чудеса могут совершаться не только пророками и святыми, но и заведомыми грешниками, подобными ал-Дадждаджу, Фирауну, Нимруду и т. п.»¹⁵⁵. Так что доказательством истинности ислама они быть не могут. Во-вторых, мы знаем, что апологеты христианства, сталкивавшиеся с проблемой внехристианских чудес, решали ее однозначно: «Если он и творил чудеса, то с помощью бесов»¹⁵⁶, — заявляет Евсевий Памфил о чудесах Аполлония Родосского. И это принципиально общая позиция апологетов.

В православной аскетике вопрос о «чудесах от диавола» разрабатывался более подробно ввиду его особой практической важности для подвижничества. Прежде всего это касается чуда прозорливости, наиболее распространенного среди мусульманских «святых». «Приметил я,— пишет

¹⁵⁴ См.: PG. T. 94. Col. 1545.

¹⁵⁵ Кныш А. Д. Карама. С. 165.

¹⁵⁶ Вдовиченко А. В. Евсевий Кесарийский против Иерокла // Раннехристианские апологеты II–IV вв. М., 2000. С. 154.

преподобный Иоанн Лествичник,— что бес тщеславия, внушив одному брату помыслы, в то же время открывает их другому, которого подстрекает объявить первому брату, что у него на сердце, и через то ублажает его как прозорливца»¹⁵⁷. «Некоторые братия пошли к авве Антонию,— повествует Древний патерик,— рассказать ему о некоторых явлениях, которые они видели, и узнать от него — истинны ли они были или от демонов. С ними был осел, и он пал по дороге. Как только они пришли к старцу, он, предварив их, сказал: “Отчего это у вас на дороге пал осел?”. Братия спросили его: “Как ты узнал об этом, авва?”. — “Демоны показали мне”, — отвечал старец. Тогда братия говорят: “Мы об этом-то и пришли спросить: мы видим явления, и они часто бывают истинны, не заблуждаемся ли мы?”. Так старец на примере осла показал им, что они происходят от демонов»¹⁵⁸.

Но не только чудеса подобного рода могут имитироваться ухищрениями бесов. «Весьма часто люди, развращенные умом и противники веры, именем Господа изгоняют демонов и творят великие чудеса... так что даже сила исцелений исходит иногда от недостойных и грешных... Исцеления такого рода бывают по обольщению и ухищрению демонов. Человек, преданный явным порокам, может иногда производить удивительные действия и поэтому считаться святым и рабом Божиим. Через это увлекаются к подражанию его порокам — и открывается пространный путь к поношению и унижению святости

¹⁵⁷ *Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица*. СПб., 1996. С. 152.

¹⁵⁸ *Древний патерик*. С. 152.

христианской религии; да и тот, кто уверен в себе, что обладает даром исцелений, надменный гордостью сердца, испытывает тягчайшее падение»¹⁵⁹. Татиан Ассириец передает следующее высказывание святого Иустина Философа: «Дивный Иустин верно выразился, что демоны подобны разбойникам. Ибо как у тех в обычае ловить кого-нибудь живьем, а потом возвращать близким за выкуп, так и эти якобы боги, напав на чьи-либо члены, затем, заботясь о собственной славе, в сновидениях приказывают людям выйти принародно, на виду у всех, и когда насладятся восхвалениями, удаляются из недужных, прекращая болезнь, ими самими устроенную, и возвращая людей в их прежнее состояние»¹⁶⁰.

И высказывание современного афонского старца о чудесах мусульманских подвижников твердо лежит в русле той же традиции: «Сказал старец: "Есть разница между чудесами нашей веры и чудесами других вероисповеданий. И ходжа совершает чудеса различными магическими способами. Он добивается, чтобы видели свет, в то время как мы, когда диавол показывает нам свет и посылает сияние, показываем ему спину... Мы ищем чуда от Бога и не общаемся с диаволом"»¹⁶¹.

Швейцарский исследователь отмечает, что «воскрешение из мертвых, которое творили современные им христианские чудотворцы, отсутствует

¹⁵⁹ *Преподобный Иоанн Кассиан*. Творения. М., 1892. С. 440, 444.

¹⁶⁰ *Татиан*. Слово к эллинам // Раннехристианские апологеты II–IV вв. С. 104.

¹⁶¹ *Дионисий Тацис, священник*. Когда чужая боль становится своей. Жизнеописание и наставления схимонаха Паисия Афонского. М., 2000. С. 192, 193.

в репертуаре мусульманских святых»¹⁶². Это очень любопытный момент, если вспомнить, что, по мнению отцов Церкви (преподобного Макария Египетского, преподобного Иоанна Кассиана), диавол может сотворить любое чудо, кроме воскрешения из мертвых...

Если я имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а любви не имею, — то я ничто (ср.: 1 Кор. 13, 2). Эти слова вновь обращают очи нашего ума к тому, что составляет самую суть христианства и наших отношений с Богом, — тому, что и является главным критерием отличия чудес истинных от ложных.

¹⁶² Мец А. Мусульманский ренессанс. С. 138. Другую точку зрения см.: Baldick J. Mystical islam. N. Y., 1989. P. 135.

ЧАСТЬ II

Апологетика наших дней

РЕЛИГИЯ СИЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА: ХРИСТИАНСТВО ИЛИ ИСЛАМ?¹

Некогда, на заре VII века по Рождестве Христовом, среди аравийских пустынь, вдали от цивилизованного мира случилось примечательное событие. В ночной темноте под низкими сводами пещеры горы Хира сорокалетнему арабу, проводившему здесь время в уединении, явился некто — некто сильный и страшный, который принялся душить его, заставляя прочесть странный текст во имя некоего господина. Опасаясь за жизнь, араб уступил и повторил текст — и видение исчезло. Насмерть перепуганный, он прибежал к себе домой и в ужасе закутался в одеяло, боясь показаться наружу. Довольно долго после этого он терзался сомнениями, подозревая, что повстречался той памятной ночью с темными силами, духами зла. Но впоследствии родным удалось убедить его, что являлся к нему не кто иной, как посланник Бога, Ангел, который тем самым призвал его стать пророком для своего народа.

Уверовав в это, араб сей вскоре возвестил в Аравии новое учение: поклоняться Богу единому (см.: Коран 112, 1), далекому (12, 31) и жестокому (17, 60), источнику равно и добра и зла (10, 107; 39, 39), которым все, что случается, предопределено (33, 38). Для человека, желающего угодить такому

¹ Впервые опубликовано: Воин Христов. 2003. № 3 (4). С. 3.

богу, было заповедано верить в его единственность, а также в то, что возвестивший это учение араб-торговец — его посланник и пророк; пять раз в день совершать определенный ритуал с произнесением молитвенных формул и чередованием телесных поз; раз в жизни посетить святилище в одном арабском городе и на соседней горе зарезать овцу; небольшую часть прибыли время от времени тратить на своих домашних и один месяц в году есть и пить только ночью. А также было заповедано вести священную войну с теми, кто не признает этого учения, пока не будут они покорены ему (см.: Коран 2, 189). Соблюдающему перечисленное было обещано в этой жизни благоденствие, а в жизни будущей прекрасный сад с вечными наслаждениями — преимущественно сексуального и гастрономического, а также отчасти эстетического характера. Все это было записано в книге, составленной уже после смерти основателя, которая была объявлена откровением и творением этого бога, а текст ее — извечным и неизменным до последней буквы.

Араба этого звали Мухаммед; на своих единоплеменников, не признававших за ним пророческого достоинства, он совершал жестокие карательные набеги. Этот пример вдохновил его приверженцев, и за первые же два года после смерти Мухаммеда, они покорили весь Аравийский полуостров, истребив последователей альтернативных «арабских пророков» Аллаха — Масламы и Асвада, а затем направили оружие против Византии, Персии, Эфиопии, позднее Индии и даже Китая, неся всюду смерть и разрушение.

Все познается в сравнении, посему сопоставим учение Мухаммеда и учение Христа и рассмотрим, какая из религий предназначена для сильного человека и какая имеет власть сделать его сильным.

Начнем с того, что само священное писание мусульман по объему в три раза меньше Священного Писания христиан. Даже для того, чтобы просто прочитать Библию, требуется втрое больше усилий, времени и усидчивости, чем для того, чтобы прочитать Коран. Эту же пропорцию мы увидим и сравнивая их содержание.

Христианство учит обузданию собственных страстей, таких, как ненависть, похоть, сребролюбие; ислам же, напротив, потакает всем им: так, например, хотя он и признает, что Богу угоднее милосердие, но позволяет мечь; хотя он и говорит, что Богу приятнее единство семьи, но признает развод по любой прихоти мужа; хотя и поощряет милостыню, но ублажает страсть к накопительству, почитая богатых.

Христианство благословляет брак лишь с одной женой; ислам позволяет иметь четырех жен и бесчисленное количество наложниц. Любому разумному человеку ясно, что соблюдать супружескую верность в законном браке с единственной женой много достойнее, хотя и сложнее, чем при возможности в рамках дозволенного иметь связь практически с неограниченным количеством женщин.

Ислам заповедует обязательно молиться пять раз в сутки, христиане же имеют заповедь **непрестанно молиться** (см.: 1 Фес. 5, 17).

Мусульмане постятся лишь три недели, тогда как в Православной Церкви постными являются

почти две трети дней в году, причем пост длится полные сутки, а не только днем, как в исламе. Разумеется, для того, чтобы поститься двести сорок дней и ночей, нужно много больше усилий, чем для поста на протяжении двадцати дней.

Некоторые как нечто высокое приводят в пример мусульманский закон, запрещающий винопитие. Но при внимательном рассмотрении и в этом религия арабов уступает учению Церкви. Христианство не запрещает употребление вина как такового, но строго-настрого запрещает пьянство: *пьяницы Царства Божия не наследуют* (ср.: 1 Кор. 6, 10). А всякому очевидно, что только сильный человек может, употребляя спиртное, соблюсти меру и не впасть в пьянство, полный же отказ от спиртного является куда более легким путем преодоления этого греха.

Также ислам запрещает вкушать свинину, устанавливает и некоторые другие ограничения в одежде и поведении, но совершенно ясно, что гораздо проще не есть свинину и не носить шелковых одежд, чем воздерживаться от греха даже в мыслях, как заповедано каждому христианину.

А возьмем ведение войны. Слепы те, кто пытается вместить христианство в прокрустово ложе беззубого пацифизма. Оборонительная война однозначно благословляется Церковью. Из ратных воинов — от полководцев до рядовых — не одна дивизия составлена Царю Небесному в лице святых. Но если в исламе ведение войны основывается на ненависти к убиваемым, то в христианстве основанием воинского подвига является любовь к защищаемым: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей*

своих (Ин. 15, 13), и слова эти по праву относятся к тем, кто с честью пал в битве. Таково учение Христа, и только сильный духом и волей человек может принять его.

Продолжать сопоставления можно очень и очень долго. Но уже из приведенных примеров можно вполне объективно заключить, что христианство — религия сильных людей, тогда как ислам — это религия для слабых. Христианство — для свободных, ислам — для рабов. Мы говорим здесь о самой важной для человека свободе — свободе от греха и собственных страстей, от рабства которым не в силах освободить своих последователей мусульманская вера.

И именно этим объясняется распространение ислама в современном мире. Именно потому ислам становится популярен на Западе, что ныне наступает эпоха слабого человека: секуляризированное человечество культивирует свои немощи и погрязает в своей добровольной расслабленности. Как приятно слышать им: «Аллах хочет облегчить вам (жизнь.— Ю. М.); ведь создан человек слабым» (Коран 4, 32).

Согласно христианскому учению, человек создан сильным и призван быть сильным. То, что на протяжении двух тысячелетий Церковь не снизила столь высокую планку своего нравственного идеала, свидетельствует о том, что он в ней реально достижим. И примеры тому — не только сотни тысяч святых, но и миллионы простых православных христиан, воплотивших христианский идеал в своей жизни. ***Самому человеку это невозможно, Богу же возможно всё*** (ср.: Мф. 19, 26), и Господь Иисус Христос, Которому возможно все, подает

силу совершать и то, что кажется превышающим возможности человека.

Перед каждым из нас стоит выбор — остаться слабым или стать сильным. Плыть по течению — к губительной стремнине — или против течения — к спасительному берегу. И никто не избежит этого выбора, и лишь от самого человека зависит, к чему он придет в итоге.

Только нужно знать и помнить, что с тех, кому надлежало стать сильным, но кто по своей воле остался слабым, спросится по всей строгости — в свое время. *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12).

ЖЕНЩИНА В ИСЛАМЕ И ХРИСТИАНСТВЕ: НОВЫЕ ВЫМЫСЛЫ

Некоторое время назад в Интернете на страницах многих сайтов² была опубликована статья профессора Казанского государственного университета г-на Шарифа Азимова «Женщина в исламе: правда и вымысел». Однако в своей статье профессор не ограничивается объяснением положительного учения ислама о месте женщины, как можно было бы сделать вывод из заголовка, а, напротив, подвергает критике христианское и вообще библейское учение о женщине (так, как он его себе представляет) и силится доказать, что ислам несравненно возвышеннее, справедливее и «равноправнее» христианской и иудейской религий в этом вопросе.

² См., например: www.islam.ru и www.religio.russ.ru.

Положение женщины в исламе — традиционный пункт критики этой религии со стороны немусульман. Но, к сожалению, современная полемика о месте женщины в исламе ведется, как правило, вовсе не с христианских позиций, а с позиций «гуманизма», «либерализма» и «общечеловеческих ценностей».

И здесь, забегая вперед, следует отметить, что в некоторых пунктах учения о месте женщины в мире к православному христианству много ближе стоит традиционный ислам, чем либерально-гуманистическая позиция. Так, например, в полной мере можно согласиться с тем, что профессор Азимов пишет о традиции ношения женщинами покрыва на голове в монотеистических культурах. Здесь же необходимо сказать несколько слов об идеях «равноправия» и отношения к ним с точки зрения православного богословия.

Протестантская идея всеобщего равенства и православное учение об иерархии

Следует помнить, что популярная ныне идея всеобщего равноправия расцвела на протестантской почве. Православию эта идея в том виде, в каком она сейчас существует, глубоко чужда. **Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел** (Рим. 9, 13) — какое же тут равенство?! В Православии никакого природного равенства и тем паче равноправия нет и быть не может в принципе, и не только между мужчиной и женщиной: Православие по своей сути глубоко иерархично. Ангел и человек, священник и мирянин, мужчина и женщина, богатый и бедный, юноша и старец и, наконец, любая личность в отдельности — каждый должен знать свое

место в иерархии. Мы не равноправны. Мы равнообязанны — равнообязанны реализовать себя как личности, как образы Божии, равнообязанны своей жизнью сделать себя соответствующими замыслу Божию о нас. В Новом Завете нет ни одного места, где говорилось бы о наших правах. Можем ли мы сказать, что все мы имеем право на спасение? — Нет, потому что спасение — это дар Божий, а не юридическая норма. Можем ли мы даже сказать, что имеем право любить Бога и ближнего? — Нет, потому что и это дар Божий. Нет по большому счету у православных людей никаких прав. Иерархия предусматривает для каждого чина иную степень ответственности и иной тип обязанностей, а не все ширящийся круг прав и привилегий.

И в зависимости от того, насколько в этой жизни каждой личности на своем месте удастся реализовать себя как образ Божий, соответственное положение займет она и в Царствии будущего века, которое также иерархично: ***Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе*** (1 Кор. 15, 41). Причем положение тех или иных личностей в иерархии будущего века может совершенно не совпадать с их положением в нашей земной иерархии. Например, в духовном плане *женщина* может стать превыше всех Ангелов, *Честнейшей Херувим и Славнейшей без сравнения Серафим*. В этом красота православного учения о спасении. Православие иерархично, потому что оно личностно, а так называемое равноправие, всеобще-обязательная уравниловка, глубинно деперсонализует, обезличивает человека.

Какова история возникновения идеи равноправия? Отказавшись от иерархии церковной, про-

тестанты и вовсе утратили со временем само понятие иерархии. Или, быть может, наоборот: утратив иерархическое мирозерцание, нивелировали иерархию церковную? Второе более вероятно. В любом случае возникновение идеи всеобщего равенства связано, на мой взгляд, именно с этой утратой чувства иерархичности. И уже в результате этой утраты западное мышление вынуждено было признать, что все человеческие индивиды равны по своим правам, обязанностям и возможностям. На этом, помимо прочего, зиждется и так называемая американская идея: «Каждый чистильщик сапог может стать президентом».

Православию же не совсем понятно, зачем каждому чистильщику становиться президентом? Православно-иерархичное миропонимание подразумевает, что для каждой личности есть свое, принадлежащее только ей, Богом предназначенное место. Реализовать себя на своем месте — смысл жизни личности. «Не всякий может быть царем или князем; не всякий может быть патриархом, или игуменом, или начальником; но во всяком чине можно любить Бога и угодить Ему, и только это важно»³. «Цель иерархии состоит в том, чтобы люди, насколько это возможно, уподобились Богу и соединились с Ним»⁴. Иерархия — это «образ Божественной красоты»⁵. Иерархия — это такое устройство мира, в котором, с одной стороны, сохраняется неповторимость каждой личности, а с другой — не разрушаются органическая и гармоничная

³ *Преподобный Силуан Афонский*. Писания. С. 85.

⁴ *Преподобный Никита Стифат*. Об иерархии. Б. м., б. г. С. 37.

⁵ *Преподобный Дионисий Ареопагит*. О небесной иерархии. СПб., 1995. С. 16.

взаимосвязь ее с другими личностями и их всеобщее единство. Иерархия — это выход как из тупика сектантского коллективизма, так и из тупика релятивистского индивидуализма.

Какое же место в православной иерархии занимают мужчина и женщина? *Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее... (Еф. 5, 22–25). Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава — муж, а Христу глава — Бог. Ибо не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа. Впрочем ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе. Ибо как жена от мужа, так и муж через жену; все же — от Бога (1 Кор. 11, 3, 8–9, 11–12).* Итак, жене определено послушание.

Это объясняется прежде всего тем фактом священной истории, что женщина была создана позднее мужчины, из ребра Адамова, как помощник ему, но при этом *помощник, подобный ему* (ср.: Быт. 2, 20). И в этом замысле Божиим нет ничего унижительного для женщины, ибо по подобию Божию создан и сам человек; напротив, в замысле Божиим женщине принадлежит высокое положение, в чем мы убеждаемся, читая далее в Книге Бытия слова: *оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть* (Быт. 2, 24).

Итак, статус помощника уже сам по себе требует послушания. Но острой, настоящей необходимостью в послушании жены мужу стала после того, как Ева самочинно взяла и ела плод дерева познания, а затем дала его и мужу. Заметим, что первое последствие грехопадения (*узнали они, что наги* [Быт. 3, 7]) проявилось только тогда, когда от запретного плода вкусил Адам, а вторым, по мнению многих толкователей, можно считать слова Адама: *жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел* (Быт. 3, 12), в которых человек возлагает вину за свой грех на жену, нарушая тем самым их единение, а также и на Самого Господа. Так что нет смысла возлагать вину за грехопадение на одну только женщину; пожалуй, вина Адама не меньше, если не больше, именно потому, что он не остерег жену, не воспользовался тем правом, которое дал ему Творец (и, что в данном случае то же самое, не исполнил своей обязанности). А Господь, желая по Своей любви к человечеству уврачевать последствия этого грехопадения, заповедал жене быть под господством мужа (см.: Быт. 3, 16).

В послушании жены мужу нет ничего унижительного, так же как нет ничего унижительного для монаха быть в послушании своему игумену, ибо и муж, и игумен тоже несут послушание — Христу. В современном же секуляризированном обществе эта связь не только разрушена, но и напрочь забыта. И тогда в самом деле если ни муж не повинуется Христу, ни жена не знает Бога, никаких причин нет последней быть в послушании первому. А если она все же будет в послушании мужу, то такое

послушание не будет ей на пользу, поскольку свято лишь послушание, творимое ради Бога и по заповеди Его. Православная иерархия устанавливает единение мужа и жены, не лишая при этом каждого из них своего особого пути, особого служения.

Несколько определившись с основными положениями, перейдем теперь к разбору тезисов профессора Азимова.

Женщина в христианстве: мусульманские вымыслы

Пытаясь «защитить ислам и внести свой вклад в торжество последнего и истинного послания» от упреков в полигамии, унижении женщины и низкой нравственности, г-н Азимов «переводит стрелки» на христианство, пытаясь доказать, что все вышеперечисленное в не меньшей степени свойственно христианству.

Новый Завет и полигамия

Мусульманский апологет пишет: «А что же Новый Завет? Как отмечает отец Юджин Хиллман в своей глубокой и серьезной книге “Новый взгляд на многоженство”, “нигде в Новом Завете нет явного указания на то, что брак обязательно должен быть моногамным, или какого-либо предписания, запрещающего многоженство”. Более того, Иисус (мир ему) не выступал против полигамии, хотя она была распространена среди евреев в его эпоху и в том обществе, где он жил».

Г-ну Азимову следовало бы обратиться к первоисточникам, вместо того чтобы доверяться отдель-

ным тенденциозным примерам современной протестантской литературы, которые являются скорее проекцией внутренних комплексов их авторов, нежели объективным научным исследованием вопроса.

Для православных читателей статьи (а в настоящее время большинство русскоязычных жителей России относит себя именно к этой конфессии) ни Юджин Хиллман, ни Дэвид Джитари, на которого также ссылается профессор Азимов, не являются авторитетами, тем более такими, чтобы из их «глубоких и серьезных» книг достаточно было приводить одни выводы, без аргументов. Гораздо весомее было бы, если бы наш казанский исследователь нашел и поместил в своей работе развернутые цитаты из церковных авторов первых веков христианства, в которых говорилось бы об отношении к полигамии ранних христиан.

Единственный аргумент, который нам предлагают,— тот, что в Новом Завете будто бы нигде нет прямого отрицания полигамии. Однако такое отрицание присутствует через однозначное утверждение моногамного брака: ***И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два (!) одною плотью, так что они уже не двое (!), но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает*** (Мф. 19, 5–6; ср.: Мк. 10, 7–9; Еф. 5, 31)⁶. Моногамные браки однозначно утверждаются Господом как единственно естественная и законная форма семьи, при этом Он ссылается на то, что ***в начале создания Бог мужчину и женщину***

⁶ Выделено мною.— Ю. М.

сотворил их (ср.: Мк. 10, 6). Также и в другом месте: *Он сказал им: кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее; и если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует* (Мк. 10, 11–12; ср.: Лк. 16, 18). Слова «муж» и «жена» использованы здесь также в единственном числе: один муж — одна жена.

Рассмотрим теперь указания христианских авторов первых двух веков по Рождестве Христовом, свидетельствующих о браках христиан.

«Мы охотно пребываем в узах брака, но только с одною женщиною, для того, чтобы иметь детей, и для сего имеем только одну жену или же не имеем ни одной» (*Минуций Феликс*. Октавий, XXXI).

«И жену каждый из нас, которую он взял по установленным у нас законам, имеет только для деторождения» (*Афинагор*. Прощение о христианах, 33).

«Если муж или жена умрет и один из них вступит после этого в брак, согрешает ли вступающий в брак? — Не согрешает... но если останется сам по себе, то приобретает бóльшую славу у Господа» (*Ерм. Пастырь*, II, 4).

«Мы далеки от того, чтобы осуждать благословенный Богом союз мужа и жены, лишь бы союз этот был один. Адам был единственным мужем Евы, и Ева — единственной женой его... Знаю, что патриархи имели по нескольку жен, имели также и наложниц. Но хотя синагога и была прообразом нашей Церкви, однако содержала много вещей, которые отменены были Новым Законом. Новый Закон был ожидаем именно потому, что старый был несовершенен... Упущения и пропуски пер-

вого Откровения показывали, что надлежало усовершенствовать закон, и это исполнено Господом нашим в Евангелии и апостолами Его в посланиях, где отменено все лишнее и объяснено все запутанное» (*Тертуллиан. К жене, I, 2*).

Из приведенных цитат вполне очевидно, что многогамия представлялась единственной естественной формой брака для христиан. Что же касается примеров описанной в древних книгах Библии полигамии, то она воспринималась как нечто совершенно неактуальное и получала вполне стройное и логичное осмысление. Многоженство, согласно учителям Церкви, было дозволено как послабление немощи человеческой природы, отпавшей от Творца; с того же времени, как посредством Откровения укрепилось в людях богопочитание, полигамия была упразднена и человечество смогло вернуться к первоначальному, установленному еще в раю Самим Богом образцу брачных отношений.

Мусульмане смогут это понять, если вспомнят, что точно так же в сунне объясняется тот факт, что Иаков, почитаемый в исламе одним из пророков, имел женами двух родных сестер, что запрещено нормами Корана. Наконец, даже иудейскими авторами отмечено, что «практически каждый случай полигамии, описанный в Библии, связан с несчастьем. Например, хотя Сарра сама поощряла Авраама взять в наложницы Агарь, кончилось все тем, что обе женщины возненавидели друг друга. Два поколения спустя Иаков женился на сестрах Лии и Рахили; результатом этого полигамного брака было горе, омрачившее и следующее поколение: сын Лии возненавидел первенца Рахили

Иосифа. Библия с неодобрением описывает и многочисленных жен, которых много позже взял себе Соломон, потому что они приносили в Израиль идолопоклонство»⁷.

Полигамия имела место в древности, но не имеется никаких указаний на Божественное ее установление — в Ветхом Завете нет ничего, что специально разрешало бы полигамию. Она чисто человеческое установление. Наконец, даже в Ветхом Завете имеются места, которые прямо указывают на нежелательность многоженства: ***и чтобы не умножал себе жен, дабы не развратилось сердце его, и чтобы серебра и золота не умножал себе чрезмерно*** (Втор. 17, 17). Из этой цитаты видно, что многоженство «развращает сердце» и Господь призывает не делать этого.

Далее, указание на то, что полигамия была распространена среди евреев Палестины I века, не соответствует действительности.

В период возвращения из Вавилонского плена полигамные браки среди еврейского народа исчезают полностью. Ранняя раввинская литература определяет законы семейной жизни исключительно для моногамного общества, рассматривая возможность заключения брака со второй женой как нечто практически невозможное или давно отжившее. Из 2800 мудрецов, упоминающихся в Талмуде, только один имел двух жен. Элементарный анализ фактов доказывает, что моногамия стала нормой для еврейских общин задолго до распространения христианства и, соответственно, до проповеди Христа. Отсюда понятно, почему

⁷ Анонимный текст, взятый из Интернета.

Господь в Евангелии строго осуждает полигамию хронологическую (когда муж брал следующую жену, разводясь с предыдущей), но не осуждает полигамию единовременную (когда муж одновременно имеет нескольких жен) — в это время ее среди слушателей Благой Вести уже просто не было.

Известные нам примеры из исторических источников соответствующего периода единоположно говорят о моногамии иудеев Палестины I века. Характерно, что даже саддукеи, подходившие ко Христу с каверзным вопросом о воскресении, должны были для представления ситуации, когда бы у одного из супругов имелось несколько законных «партнеров», предположить заведомо выдуманную историю женщины, которая выходила поочередно замуж за семерых братьев⁸ и потому стала причиной сомнения, женой которого из них она будет, когда воскреснет (см.: Мф. 22, 24–28; Мк. 12, 19–23; Лк. 20, 28–33).

⁸ Обычай выдавать бездетную вдову замуж за брата ее покойного мужа (левират) — безусловно, языческий и засвидетельствован у ряда народов, не знающих монотеизма. Поскольку понятие личности привнесено в сознание человека именно монотеизмом (и получило свое полное развитие в христианском учении), левират можно рассматривать как характеристику родового сознания, так как он позволяет сохранить для семьи потомство женщины, выданной некогда замуж в эту семью. Таким образом, левиратный брак вдовы для родового сознания праведен и законен, в то время как ее повторный брак с представителем другого рода был бы прелюбодеянием. В Ветхом Завете мы находим следы этого обычая в истории Фамари и ее свекра Иуды (см.: Быт. 38; Фамарь оправдана тем, что левиратный брак для нее невозможен). Праведность Руфи состоит не только (и не столько) в том, что она не оставила свою свекровь, но и в том, что, оказав ей повиновение, вступила в повторный брак с представителем народа Божия, родичем ее первого мужа. — *Ред.*

Из этого с очевидностью следует, что такое восприятие брака, согласно которому у одного мужчины единовременно не может быть больше одной жены и у одной жены — больше одного мужа, разделялось всеми тогдашними иудеями как нечто само собой разумеющееся.

Избитым аргументом мусульманских апологетов, стремящихся защитить мусульманскую полигамию, является утверждение, что пусть лучше человек будет в «законном браке» иметь половые отношения с несколькими женщинами сразу, чем, мол, ходить к проституткам и иметь любовниц, «как на христианском Западе». Не удержался от этого аргумента и г-н Азимов: «Стоит спросить себя, что же является более унижительным для женщины: “варварское” многоженство или “цивилизованная” проституция?».

Однако, во-первых, такое сравнение совершенно некорректно. Супружеская измена и просто блуд — не часть православной догматики, но, согласно христианству, тягчайший грех, приравниваемый к убийству, тогда как многоженство — неотъемлемая часть ислама, закрепленная в его священном писании (Коране) и священном предании (сунне).

Во-вторых, полигамия в мусульманских (даже в самых шариатских) странах вовсе не освобождает их от проблемы проституции. Проституция, супружеская измена и прелюбодеяние весьма широко распространены в мусульманском мире. И в Исламабаде, и в Карачи, и в других арабских городах существуют особые кварталы, которые содержатся «правоверными» и посещаются тоже

ими. И в Саудовской Аравии правоверные мусульманки подрабатывают проституцией в извращенных формах, чтобы остаться формально девственными. Распространена проституция в связи с тем, что брак по мусульманскому праву и обычаю может заключать лишь тот человек, который способен содержать жену. И если хочешь иметь четырех жен — надо обеспечить содержание всем четырем, а это могут себе позволить лишь очень немногие. И основная масса мусульман — или еще холостых, или тех, кому уже надоели одна-две «законные» жены, — активно посещает проституток-мусульманок.

Наконец, в-третьих, развращение Запада произошло вовсе не из-за соблюдения Христовых заповедей, а как раз вследствие отступничества от Христа. Что же касается настоящих христиан, то тут можно с уверенностью сказать, что чистые браки между ними, соответствующие заповедям христианства, — обычное явление, более того: в нем нет ничего удивительного, но самые совершенные христиане принимают на себя даже подвиг безбрачия⁹. Только для одержимого греховными страстями ума это представляется невозможным, Господь же подает чадам Своим, состоящим в супружестве, благодать любить друг друга всю жизнь и быть счастливыми друг с другом. Так что даже вторичные браки, заключаемые овдовевшими, Церковь хотя и позволяет, снисходя к немощи отдельных своих чад, но воспринимает как нечто

⁹ Согласно известному изречению, тот, кто должен научиться любви, вступает в брак, обладающий же даром совершенной любви принимает постриг. — *Ред.*

недолжное, и по 40-му правилу Номоканона «второженец отлучается, смотря по его летам и обстоятельствам, на год или на два, а троеженец на три или на четыре года, по 4-му правилу Василия Великого. А многоженство, то есть четверобрачие и так далее, называется делом скотским и совершенно чуждым человеческому роду, а почему и недопустимо во Святой Церкви, по 80-му правилу Василия Великого, где велено расторгать таковые браки и таких супругов подвергать епитимии на четыре года».

Отношение к матери в Новом Завете

Далее в своей статье г-н Азимов усиливает свои нападки на Священное Писание:

«Трудно говорить о Новом Завете как о писании, которое призывает к уважению матери. Напротив, может возникнуть впечатление, что Новый Завет считает доброе отношение к матери препятствием на пути Бога. В соответствии с Новым Заветом нельзя стать хорошим христианином и достойным учеником Иисуса (мир ему), если ты не ненавидишь свою мать. Ему приписывают такие слова: *Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 26)».

Крайне удивляет в этих словах полное игнорирование понимания Библии, содержащегося в Священном Предании христиан. Вообще игнорирование такой немаловажной реалии православного христианства, как Предание,— общая черта совре-

менного мусульманского сравнительного богословия, в том числе и отечественного. Причиной тому является, вероятно, отчасти незнание, а отчасти зависимость от зарубежной исламской критики протестантизма, которому действительно чужда такая реалья, как Предание. Тем не менее это все же довольно странно, особенно если учесть, что в суннитском исламе сходная реалья присутствует.

Ведь вряд ли бы г-н Азимов отнесся с одобрением, если бы какой-либо критик ислама, цитируя священную книгу мусульман, давал при этом лишь собственное понимание ее слов, игнорируя Тафсир (традиционное мусульманское толкование на Коран). Мусульманские апологеты не устают повторять, что Коран нельзя мыслить вне предания-сунны (на основе которой складывается, в частности, и Тафсир). Странно, почему они по умолчанию отказывают в таком праве христианам. Почему-то автор обсуждаемой статьи не удосужился ознакомиться с пониманием христианами столь смутившей его цитаты; хотя бы в исследовательских целях ему не помешало поинтересоваться, как понимается данное место в Предании Церкви — творениях святых отцов.

Преподобный Ефрем Сирин говорит, что эти слова Господь произнес, «чтобы ученики Его не относились легкомысленно к Его учению и наставлению»¹⁰. «Смотри же,— пишет блаженный Феофилакт Болгарский в своем толковании этого места,— в простоте своей и неопытности не соблазнись сим

¹⁰ *Преподобный Ефрем Сирин. Толкование на Четвероевангелие. С. 153.— Изд.*

изречением. Ибо Человеколюбец не бесчеловечию учит, не самоубийство внушает, но хочет, чтобы искренний Его ученик ненавидел своих родных тогда, когда они препятствуют ему в деле богопочитания и когда он при отношениях к ним находит затруднения в совершении добра. Напротив, когда они не препятствуют сему, Он учит даже почитать их до последнего издыхания»¹¹. Христианская традиция учит понимать эти слова Господа в свете другой Его фразы: **Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня** (Мф. 10, 37). Для того, чтобы профессору Казанского университета это стало понятнее, мы напомним один хадис: «Передал Абу Хурайра, что посланник Аллаха сказал: “Клянись Тем, в Чьей длани душа моя: не уверует никто из вас по-настоящему, пока не полюбит меня больше, чем отца своего и сына своего”» (Ал-Бухари, 14).

Далее в исследуемой статье мы находим: «Более того, Новый Завет описывает Иисуса (мир ему) как безразличного и даже не уважающего свою мать».

Долгие часы, проведенные над Библией г-ном Азимовым, потрачены, как видно, впустую. Быть может, при более внимательном чтении мусульманский профессор смог бы обратить внимание на то, как Евангелие последовательно подчеркивает, что Иисус с детства **был в повиновении у Своей Матери** (Лк. 2, 51). Из послушания Ей

¹¹ Блаженный Феофилакт Болгарский. Благовестник. М., 2002. Кн. 1. С. 532–533. — Изд.

Он совершил и Свое первое чудо (см.: Ин. 2, 1–11). Почтение к матери Господь называл в числе самых важных заповедей, соблюдение которых необходимо для желающего наследовать жизнь вечную (см.: Мф. 19, 19; Мк. 10, 19; Лк. 18, 20), и напротив — именно за нарушение заповеди о почтении к матери Он порицал современных Ему фарисеев: ***Бог заповедал: почитай отца и мать; и: злословящий отца или мать смертью да умрет. А вы говорите: если кто скажет отцу или матери: дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался, тот может и не почитать отца своего или мать свою; таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим*** (Мф. 15, 4–6; ср.: Мк. 7, 10–12). Именно из сострадания к матери, единственного сына которой выносили мертвым на носилках, Он совершил чудо, воскресив его из мертвых (см.: Лк. 7, 12–15), тем самым явив знак Своего милосердия ко всему материнству. Как разительно контрастирует это возвращение матери сына с поведением основателя ислама, который, участвуя в сражениях и отдавая приказы истреблять пленных, столь многих матерей своего времени лишил сыновей! Наконец, следует вспомнить, что Господь, даже пребывая в страшных муках на Кресте, не переставал заботиться о Своей Матери, передав Ее на попечение одному из Своих учеников (см.: Ин. 19, 26–27).

В случае с Мухаммедом мы не увидим ничего подобного, ибо, будучи сиротой, он был не в состоянии личным примером научить своих последователей должному отношению к матери. Почитание

матери, выражаемое делами, не относится к деяниям, которые совершал основатель ислама.

Ученики же Христовы, составившие Новый Завет, имея перед собой образец Христовой любви к Богородице, с особенной силой утверждали необходимость почтения к матери: *Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле* (Еф. 6, 2–3). *Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу* (Кол. 3, 20). Апостол Павел особенно упоминал в своих Посланиях: *Приветствуйте Руфа, избранного в Господе, и мать его и мою* (Рим. 16, 13). В другом месте, перечисляя наиболее скверные грехи, апостол ставит грех оскорбления матери перед убийством, мужеложством и другими грехами (см.: 1 Тим. 1, 9).

Ветхий Завет и прелюбодеяние

В своем незнании Священного Писания г-н Азимов доходит до совсем уж странных вещей: «Библия считает преступной только внебрачную связь женщины (Лев. 20, 10; Втор. 22, 22; Притч. 6, 20–7, 27)... В соответствии с библейским определением если женатый мужчина спит с незамужней женщиной, то таковое вообще не считается преступлением. Женатый мужчина, имеющий внебрачные связи с незамужней женщиной, не является прелюбодеем, равно как и незамужняя женщина, вступившая с ним в связь, не является прелюбойкой».

Эти слова трудно определить иначе как либо ложь, либо невежество. Седьмая заповедь звучит

одинаково для мужчин и для женщин: **Не прелюбодействуй** (Втор. 5, 18; Исх. 20, 14). За прелюбодеяние полагается смертная казнь равно и мужчине, и женщине (см.: Лев. 20, 10), равно предписывается: **Не должно быть блудницы из дочерей Израилевых и не должно быть блудника из сынов Израилевых** (Втор. 23, 17).

Именно о мужчинах-прелюбодеях сказано: **Кто же прелюбодействует с женщиною, у того нет ума; тот губит душу свою, кто делает это** (Притч. 6, 32); **человек, блудодействующий в теле плоти своей, не перестанет, пока не прогорит огонь. Такой человек будет наказан на улицах города и будет застигнут там, где не думал** (Сир. 23, 22, 30).

Именно блуд древних евреев становится причиной отвержения Израиля: **Как же Мне простить тебя за это? Сыновья твои оставили Меня и клянутся теми, которые не боги. Я насыщал их, а они прелюбодействовали и толпами ходили в дома блудниц** (Иер. 5, 7).

Абсолютное неприятие христианством прелюбодеяния со стороны мужчины выражено в Новом Завете непосредственно Самим Спасителем в знаменитом эпизоде с женой, взятой в прелюбодеянии (см.: Ин. 8, 3–11)¹². Слова Христа **кто из вас без греха, первый брось на нее камень** (Ин. 8, 7) напоминают ветхозаветное правило, согласно которому

¹² Этот сюжет нашел широкое отражение в живописи и литературе, но в подавляющем большинстве случаев в искаженном виде, ибо деятели искусства, не зная разницы между блудом и прелюбодеянием, живописуют и описывают блудницу, которую, конечно же, никто не стал бы побивать камнями.

право на участие в ритуальном побивании камнями имели только те, кто сам был неповинен в том грехе, за который полагалось побивание. Таким образом, Господь говорит не о грехах вообще, а именно о грехе прелюбодеяния, напоминая собравшимся о законе и воспрещая прелюбодеям, в строгом соответствии с законом, участие в ритуальной казни прелюбодейки. И это — самое надежное свидетельство того, что отношение христианства к нарушению брачной верности одинаково отрицательно и касательно мужчин, и касательно женщин.

А система двойных стандартов, более жесткая к прелюбодейке, чем к прелюбодею, известна как раз в исламе, так что, возможно, г-н профессор просто перепутал: «И услышал от него пророк: “Мой сын работал на этого человека и совершил прелюбодеяние с его женой. В возмещение убытков я отдал ему 100 овец и девушку-рабыню”. Пророк ответил: “Забери своих овец и рабыню обратно, а сын твой получит 100 ударов и будет на один год изгнан. Покаявшуюся же прелюбодейку побейте камнями”» (Малик 493, 1524).

Женщина в исламе: о чем умалчивают апологеты?

Казанский профессор рисует прямо-таки сказочные условия для женщины в исламе: «Такова кораническая концепция супружеских отношений: любовь, милосердие, покой, отсутствие права собственности друг на друга и двойной морали», — и даже утверждает, что «в исламе женщине предлагается некое равноправие».

Объективности ради мы изложим факты, о которых умолчал мусульманский апологет, и пре-

доставим читателям самим судить, насколько эти заявления правдивы.

Отношение к женщине. Коран учит, что «мужья стоят выше жен потому, что Аллах дал первым преимущество над вторыми, и потому, что они из своих имуществ делают траты на них» (ср.: Коран 4, 38).

Согласно распространенному хадису-изречению Мухаммеда, большинство женщин окажутся в аду. Ибн Умар рассказывал, что пророк сказал: «О собрание женщин! Подавайте милостыню, побольше просите о прощении, ибо я видел, что большинство из обитателей огня — это вы»¹³. И одна женщина из их числа спросила: «Почему большинство обитателей огня — это мы?». Он сказал: «Вы много проклинаете и неблагодарны к мужьям. Я не видел, чтобы у кого-то из обладающих разумом было больше недостатков в вере и уме, чем у вас» (Муслим, 1879)¹³. Согласно другому хадису, «пророк сказал: “Я не оставил после себя искушения более вредоносного для мужчин, чем женщины”» (аль-Бухари и Муслим). Таким образом, мы видим, что сунна полна высказываний, оскорбительных и унижительных для женщин.

Полигамия. Пытаясь убедить читателя, что в исламе наличествует «некое подобие равноправия между мужчиной и женщиной», автор упускает из виду, что полигамия сама по себе свидетельствует о глубоком диссонансе в правах: женщина, в отличие от мужчины, не может позволить себе иметь несколько мужей. Женщина обязана хранить верность мужу, в то время как муж имеет

¹³ Выделено мною. — Ю. М.

законное право нарушать верность жене (с другой женой, с временной женой, с наложницей). Так что все декларации о равенстве являются не более чем рекламным трюком.

Ставя вопрос о полигамии в современном западном мире, автор должен поставить вопрос и о полиандрии в современном мусульманском мире, ибо традиционное мусульманское обоснование полигамии не вписывается в реалии сегодняшнего дня: женщины-бизнесмены вполне могут позволить себе содержать четырех мужей.

Понятно, что на такую постановку вопроса мусульманин-традиционалист не пойдет, но тогда к чему лукавить, говоря о каком-то «равноправии» в исламе?

Развод. Любой из четырех браков может быть расторгнут, и число последующих браков и разводов не регламентируется. Шариат знает несколько видов разводов, различающихся как по самому их способу, так и по его юридическим последствиям. Хотя поводы для развода достаточно точно определены, муж может развестись с женой и без объяснения причин, в упрощенной форме (талак), произнеся одну из установленных фраз: «Ты отлучена» или «Соединись с родом». В случае развода муж должен выделить жене необходимое имущество «согласно обычаю». Разведенная женщина в течение трех месяцев остается в доме бывшего мужа, чтобы определить, не является ли она беременной. В случае рождения ребенка он должен быть оставлен в доме отца. Жена же может требовать развода только через суд, ссылаясь лишь на строго определенные основания: если муж имеет физические не-

достатки, не выполняет супружеских обязанностей, жестоко обращается с женой или не выделяет средств на ее содержание.

Дополнительные детали. Согласно шариату, свидетельство двух женщин в суде приравнивается к свидетельству одного мужчины. Женщинам запрещено следовать за похоронной процессией. Мужчина-мусульманин имеет право жениться на иноверке, но мусульманка выйти замуж за иноверца не может.

Только в исламе существует чудовищное постановление, что если разведенные муж и жена захотят снова сочетаться браком, то для этого жене необходимо прежде выйти за другого мужчину (!), развестись с ним и только после этого вернуться к прежнему: «Если же он дал развод ей (в третий раз), то не разрешается она ему после, пока не выйдет она за другого мужа, а если тот дал ей развод, то нет греха над ними, что они вернутся» (Коран 2, 230).

В Коране прямо предписывается бить непокорную жену: «увещайте и покидайте их на ложах и ударяйте их» (Коран 4, 34). Даже до нынешнего дня и в самой Европе из-под пера ученых шейхов выходят специальные книги, посвященные тому, как надо «правильно» бить жену!

В качестве «домашнего задания» остается только сравнить мусульманское понимание женщины как ущемленного в правах «наиболее вредоносного», «имеющего недостатки в вере и уме» низшего существа, обреченного в большинстве своем оказаться в итоге в аду, и христианское понимание женщины как созданной по образу

Божью (см.: Быт. 1, 27) *сонаследницы благодатной жизни*, которой надлежит оказывать честь (ср.: 1 Пет. 3, 7), которая в браке имеет право быть единственной любимой (см.: Еф. 5, 28), являясь в этой любви образом Святой Церкви (см.: Еф. 5, 23, 25).

ЧАСТЬ III

От религии полумесяца к религии Креста

ПЕРЕХОДЫ ИЗ ИСЛАМА В ХРИСТИАНСТВО В IX–X ВЕКАХ ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ АРАБСКИХ ХРОНИК¹

Бытует мнение, согласно которому ислам считается «необращаемой» религией, однако оно верно лишь отчасти. Менее распространенное мнение о безуспешности христианской миссии среди мусульманских народов не вполне соответствует действительности и происходит, как представляется, прежде всего из-за незнания миссионерских трудов Православия на этой ниве, в то время как сравнительно хорошо известны подвиги православных миссионеров в других местах — на Аляске, в Японии, Китае, Африке, Сибири.

Богатая и важная тема истории православной миссии среди мусульман еще ждет достойного исследователя. Здесь же, не имея возможности охватить ее полностью, мы постараемся осветить лишь одну небольшую сторону этого процесса, рассмотрев некоторые особенно значимые примеры переходов из ислама в христианство в период «Византийской реконкисты», когда империя стала переживать некоторый подъем и военные успехи начали споспешествовать православным полководцам.

¹ Впервые опубликовано: Альфа и Омега. 2002. № 2 (32). С. 255–259.

Примеры ярких единичных случаев

В конце IX — начале X века в арабской Испании в христианство обратился местный князь Омар ибн Хафсун и вместе со своими сыновьями господствовал почти полвека в горных долинах, сидя в своем замке Бобастро².

В то же время переходит из ислама в Православие курдский князь Ибн-ад-Даххак, владевший крепостью ал-Джа'фари. Об этом сообщает Ибн ал-Асир. Под 928 годом он пишет: «И встретился с ними один человек, по имени Ибн-ад-Даххак, который был одним из начальников курдов; и была у него крепость, называемая ал-Джа'фари; он отрекся от ислама, отправился к греческому царю, который подарил ему участок земли и приказал ему вернуться в его крепость. И встретили его мусульмане, сразились с ним, взяли его в плен и убили всех, кто с ним был»³.

Тот же Ибн ал-Асир, описывая поход греков 933 года, упоминает об арабском военачальнике, перешедшем из ислама: «И с ними был Буней-ибн-Нефис, приближенный ал-Муктадира, обратившийся в христианство и бывший заодно с греками»⁴.

Яхья Антиохийский в повествовании о событиях 970-х годов пишет: «И находился при Склире принявший христианство шейх, патриций, по имени Убейд-аллах, из жителей Малатии. И сделал он его магистром и послал в Антиохию... василиском [правителем] над нею»⁵.

² См.: Грюнебаум Г. Э., фон. Классический ислам. С. 115.

³ Васильев А. А. Византия и арабы. СПб., 1902. Т. 2. С. 220.

⁴ Там же.

⁵ Розен В. Р. Император Константин Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883. С. 2. — Изд.

Примеры массовых обращений

Наиболее ярким примером такого рода является, безусловно, событие 935 года, когда целое арабское бедуинское племя бану-Хабиб «в числе 12 000 всадников в полном вооружении, с семьями, клиентами (людьми, не входящими в племя, но находящимися под его покровительством.— Ю. М.) и рабами перешло к грекам, приняло христианство и стало сражаться против своих прежних единоверцев»⁶. Единовременно обратились более 60 000 человек. Масуди под 944 годом упоминает о «12 000 всадников из новообращенных христиан с копьями наподобие арабских»⁷, посланных в составе греческого войска на помощь осажденному турками Валендеру. «И когда четыре царя (турка.— Ю. М.) узнали, что пришли новообращенные и греки, то они послали в свою страну и собрали находившихся среди них мусульманских купцов, которые приходят в их страну из области хазар... алан и других (народов)... И когда армии выстроились и новообращенные выступили впереди греков, вышли к ним находившиеся впереди турок купцы и призывали их к принятию религии ислама, (говоря) что если они передадутся туркам, то они выведут их из их страны в землю ислама. И те отказались от этого»⁸. Арабский историк XIII века Ибн Зафир пишет, что бану-Хабиб остаются христианами и в его дни: «И бежали бени-Хабиб⁹ после (смерти) Абу-Табита в страны греков и стали христианами — по сие время»¹⁰.

⁶ Бартольд В. В. Турция, ислам и христианство // Сочинения. М., 1966. Т. 6. С. 421.

⁷ Васильев А. А. Византия и арабы. Приложение. С. 25–26. — Изд.

⁸ Там же. С. 26. — Изд.

⁹ Так в оригинале. — Изд.

¹⁰ Васильев А. А. Византия и арабы. Приложение. С. 82. — Изд.

Уже цитировавшийся нами Ибн ал-Асир так описывает христианизацию Малатии, завершившую поход 934 года: «В этом же году выступил domestik... во главе 50 000 греков и подошел к Малатии и осаждал ее долгое время. И погибла большая часть жителей ее от голода. И разбил он две палатки, на одной из которых был крест, и сказал: "Кто хочет принять христианство, пусть направится к палатке с крестом, для того чтобы ему были возвращены его семья и его имущество. А кто желает остаться мусульманином, пусть направится к другой палатке, и ему будет дарована жизнь и он будет доставлен в безопасное место". И направилась большая часть мусульман к палатке с крестом из любви к семьям своим и имуществу. А с остальными он отправил одного патриция, который должен был доставить их туда, где они могли считать себя в безопасности»¹¹. Этот пример является исключительным; в других случаях при взятии мусульманских городов таких условий для сдающегося населения не ставилось.

В качестве примера можно вспомнить, как после возвращения в X веке Антиохии в состав Византийской империи в течение нескольких лет практически все местное арабо-мусульманское население добровольно перешло в Православие, включая представителей арабской знати¹².

Совершенно иного рода историю приводит Ибн Адари: «В 325 году (19 ноября 936 — 7 ноября 937 года) назначил Абу-л-Касим-ибн-Убейд-

¹¹ Васильев А. А. Византия и арабы. Приложение. С. 111–112. — Изд.

¹² См.: Кривов В. В. Арабы-христиане в Антиохии X–XI вв. // Традиции и наследие христианского Востока. М., 1996. С. 248–249.

Аллах-аш-Ши'и начальником в Сицилию Халид-ибн-Исхака; и этот делал там то, чего не делал ни один из мусульман ни до него, ни после: он губил их (жителей Сицилии) убийством и голодом, так что они бежали в страну греков, и очень многие из них приняли христианство. И оставался он в Сицилии четыре года»¹³.

Стоит вспомнить, что с конца VIII века в Константинополе действовала мечеть, в которой, как явствует из писем святого патриарха Николая Мистика, пленные арабы даже в самые победоносные для империи дни могли молиться без какого бы то ни было принуждения их к принятию христианства¹⁴. Помимо пленных арабов, по свидетельству ат-Табари, уже в конце IX века на территории Византии проживало немало свободных подданных императора, исповедовавших ислам. То есть прибывавшие в империю арабы не подвергались насильственной христианизации; тем не менее, как свидетельствуют источники, в большинстве своем они все же принимали христианство.

В рассматриваемый период процесс перехода арабов в христианство становится столь заметным, что находит отражение в складывающейся в то же время повести о народном герое Дигенисе Акрите, отец которого — принявший христианство эмир. Обратившиеся из ислама арабы подчас начинают играть значительную роль при дворе императоров. Один из них, например, предотвратил дворцовый переворот, раскрыв заговор против Романа II.

¹³ Васильев А. А. Византия и арабы. Приложение. С. 149. — Изд.

¹⁴ См.: Мейендорф Иоанн, *протопресвитер*. Византийские представления об исламе. С. 136.

Вместе с тем привлекает внимание тот факт, что ни в одном из этих примеров не известно не только имени миссионера или проповедника, результатом деятельности которого явился тот или иной случай обращения, но и не упоминается вообще ни о каких целенаправленных действиях подобного рода со стороны Греческой Церкви. Напрашивается мысль о том, что в целом процесс перехода из ислама в христианство в IX–X веках, затронувший в рамках упомянутого периода, по приблизительным подсчетам, до 100 тысяч человек, происходил не за счет миссионерских усилий Церкви Византии, а за счет, с одной стороны, культурного и политического превосходства и военных успехов греков, а с другой стороны — благодаря промыслительному действию единого милостивого Бога, ищущего спасения для каждого грешника, каждого заблудшего.

СВЯТЫЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, ОБРАТИВШИЕСЯ ИЗ ИСЛАМА

Да не будет ми когда лгати на святаго.

Святитель Димитрий Ростовский

Некогда еще Писание Ветхого Завета предвещало: ***Вот, видение грозное, и лице его от востока. Выступят порождения драконов Аравийских на многих колесницах и с быстротою ветра понесутся по земле, так что наведут страх и трепет на всех, которые услышат о них*** (3 Езд. 15, 28–29). Много веков спустя это пророчество исполнилось. Один из лжепророков, пришествие в мир коих предрекал Господь, ***прельстил многих***

(ср.: Мф. 24, 11), возвестив в Аравии новое учение. Учение это получило название *ислам* — производное от арабского слова «мир» (салам), и множество подстегиваемых сим учением драконов аравийских понеслось по земле и в беспощадных войнах вскоре захватило огромные территории. Эта «религия мира» со временем распространилась, и приверженцы ее не устают вести непрерывные войны даже до сего дня, подпадая тем самым под запечатленное Самим Господом определение лжи, *говоря: «мир, мир!», а мира нет* (Иер. 8, 11).

Но Бог, *не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию* (2 Пет. 3, 9), и на этой ниве собрал для Себя достойную жатву. Есть сведения, что уже один из ранних сподвижников самого основателя ислама — Мухаммеда, Убайдаллах ибн Джахиз, переселившийся во время «первой хиджры» в Эфиопию, уверовал там во Христа и принял святое Крещение. Он был первым, но далеко не последним мусульманином, кто обратился к свету истины¹⁵. Некоторые из последовавших его примеру принесли столь великий духовный плод,

¹⁵ Вот два рассказа из эпохи раннего ислама, относящихся ко времени правления четвертого «праведного» халифа, племянника и зятя Мухаммеда, Али: «Один мусульманин принял христианство. Али приказал ему вернуться в ислам, но он отказался. Али убил его и не отдавал тело родным, хотя они предлагали ему много денег. Он сжег тело»; «Другой человек из племени Бани-Ижл стал христианином. Его привели к Али закованным в цепи. Они долго говорили. Мужчина ответил ему: “Я знаю, что Иса — Сын Божий”. Тогда он (Али) встал и ногами ступил на него. Когда это увидели другие, они тоже начали топтать мужчину. Тогда Али сказал: “Убейте его”. Его убили, и Али приказал сжечь тело» (Тахави. Китаб аль-Сияр).

что были причислены Вселенской Церковью к лику святых. О них и пойдет речь.

Предложенные здесь рассказы не являются собственно житиями святых, это скорее размышления о внутреннем облике этих подвижников, составленные на основе житий. Они сопровождаемы некоторыми комментариями исторического и исламоведческого характера, а также сведениями из жизни современных людей, обратившихся из ислама ко Христу. Эти сведения, как представляется, в некоторых местах помогают лучше понять, что в тот или иной момент переживали, чем руководствовались наши святые. От этого нам подчас яснее и полнее открывается все величие их подвига.

Из истории христианской миссии среди мусульман

Бытует мнение, согласно которому ислам считается «необращаемой» религией. Однако оно верно лишь отчасти. Было бы более точным охарактеризовать ислам как «труднообращаемую» религию. Мусульмане действительно труднообращаемы, как и приверженцы иных *эксклюзивных монотеистических религий*, таких, как христианство и иудаизм. Тем не менее распространенное мнение о малочисленности христианской миссии среди мусульманских народов не вполне соответствует действительности.

Богатая и важная тема истории православной миссии среди мусульман также еще ждет достойного исследователя. Здесь же автор, не имея возможности охватить ее полностью, делает попытку осве-

тить хотя бы несколько граней данного процесса, которые позволили бы составить целостное и более соответствующее действительности представление об этой малоизвестной стороне проповеди вселенского Православия.

Из истории миссии Константинопольской Православной Церкви можно узнать, как после возвращения в X веке Антиохии в состав Византийской империи практически все местное арабо-мусульманское население в течение нескольких лет добровольно, включая представителей арабской знати, перешло в Православие¹⁶. То же происходило и в возвращенных примерно тогда же округе Лаодикея и городе Мелитена¹⁷. Но наиболее ярким является, безусловно, событие 935 года, когда целое арабское бедуинское племя бану-Хабиб «в числе 12 000 всадников в полном вооружении, с семьями, клиентами (людьми, не входящими в племя, но находящимися под его покровительством.— Ю. М.) и рабами перешло к грекам, приняло христианство и стало сражаться против своих прежних единоверцев»¹⁸. Арабский историк XIII века Ибн Зафир пишет, что бану-Хабиб остаются христианами «по сие время». В целом в IX–X веках из ислама в христианство обратились до 100 тысяч человек.

Для Русской Церкви миссия среди мусульман традиционна. Святитель Михаил Киевский (X век) посылал монаха Марка проповедовать Христа

¹⁶ См.: *Кривов В. В.* Арабы-христиане в Антиохии X–XI вв. С. 248–249.

¹⁷ См.: *Мец А.* Мусульманский ренессанс. С. 324.

¹⁸ *Бартольд В. В.* Турция, ислам и христианство. С. 421.

булгарам-мусульманам, в результате чего приняли Крещение четыре князя болгарских. Святитель Петр Московский (XIII век) вступал в публичные диспуты с мусульманскими проповедниками и одерживал в них победу. Святитель Макарий Московский (XVI век) крестил последнего хана Казани — Едигера-Мухаммеда — и пекся о проповеди Православия среди татар. В результате более чем четырехсотлетней миссионерской деятельности Русской Православной Церкви среди татар образовалась новая этноконфессиональная группа — кряшены, состоящая из православных татар. По переписи 1926 года кряшен было около 200 тысяч¹⁹. В настоящее время на территории России их проживает порядка 320 тысяч.

Другой современный тюркский народ, обратившийся из ислама, — гагаузы, общая численность на сегодняшний день 220 тысяч человек, преимущественно проживают в Молдавии, где с 1994 года имеют автономию — Гагауз ери.

Гагаузы происходят от тюркоязычных кочевников (огузов, печенегов, половцев), принявших ислам еще в IX веке. Перешли они в христианство в XIII веке. На дохристианское исламское прошлое гагаузов указывают арабские слова и мусульманские термины, встречающиеся в их обиходе. В русско-турецких войнах конца XVIII — начала

¹⁹ См.: *Щипков А. В.* Во что верит Россия. СПб., 1998. С. 93. В 1930-е годы всех кряшен записали татарами. Народ был попросту забыт. И лишь недавно, в 1999 году, эта народность снова была официально восстановлена в Российской Федерации. С конца 80-х годов наблюдается культурное и духовное возрождение кряшенского народа.

XIX века гагаузы выступали на стороне России. Тогда же они в большинстве своем переселились в опустевшие степи Южной Бессарабии.

Не менее плодотворной была миссия среди народов Кавказа. Во второй половине XVI века обратившийся из ислама и ставший христианским миссионером Аллах-Верди из Цахура вернул в Православие целое племя грузин-ингилов²⁰.

В самом начале XIX века стараниями православных миссионеров было обращено в христианство свыше 47 тысяч осетин²¹ — бо́льшая часть народа. К 1823 году обращены были почти все осетины²². Значительное количество абхазов также возвратилось в Православие.

В августе 1759 года знатный кабардинец Кургоко Кончокин вместе с семьей принял святое Крещение, был наречен Андреем Ивановым и обратился к кизлярскому коменданту с просьбой «отвести ему место для поселения между урочищами Моздок и Мекенем»²³. В 1762 году он был удостоен звания подполковника и наименован князем Черкасским-Кончокиным. Им был основан нынешний город Моздок, и многие из заселявших его кабардинцев добровольно переходили в Православие.

²⁰ См.: *Ибрагимов Г. Х.* Христианство у цахуров // *Альфа и Омега*. 1999. № 1 (19). С. 177.

²¹ См.: *Геден (Докукин), митрополит.* История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М., СПб., 1992. С. 105.

²² Среди осетин существуют два клана, характеризующиеся как диалектными различиями, так и вероисповеданием: иронцы (христиане) и энгорцы (мусульмане). — *Ред.*

²³ Еще задолго до него, в 1558 году, перешел в Православие кабардинский князь Салтан Идаров.

В настоящее время их потомки составляют около 2 500 человек — примерно половину этнической группы моздокских кабардинцев²⁴. Частные случаи обращений знаменитых людей имелись практически во всех народах Кавказа.

Историю же тайной миссии христианства на территориях, подчиненных мусульманам, проследить крайне сложно, если вообще возможно, однако существование в настоящее время около 10–12 миллионов христиан-арабов²⁵ (при общей численности арабов порядка 100 миллионов), из которых лишь немногие являются потомками арабских племен, принявших христианство в доисламскую эпоху, приоткрывает нам масштабы и успехи этой миссии, каждый шаг которой был связан со смертельным риском как для обращающихся, так и для обращаемых. Впрочем, можно и здесь привести несколько ярких примеров.

Так, святой Феодор Эдесский в середине IX века обратился в Православие «сарацинского царя» Муавида, одного из трех сыновей халифа Мутаваккиля (847–861), правителя Сирии, и крестил его с именем Иоанн²⁶. В конце IX — начале X века в арабской Испании обратившийся в христианство князь Омар ибн Хафсун вместе со своими сыновьями господствовал почти полвека над гор-

²⁴ См.: *Болова И.* Моздокские кабардинцы. Ставрополь, 2001.

²⁵ См.: *Malik C. H.* Tough Times for Arab Christians // *Sourozh*. 1991. № 46. Р. 30.

²⁶ См.: *Лопарев Х. М.* Греческие жития святых VIII–IX вв. Пг., 1914. С. 432–433. Эта информация «Жития святого Феодора» косвенно подтверждается и арабскими источниками. В 866 году Муавид по приказу своего брата-халифа был брошен в темницу и задушен, по-видимому, за переход в христианство.

ными долинами, сидя в своем замке Бобастро²⁷. В то же время переходит из ислама в Православие курдский князь Ибн-ад-Даххак, владевший крепостью ал-Джа'фари²⁸. О мусульманском богослове Абдаллах ибн Куллаибе (ум. 955) современники утверждали, что он тайно обратился в христианство²⁹. Но куда более интересным является тот факт, что в XV веке в самом Багдаде и некоторых переднеазиатских областях правила турецкая династия Кара-Коюнлу, которую египетские мусульманские историки прямо обвиняли в отступничестве от ислама и принятии христианства³⁰.

В немногих примерах средневековых государств, в которых равно покровительствуемы (или во всяком случае терпимы) были и христианство, и ислам (Хазарский каганат IX–X веков, государство каракитаев XII века³¹), христианство получало более широкое распространение в сравнении с исламом.

Безусловно, в ходе истории ряд христианских народов полностью либо почти полностью обратился в ислам. Это факт. И в наши дни в Африке случается, что целые племена переходят из христианства (хотя и не православного) в

²⁷ См.: Грюнебаум Г. Э., фон. Классический ислам. С. 115.

²⁸ См.: Васильев А. А. Византия и арабы. С. 220.

²⁹ См.: Swanson M. N. Early Christian-Muslim Theological Conversation among Arabic-Speaking Intellectuals // www.luthersem.edu/mswanson/papers/Indonesia%20Intellectuals.pdf.

³⁰ См.: Бартольд В. В. Турция, ислам и христианство. С. 424.

³¹ См.: Богомолов Г. И., Буряков Ю. Ф. Христианство в Средней Азии // Из истории древних культов Средней Азии. Ташкент, 1994. С. 18.

ислам³². Причины этого — тема для отдельной работы, но следует иметь в виду, что всегда существовал и обратный процесс, который продолжается до сих пор. Достаточно вспомнить пример Православной Церкви самой крупной мусульманской страны мира — Индонезии, где православная община возникла в конце 1980-х годов миссионерскими трудами всего лишь одного человека, архимандрита Даниила (Баянтаро), и увеличилась за десять лет с 1 до 2 500 человек³³. Кроме Индонезии, успешная православная миссия идет в наши дни в исламизированных районах Болгарии и в Албании. В Алжире насчитывается порядка 43 000 тайных христиан. В Турции, по сведениям греческого правительства, — до полумиллиона. Во многих мусульманских странах насчитываются тысячи тайных христиан.

В Русской Православной Церкви в настоящее время проходят пастырское служение казахи, татары, чеченцы, ингуши, табасаранцы, индонезийцы и другие, из них многие реально обратились в Православие из ислама. Что же касается мирян, то на канонической территории нашей Церкви проживают до нескольких тысяч человек, обратившихся в последние годы в Православие из традиционно мусульманских народов. По всему миру в наши дни происходит множество обращений

³² Наиболее показателен пример Габона. В 1973 году Бонго, президент этой африканской страны, принял ислам, сменив христианское имя Альбер на Омар, и провозгласил в стране с 80-процентным христианским населением государственной религией ислам.

³³ Подробнее об этом см.: *Максимов Ю. В.* Православная Церковь в Индонезии // Миссионерское обозрение. 2001. №12 (74). С. 7–10.

в Православие из ислама. Достаточно привести лишь несколько наиболее ярких примеров.

Так, приняла святое Крещение казахский кинорежиссер Эльза Дильмухамедова; перешел в Православие один из потомков самого Мухаммеда, сын высокопоставленного иракского офицера и внук имама, Халид Абд Аль-Рахман, крестившийся с именем Афанасиос; обратился в христианство имам Ак-Бекет, казахский богослов, автор книги «Новое послание Аллаха миру». Покаялся и уверовал во Христа исламский террорист Насыпкали Хасанов, крестившийся с именем Феодор. После Крещения он совершил подвиг покаяния: пришел в милицию, все рассказал о своих убийствах и сейчас отбывает наказание по приговору — 10 лет общего режима. Приняла Православие правнучка легендарного имама Шамиля — Назима Ханафи Мухаммед, получившая в Крещении имя Мария.

Таким образом, выбор человеком религии не может быть жестко увязанным с его этнической или культурной принадлежностью. Образ Божий, сокрытый в каждом человеке, несет дар свободы, который никому не под силу отнять. О том, как воспользовались своей свободой или что делали для ее обретения люди разных времен, национальностей, социального положения, и пойдет далее речь.

Святой Константин Агарянин³⁴

Закат XVIII века. Османская империя. Провинциальный город Ипсихометопон. В одной

³⁴ Житие см.: Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на святой Афонской горе просиявших. Репринт: М., 1994. С. 464–481. — Изд. Память 2/15 июня.

бедной турецкой мусульманской семье родился младший сын — будущий святой Константин.

Автор жития скорее всего осознанно не сохранил для нас его мусульманского имени, тем самым, очевидно, желая подчеркнуть, что он целиком и полностью стал христианином. Думается, в таком вдохновении автора жития присутствовала и воля самого святого.

Детство будущего мученика выдалось несладким: тяжелая болезнь в отрочестве, развод родителей, второй брак матери, жестокий отчим, второй развод, бедность, многократные смены места жительства... Возможно, личные страдания и подготовили в его сердце почву к восприятию слова о Кресте.

Один бывший гамбийский мусульманин, ныне здравствующий, писал в своих воспоминаниях, что его привели к христианству именно размышления о смысле страданий, которыми до сих пор полна жизнь рядовых африканцев и столь же была полна и его собственная. Не имея знакомых христиан, этот человек пришел ко Христу, размышляя только над тем, что отрицается Кораном в христианском учении: что Иисус, называемый христианами Сыном Божиим, был распят. Такие размышления подвели этого мусульманина к тому, что «необходимость крестных мук казалась убедительной и истинной в свете нашей реальной жизни»³⁵.

После многократных переездов оказавшись в Смирне, святой Константин работал при базаре разносчиком зелени и плодов, и ему часто приходилось посещать митрополичий дом. Там он и

³⁵ *Саннех Ламин*. Иисус — не только пророк // Страницы. 1997. № 2. С. 225.

познакомился с христианами и христианством. У него появились друзья среди них, в общении с которыми он понемногу изучил греческий язык.

Однажды, будучи в очередной раз в митрополичьем доме, Константин попросил знакомого священника прочитать ему что-нибудь из христианских книг. Тот исполнил его просьбу. Слова Писания произвели на него необычайное впечатление, и это стало скорее всего не первым, но уже последним толчком к принятию решения стать христианином.

Нам, людям, несмотря на десятилетия атеизма, все же выросшим в окружении христианской культуры и с детства впитавшим в себя христианские понятия и категории через сам язык, архитектуру, литературу, живопись, историю, часто бывает уже затруднительно в адекватной мере ощутить всю колоссальную мощь евангельского текста, услышать Благоую Весть так, как ее слышали первые слушатели и как ее услышал святой Константин.

Первый полный перевод Нового Завета на арабский язык был издан лишь в 1860 году³⁶. Но и до сих пор, как свидетельствует современный христианский араб-миссионер Бессам Медани, «мусульманам редко приходится слышать Слово Божие на родном языке, а большинство из них никогда не видело Библию»³⁷. Тем сильнее, тем непосредственнее впечатление от воздействия

³⁶ См.: Макарий (Тайяр), архимандрит. Арабские переводы Библии в XIX веке // Журнал Московской Патриархии. 1976. № 11. С. 44.

³⁷ Медани Бессам. Библия и ислам. С. 4.

впервые услышанного текста Евангелия. Вспоминается рассказ об обращении одного современного египетского исповедника Христова — Малика, сына почтенного ученого шейха, попечителя и инспектора учебных заведений округа по исламоведению и ревностного члена организации «Братья-мусульмане». Оно произошло также после того, как Малик слышал от христиан евангельскую историю о прощенной блуднице. Христово милосердие и Его полные любви слова поразили юного мусульманина до глубины души, и все вокруг получило иную оценку в свете этих слов³⁸. Нечто подобное произошло и с Константином.

Говоря о переходе мусульманина в христианство, мы должны иметь в виду, что такой человек сталкивается не только с социальными, но прежде всего с огромными психологическими трудностями. «Если мусульманин оставляет свою старую веру, то это не только большой позор для всего его рода, но в первую очередь для него самого означает отрыв от привычного “мы” семьи, единство с которой он чувствует всеми фибрами своей души. Этот процесс более глубокий и продолжительный, чем мы себе представляем, и порождает у очень многих прозелитов искушение полным одиночеством»³⁹. Помочь уверовавшему преодолеть все это может лишь искренняя любовь ко Христу и всеукрепляющая благодать Господня.

³⁸ См.: Юлиания (Демина), монахиня. Современные египетские исповедники // Вестник РХД. 1983. № 2 (139). С. 35.

³⁹ Абд-эль-Маши. Почему мусульманину трудно стать христианином? Корнталь, 1984. С. 17.

В житии прямо не сказано о разрыве Константина с семьей после принятия решения переменить веру, но он подразумевается, а те обстоятельства, при которых произошел его арест, указывают, что разрыв имел место не по его инициативе.

На примере святого Константина видно, как непросто было принять Крещение мусульманину в Османской империи. Это означало не только смертный приговор крещаемому, но и немалые злоключения крещающим⁴⁰. Поэтому-то смирские христиане, несмотря на знакомство с ним, не решились крестить Константина и послали его на Афон.

Прибыв на Афон, будущий мученик обращается в обитель святого Павла с просьбой о Крещении. Посоветовавшись, старцы не решаются на это и посылают его в Кавсокаливийский скит. Скитские старцы, в свою очередь, отправляют его в лавру святого Афанасия. Но и в лавре «страха ради турецка» не решаются крестить мусульманина и отсылают его в Иверский монастырь к пребывавшему там в безмолвии патриарху Григорию V (впоследствии самому принявшему мученический венец). Явившись к святителю, юноша падает ему в ноги и со слезами умоляет сподобить его Таинства Крещения. Но и патриарх не сразу соглашается. Для Константина — мы должны это понимать! — это было сродни шоку. Он вынужден был испытать, казалось, самое невероятное: быть

⁴⁰ Так, один из мучителей святого Феодора Константинопольского (память 17 февраля / 2 марта) во время пыток приговаривал: «О, попался бы мне в руки тот поп (который вернул тебя в христианство), я бы вырезал немало ремней из его спины!».

выброшенным исламским миром и не принятым христианским. Лишь искренние рыдания отчаявшегося уже юноши в последний момент трогают святительское сердце, и патриарх повелевает ему возвращаться в Кавсокаливийский скит и готовиться к Крещению, которое спустя определенное время совершает самолично (!), принимая тем самым ответственность за все возможные последствия на себя.

Что испытал святой Константин после Крещения? Что испытывает всякий человек, сформировавшийся в мусульманской среде и культуре и обретающий истину Православия? Людям, выросшим в христианской по преимуществу культуре, понять это сложно. Уже упоминавшийся мною Ламин Саннех так писал о своих ощущениях при окончательном обращении из ислама в христианство: «Трудно выразить словами чувство полной свободы от парализующей невозможности умиловить Бога»⁴¹. *Где дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3, 17). Наверное, подобное же чувство священной и духовной свободы в открывшемся безмерном море божественной любви испытал и будущий мученик.

Настолько велико и безмерно было это море божественной любви, что, пока святой нес послушания в Кавсокаливийском скиту, ему не раз приходила мысль запечатлеть собственной кровью свою любовь ко Христу. Однако духовник его, старец Гавриил, не давал ему такого благословения, научая, что если это будет угодно Богу, то

⁴¹ Саннех Ламин. Иисус — не только пророк. С. 225.

Он Сам имиже весть судьбами исполнит желание Константина.

Спустя некоторое время, по собственному намерению, испросив благословения афонских старцев и патриарха, святой Константин отправляется в Магнисию с целью обратить свою сестру в христианство. Возможно, понять причину такого духовного порыва Константина мы сможем, обратившись к примеру жизни современного исповедника, уже упоминавшегося Малика. После Таинства Крещения он, охваченный любовью ко всему миру, в восторженных и трогательных выражениях писал своим родным и жене о своем счастье быть христианином, о духовном перерождении и любви к Богу, доходящей до желания умереть за Него, и о любви к ним: «Я всегда любил всех и каждого из вас. Но теперь моя любовь к вам — при том, что я всецело, без остатка, отдался любви к Иисусу Христу, — стала еще глубже, еще чище, еще нежнее. Не могу выразить, как я люблю вас. Не могу выразить своего счастья. Разделите мою радость из любви ко мне!»⁴².

Должно быть, сходными чувствами был движим и святой Константин. Однако ему не суждено было увидеть сестру. По пути в одном из портов его узнает некий чиновник. Дальнейшее поведение Константина являет здоровое образцово-христианское отношение к мученичеству. Он не провоцирует своего мученичества и не подталкивает мусульман к этому, не желая тем самым искушать

⁴² *Юлиания (Демина), монахиня.* Современные египетские исповедники. С. 35. Семья ответила Малику тем, что был послан убийца, последовали тяжелое ранение и долгое лечение в госпитале.

Господа. Будучи спрошен, не турок ли он, Константин отвечает:

— Нет, этот человек ошибся, вероятно, приняв меня за другого, но я — чистый христианин.

Сразу же после этого святой покупает билет на ближайший корабль. Вот он впрыгивает в лодку, лодка отчаливает от берега, плывет, почти уже достигает корабля... В этот момент с берега приказывают вернуть лодку и выдать Константина. Матросы беспрекословно подчиняются. Константин ведет к аге (судье). Между ними происходит следующий диалог:

— Кто ты такой, откуда к нам прибыл и как зовут тебя?

— Я издалека, еду в Анатолию, исповедую христианскую веру, а имя мое — Константин.

— А если найдется человек, который обличит тебя и докажет, что ты турок?

— Едва ли это возможно, потому что я христианин.

В этот момент встает чиновник аги, знакомый брата Константина, и «изобличает» святого.

Только тогда избранник Божий понимает, что открывающийся великий путь мученичества за Христа действительно уготован ему от Бога, и, преисполнившись мужества, смело отвечает:

— Да, я действительно был турком, но недолго находился в незаконной мусульманской вере, ибо Господь мой Иисус Христос по Своей великой милости вывел меня из тьмы и привел к истинному свету. Теперь же я попираю веру вашу со всеми обрядами, которая ведет всех ее последователей в вечную погибель.

Эти простые слова в тех обстоятельствах являлись произнесением приговора самому себе. Окончательный переход мусульманина в иную веру карался смертной казнью; в случае такого перехода он автоматически становился *мубохи-иддем*, то есть лицом, которое дозволялось убить каждому⁴³. В сборниках ал-Бухари и Муслима приводится хадис, восходящий к Ибн Масуду,

⁴³ См.: *Торнау Н.* Изложение начал мусульманского законо-
ведения. СПб., 1850. С. 470. Это, впрочем, относилось лишь к
лицам мужского пола, женщины вместо этого приговаривались
к пожизненному заключению (такому наказанию подверглась
святая Аргира [память 30 апреля / 13 мая]). Хотя если говорить
о реальном положении вещей, то нередко смерть угрожает жен-
щинам, обратившимся из ислама, не менее, чем мужчинам. Так,
например, Билкис Шейх упоминает как о чем-то вполне обыч-
ном случай с пакистанской девушкой-мусульманкой, обратив-
шейся в христианство. Спустя некоторое время после ее обра-
щения она была найдена мертвой. Ее убил собственный брат,
желая тем самым «смыть позор с семьи» (*Шейх Билкис, Шнай-
дер Р.* Я осмелилась назвать Его Отцом. С. 6). Среди наших со-
отечественниц следует вспомнить жившую в XIX веке монахи-
ню Платониду, происходившую из татарской мусульманской
семьи, но обратившуюся ко Христу и избравшую равноангель-
ский образ жития — монашество. Ее родственники также убили
ее. В Екатеринбургской епархии мученица Платонида почита-
ется святой, а от источника, появившегося на месте ее подвигов,
и поныне происходят многие чудесные явления. Аналогичный
случай мы имеем с почитаемой в Болгарии мученицей Хадид-
жей-Марией. Родившись в семье исламизированных в течение
уже нескольких поколений болгар, она крестилась и более двух
лет оставалась тайной христианкой, пока ее фанатичные братья
не узнали об этом. Утром в Страстную пятницу они убили ее
перед ее домом, и тело мученицы Христовой оставалось много
дней непогребенным (см.: *Тодоров П.* Новомъчениците на бъл-
гарския род // Православно слово. 1997. № 56. С. 15). Более
подробно о них см. в Приложении 1.

который передает следующие слова Мухаммеда: «По закону кровь мусульманина может быть пролита только в трех [случаях]: прелюбодеяние, жизнь за жизнь, отречение от религии и уход из общины».

Константина избивают и заключают в темницу, а судья тем временем вызывает махсонисийского пашу для разбора его дела. Прибывший паша предлагает мученику вернуться в ислам, обещая одарить его богатством и почестями. Такое предложение — вовсе не личная инициатива паши и не свидетельство его особой щедрости ради возвращения «отпавшего» в отеческую веру. Это было предусмотрено шариатом. О такой практике сообщают и мусульманские источники. Все, что описано в житии, происходило строго в соответствии с процессуальной системой, зародившейся еще в начале Арабского халифата. Так, известный мусульманский историк ал-Кинди (ум. 950) упоминает случай, относящийся к эпохе ранних Фатимидов: «Один старый христианин в возрасте за 80 лет, который в свое время перешел в ислам, вновь переменял веру, а когда ему было предложено обратиться в ислам, он отклонил это предложение. Кадий довел это дело до сведения халифа, тот передал этого человека в руки начальника полиции, а последний послал к кадию, чтобы он выбрал четырех заседателей, необходимых для обращения его в ислам. Кадий должен посулить ему 100 динаров, если он покается, если же будет упрямыться, его следует казнить. Старик-христианин отказался, был убит, и тело его было брошено в Нил»⁴⁴.

⁴⁴ Мец А. Мусульманский ренессанс. С. 44.

Константин также отказывается и снова исповедует христианскую веру. После этого его сперва подвергают стандартным пыткам, так называемой *фаланге* (битью палками по пяткам), а затем, когда и это не приносит ожидаемого результата, передают вызвавшемуся добровольцу-палачу.

Установление пыток сходно с обещанием вознаграждения в том, что и то и другое не является следствием личных склонностей или пристрастий паша — оно также было предписано законом. Даже Абу Юсуф (ум. 798), автор первой книги по мусульманскому праву, ставшей для всех последующих поколений исламских законоведов хрестоматийной, хотя в целом отрицал в судопроизводстве возможность любого давления на подозреваемого (в том числе и пытки), в случае перехода мусульманина в какую-либо иную религию считал их необходимыми, если на обвиняемого не подействовали ни посулы, ни угрозы⁴⁵.

Но то, что паша не удовлетворился стандартными телесными наказаниями, а отдал Константина в руки «специалиста» по пыткам над христианина, является актом его личной изуверской воли. Примером другого отношения судьи в рамках того же законодательства может служить дело (мученичество) святого Георгия Милитинского (память 2/15 января). Там судья также вынужден был приговорить обратившегося в христианство старика к смертной казни, однако сделал это с явным нежеланием и сожалением и без употребления пыток.

⁴⁵ См.: *Прозоров С. М.* Мусульманское право // Хрестоматия по исламу. С. 169.

Зачастую судьи, не желавшие, по-видимому, брать на себя кровь христиан, объявляли тех мусульман, которые приходили к ним и сообщали о своем обращении ко Христу, сумасшедшими и на этом основании выгоняли (например, так поступили в первый раз с преподобномучеником Киприаном Новым [память 5/18 июля]). Случалось даже, что судьи, не согласные с приговором паши, тайком отпускали на свободу приговоренных к смертной казни христиан.

А таких «ревнителей», как паша, доставшийся Константину, время от времени кара Божия постигала еще при земной жизни. Так, Михаил Сириец передает, что один такой «ревнитель» IX века, чрезмерно усердствовавший в пытках христиан, обратившихся из ислама, в конце концов был за это по приговору кадия брошен в тюрьму и убит⁴⁶. «От пашей-тиранов в равной степени страдали и христиане, и мусульмане»⁴⁷, поэтому были нередки случаи, когда по настоянию последних того или иного пашу рано или поздно снимали с должности.

Итак, Константина передали палачу-садисту. Палач-доброволец встречается и в житиях других мучеников, например мученика Луки Нового. Странна фигура палача. У того, кто вследствие разлада со своей совестью уничтожает добро в себе, естественно появляется страстное желание уничтожить добро в других и неизбежно стремление уничтожать самих носителей добра. Так что

⁴⁶ См.: *Мец А.* Мусульманский ренессанс. С. 44.

⁴⁷ *Панченко К. А.* Османская империя и судьбы Православия на арабском Востоке. М., 1998. С. 18.

нравственный облик такого человека косвенно подтверждает праведность тех, кого он пытал.

Невозможно без внутреннего содрогания даже читать описания тех мучений, которым подвергся Константин. Но и среди них он остался тверд в вере. И когда его, измученного, изможденного и изуродованного, закованного в цепи, привели к паше и спросили: «Теперь скажешь ли нам, кто ты (в отношении веры)?» — мученик промолвил:

— Развяжите мне руки — и увидите, кто я.

Будучи же развязан, святой перекрестился и воскликнул:

— Вот кто я!

В этом ярком, впечатляющем поступке выражены вся сила негибаемой воли мученика и весь жар огня жертвенной любви его ко Христу.

После этого святого подвергают бичеванию, заковывают в цепи и бросают в темницу. В этот момент, как повествует житие, по всем местным церквям Божиим о нем возносятся молитвы.

Дело Константина было столь ответственным, что кидонийский градоначальник не решается сам производить суд и отправляет мученика в Стамбул.

Там он какое-то время находится на каторге, затем — снова удары по пяткам, пытки, заточение в темницу. В темнице его навещает священник, который, видя столь молодого исповедника и «боясь неизвестности конца», как сказано в житии, говорит ему:

— Хорошо, Константин, исповедание имени Иисуса Христа, но мучения турок ужасны. Подумай, если тебя устрашают муки турок, то при помощи Божией мы выручим тебя отсюда.

— Что ты говоришь, отец духовный? — с удивлением отвечает ему святой. — Посмотри на мое тело.

И с этими словами он обнажает свои раны, при виде которых духовник невольно содрогнулся и подивился подвигу юного страдальца.

— Смотри, отче! — сказал ему строго мученик. — Не вздумайте золотом и подарками выкупить меня на свободу. Сохрани вас Бог от этого. Через несколько дней я окончу свой подвиг, как о том сказала мне Пресвятая Богородица.

Так и случилось. На другой день он снова был призван к судье и как упорствующий в своем «отступлении» был приговорен к повешению. Казнь приведена в исполнение 2 июня 1819 года, спустя 40 дней после его первого ареста.

Повешение — это наказание типа *кетл*, обычно использовавшееся в отношении преступников, осужденных за мужеложство, инцест и вероотступничество. Прелюбодеяние влекло за собой наказание типа *реджм* — побивание камнями. Умышленное убийство влекло за собой *кесос* — право кровной мести. Избрание мусульманами в качестве наказания для христианских мучеников именно кетла должно было, вероятно, послужить к их вящему унижению и поношению⁴⁸.

«Во избежание ревнителей подвигам святого мученика, — повествует далее житие святого, — и чтобы пример обращения Константина в христи-

⁴⁸ Это косвенно подтверждает и эпизод из мученичества святого Феодора Нового. Когда один из мучителей святого в ярости выхватил пистолет, намереваясь убить его, другой остановил его, сказав: «Нельзя его *так* убивать». И в тот же день святого Феодора повесили.

анскую веру не подействовал на других, а также чтобы и христиане не стали хвастаться, что имеют святые мощи мученика, обратившегося из магометан, турки не позволили никому взять его тело, считая для себя стыдом, что бывший их единоверец будет почитаться христианской Церковью, и похоронили его тайно на мусульманском кладбище».

Присланный из Кавсокаливийского скита монах, собиравший сведения о подвиге святого в Кидонии и прибывший в Стамбул, не смог найти места его захоронения, однако ему удалось выкупить часть одежды, в которой пресветлый мученик был казнен. С ней он и вернулся на Афон, где впоследствии от прикосновения к ней было явлено несколько чудесных исцелений.

Святой мучениче Константине, моли Бога о нас!

Святой Ахмед Калфа (Писец)⁴⁹

Святой Ахмед, также по происхождению турок-мусульманин, жил в Стамбуле за полтора века до святого Константина и, в отличие от него, был человеком знатным и вполне обеспеченным, служил писцом Великого архива и к моменту обращения находился в летах уже весьма зрелых.

Пример святого Ахмеда ясно показывает, как Господь устроит к лучшему даже самое большое зло и несчастье. Что может быть ужаснее для женщины, чем оказаться наложницей, сексуальной рабыней одного из врагов твоей родины? Но Господь, не оставляющий без попечения всех чад

⁴⁹ Житие см.: Новомученики балканские. М., 1999. С. 118–120. Память 3/16 мая.

Своих, Божественным Промыслом и из этого состояния силен привести к лучшему.

В соответствии с законами Османской империи, так как он не имел жены, Ахмед имел русскую наложницу-рабыню и еще одну рабыню из России, старую женщину. Обе эти женщины были очень благочестивы⁵⁰. Старушка ходила по праздникам в церковь и приносила оттуда антидор и святую воду для молодой соотечественницы. И Ахмед вдруг начал замечать, что после этого уста ее наполнялись удивительно благоухающим и прекрасным ароматом. Узнав, что она ничего не ела перед этим, кроме хлеба, благословляемого священником, он заинтересовался и изъявил священнику желание присутствовать на литургии во время службы патриарха и, разумеется, получил такую возможность. По шариату мусульманин волен посещать христианские храмы в любое время (только не для молитвы, конечно).

И вот во время литургии этот мусульманский чиновник вдруг увидел, что, когда патриарх благословлял народ, от трикирия и пальцев его изошли лучи к головам всех христиан, и лишь его собственная голова осталась обделенной. Изумившись такому чуду, Ахмед изъявил желание немедленно креститься, что и было тайно совершено над ним одним из священников.

⁵⁰Святитель Василий Великий в 49-м правиле пишет, что де-вушка-рабыня, вовлеченная против воли в блуд ее господином, свободна от ответственности за этот грех, также и святитель Григорий Чудотворец во 2-м правиле говорит, что если девица проводила жизнь воздержную и была выше всякого подозрения, а затем стала жертвой насилия, то на ней нет греха.

Некоторое время будущий мученик оставался тайным христианином. Это явление имеет свое оправдание и в Писании: *И сказал Нееман: если уже не так, то пусть рабу твоему дадут земли, сколько снесут два лошака, потому что не будет впредь раб твой приносить всесожжения и жертвы другим богам, кроме Господа; только вот в чем да простит Господь раба твоего: когда пойдет господин мой в дом Риммона для поклонения там и опрется на руку мою, и поклонюсь я в доме Риммона, то, за мое поклонение в доме Риммона, да простит Господь раба твоего в случае сем.* И сказал ему (Елисей): *иди с миром. И он отъехал* (4 Цар. 5, 17–19). Из Нового Завета в этой связи можно вспомнить фарисея Никодима⁵¹.

Тайных христиан как среди мусульманских савновников⁵² (в том числе даже мулл), так и среди

⁵¹ Впрочем, следует помнить, что Церковь терпела и терпит это явление как исключение, снисходя к немощи своих чад. Один из современных старцев горы Афон, Паисий Святогорец, четко определяет грань, которая отличает тайное христианство от отступничества: «Такие люди не отступники. Однако с той минуты, как христианина начнут подозревать и скажут ему: «Мы видели, как ты крестишься! Ты христианин», а он ответит: «Нет, я мусульманин», он становится отступником» (*Схимонах Паисий Святогорец*. Слова. М., 2003. Т. 2. С. 246).

⁵² Подобная практика существовала и в Российской империи. Так, например, в конце позапрошлого века даже первый из осетин — генерал русской службы Туганов — вынужден был хранить в тайне свою принадлежность к христианству и лишь после смерти, к удивлению мусульман, был похоронен по чину Православной Церкви. См.: *Гедeon (Докукин), митрополит*. История христианства на Северном Кавказе. С. 171.

простого населения было очень много. На протяжении многих лет они приходили в «мечеть Айа-Суфия» и ежедневно тайно творили христианские молитвословия⁵³. Тайные христиане существуют в странах мусульманского мира и сейчас, так же как существуют и христиане явные, в том числе и обращенцы, подчас несущие годами подвиг исповедничества. Все, о чем мы здесь говорим, до сих пор является реальностью в ряде стран⁵⁴.

Итак, какое-то время святой Ахмед остается тайным христианином. О том, что происходило с ним в этот период, житие не сообщает. Можно с большой долей уверенности предполагать, что его любовь к русской христианке, явившейся причиной его прихода в Церковь, теперь, при единстве веры, стала неизмеримо возвышеннее и чище, и отношения их не могли не перейти в связи с этим на качественно новую ступень. Можно также с не меньшей

⁵³ См.: *Андрюти Н. П.* Криптохристианские тексты // Татьяна день. 1999. № 4 (31). С. 45.

⁵⁴ Статья 306 конституции Мавритании гласит: «Всякому мусульманину, виновному в отступничестве от веры словом или делом, надлежит принести покаяние в течение трех дней, в противном случае он приговаривается к смертной казни как вероотступник, а его имущество подлежит конфискации и передаче в доход государства». В свою очередь, верховный суд Египта вынес решение о признании отвернувшихся от ислама мусульман подпадающими под понятие гражданской смерти. Такой человек теряет все свои гражданские права и полномочия. Он не вправе снимать денежные средства со своих банковских счетов. Убивший его не считается преступником, поскольку его жертва юридически признана «умершей». Законодательство находит реальное выражение в практике: в 1991 году в Иране за обращение в христианство был повешен Хуссейн Судманд. В 2000 году в Йемене был приговорен к смертной казни за то же самое Мухаммед Омер Али Хаджи.

степенью вероятности предполагать, что святой имел за этот период несколько тайных встреч с духовником церкви, где его крестили, для наставления в законе христианском. Вряд ли этих встреч было много, и скорее всего его знания о христианстве ограничивались лишь самым необходимым минимумом. Но его вера имела в основании своем прочный камень опыта истинного богообщения, и при посредстве благодати Божией происходило его духовное *возрастание в мужа совершенна* (Еф. 4, 13). Как сказал один православный татарин, свидетельствуя о собственном опыте, для человека, которого Господь привел чудесами в Церковь, уже не может стоять вопроса о возвращении обратно.

Период тайного христианства Ахмеда продолжался до тех пор, пока однажды во время обеда, на котором присутствовал и святой, вельможи не стали спорить, что превыше всего.

Один сказал, что самое великое дело — иметь мудрость, другой сказал, что это — женщина, третий — что река молока, иначе это не было бы названо в Коране удовольствием для праведных в раю. После всех очередь дошла до Ахмеда — и все взоры устремились к нему. Тогда он неожиданно для всех громко объявил:

— Превыше всего вера христианская.

— Уж не христианин ли ты? — спросил с улыбкой один из сидящих.

— Да, я христианин, — медленно, спокойно и внятно ответил святой, и улыбка сползла с лица вопрошавшего.

В этом поступке святого Ахмеда больше всего пленяет то, что как раз в той ситуации исповеднический

путь не был единственно возможным способом остаться христианином (как, например, в случае со святым Константином). Вполне можно было отшутиться, перевести разговор на другую тему и тому подобное. Но святой услышал в таком именно стечении обстоятельств призыв, обращенный лично к нему. Это очень важно — постоянно слушать и, главное, уметь вовремя услышать в повседневных рутинных событиях призывающий голос Бога. А услышав призыв, ответить на него: «Вот я». Это, по существу, и есть то самое постоянное бодрствование, к которому призывает апостол Петр (см.: 1 Пет. 1, 13; 5, 8).

И святой Ахмед ответил — и пошел до конца и принял мученическую кончину 3 мая 1682 года в местечке под названием Каямбан-Баши.

Святой мучениче Ахмеде, моли Бога о нас!

Святой Омир⁵⁵

Герой нашего следующего рассказа был также по происхождению турок и жил в той же столице Оттоманской империи за сто лет до святого Ахмеда и за 250 до святого Константина.

Вот уже более ста лет владели турки Константинополем. Исчезла великая Византийская империя, осталась грекам лишь святая православная вера да один залог спасительности ее на земле — чудо схождения благодатного огня. Это чудо известно с древнейших времен: самые ранние христианские упоминания о нем мы находим в IV веке, нехристианские — с IX (арабские историки Масуди и Бируни).

⁵⁵ Прославлен Иерусалимской Православной Церковью. Память 19 апреля / 2 мая.

Это чудо совершенно просто и в то же время совершенно необъяснимо законами природы, неподвластность которым и характерна для всякого чуда: из года в год, из века в век каждую Великую субботу от Гроба Господня в Иерусалиме в руки православного патриарха сходит необычный огонь, который патриарх на свечах передает молящимся в храме. Огонь этот обладает особыми свойствами: первые несколько минут после схождения он совершенно не обжигает даже ткань и волосы. После этих нескольких минут пламя приобретает свойства обычного огня. Благодатный огонь — это чудо тихой радости всего православного мира, явственный знак от Господа, что Он — с нами.

Но однажды, в правление султана Мурада Правдивого, в 1579 году армяне-монофизиты подкупили иерусалимского пашу, чтобы он позволил им одним быть в храме Воскресения Христова в Великую субботу. Паша позволил. Православные не были допущены внутрь храма и вместе с патриархом Софронием IV стояли на площади, перед закрытыми воротами храма, молясь со слезами и сокрушенным сердцем и смиренно надеясь принять благодатный огонь хотя бы из рук еретиков-монофизитов.

За всем этим наблюдали янычары, расставленные всюду в большом количестве для предотвращения возможных беспорядков. Рядом с храмом Гроба Господня стоит здание примерно той же высоты. На веранде верхнего этажа этого здания нес сторожевую службу турецкий офицер Омир со своими солдатами.

Тот апрельский день был чистым и ясным. Текли часы. Уже давно прошло время, когда обычно сходит благодать, но в этот раз ее все не было. Армяне долго ожидали чуда, тщетно католикос усердно молился перед Гробом — божественный огонь не сходил. Вдруг раздался громовой удар. Одна из мраморных колонн храма треснула, и из этой трещины брызнул огонь. Православный патриарх, молившийся перед храмом, встал и зажег свои свечи, а от него получили благодатный огонь все православные и все пришедшие в храм.

Все обрадовались, а православные арабы от радости стали прыгать и кричать: «Ты единый Бог наш, Иисус Христос! Одна наша вера истинная — вера православных христиан!». Они бежали по всему Иерусалиму, поднимая шум и крик. Турецкие воины, стоявшие на страже и видевшие это чудо, удивились и ужаснулись. Все пришли в замешательство. В этот момент Омир громко воскликнул: «Велика православная вера, и я — христианин!». В один миг исказились злобой лица сослуживцев и подчиненных, они бросились на него, но Омир смело спрыгнул вниз к христианам с высоты более десяти метров. Удивительное бесстрашие, свойственное всем мученикам и исповедникам Христовым, — свидетельство истинного уверения, *ибо дает Бог* уверовавшим *духа не боязни, но силы и любви* (ср.: 2 Тим. 1, 7).

Приземлившись, Омир чудесным образом остался невредим. Уже внизу соплеменники схватили его и без долгих рассуждений отсекли ему голову, опасаясь, чтобы его примеру не последо-

вали другие; и тело святого мученика, крестившегося в своей крови, сожгли тут же, на площади перед храмом.

Православные собрали пепел и кости святого Омира, положили их в раку и поставили в женском монастыре Введения во храм Пресвятой Богородицы, где они и находятся до сего дня, источая дивное благоухание⁵⁶.

Рассеченная же мраморная колонна храма с оплавленными краями стоит так и до сего дня на всеобщее обозрение как явственный знак силы Божией, являемой единой вере истинной — православной.

Святой мучениче Омире, моли Бога о нас!

Святой Иоанн Албанский⁵⁷

Современник святого Константина Агарянина — новомученик Христов Иоанн жил в начале XIX века и был родом из места Коница в Албании, входившей в то время в Османскую империю. Был рожден от мусульманских родителей-албанцев и воспитан как мусульманин. Его отец был шейхом — духовным наставником общины суфиев (мусульманских мистиков и аскетов).

Когда будущий мученик достиг двадцатилетнего возраста, он тоже вступил в орден суфиев. В городе Врахори в Этолии пашой был друг его отца — Хазнатар Юсуф Арав, туда и направился

⁵⁶ *Хури Фози*. Встреча Воскресения Христова на Востоке // Московские ведомости. 1910. № 89. С. 5.

⁵⁷ Основные сведения взяты: *Vaporis N. M.* Witnesses for Christ: Orthodox Christian Neomartyrs of the Ottoman Period, 1437–1860. N. Y., 2000. P. 288–290. Прославлен Сербской и Элладской Православными Церквами. Память 23 сентября / 6 октября.

молодой суфий, и здесь, в резиденции паши, он был любезно принят. За сравнительно короткое время Иоанн прошел большую часть духовных ступеней мистического совершенства, установленных в суфийском движении.

Однако случилось так, что ему пришлось участвовать в войне с Россией, в боевых действиях в области Ионических островов. Именно на войне он познакомился с Православием и домой вернулся уже твердо уверенным в истине Христовой веры и отказавшимся от ислама и суфизма. Так как никто не желал его крестить из-за страха перед турками, он отправился на соседние острова, где принял Крещение с именем Иоанн.

Вернувшись на материк, он поселился в православном селе, женился на православной девушке и состоял в отряде самообороны от мусульманских разбойников. Отец, узнав об этом, послал к нему двух суфиев, чтобы они вернули его в ислам, но те потерпели неудачу — Иоанн остался преданным вере православных христиан.

— Не думайте, что я захочу быть снова слепым,— ответил он им.

Тогда некоторые донесли на святого Иоанна. Он был арестован и приведен в турецкий суд. Перед судьей (это был уже преемник Хазнатары) святой мученик продолжал искренне исповедовать истинную веру, претерпевал пытки и избиения, пока не был обезглавлен 23 сентября 1814 года.

Перед смертью святой Иоанн воскликнул:

— Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!
Святой мучениче Иоанне, моли Бога о нас!

Святой Абу Тбилисский⁵⁸

Из Османской империи перенесемся в мир Арабского халифата, ко временам арабо-византийского противостояния — совершенно иной эпохе развития и становления мусульманской культуры.

Герой следующего рассказа носил довольно распространённое среди мусульман имя Абу. Уроженец Багдада, незадолго до того ставшего столицей халифата, благородный араб, принадлежавший к свободному сословию, он был искренне верующим мусульманином и, как повествует житие, «отличным знатоком магометанских книг». Жил он в VIII веке, то есть за тысячу лет до святого Константина Агарянина.

Абу был хорошим составителем благовонных мастей. Житие не сообщает, что именно подвигло его поехать около 775 года в далекую Грузию (Тбилисский эмират), входившую тогда в халифат, вместе с только что освобожденным правителем Картли Нерсесом в качестве одного из его сопровождающих. Скорее всего этот порыв — дань его молодости. Произошло это, вероятнее всего, при одном из первых халифов недавно пришедшей к власти династии Аббасидов — халифе ал-Махди (775–785), известном своими гонениями на манихеев. Вообще же, надо сказать, конец VIII века — время, на которое приходилась жизнь святого Абу, — был временем зенита Арабского халифата и расцвета арабской литературы.

⁵⁸ В грузинской транскрипции — Або. Житие см.: Полные жизнеописания святых Грузинской Церкви: В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 164–175. Память 8/21 января. Датировка по: *Никитин В. А.* Або Тбилисский // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 45.

По прибытии в Грузию Абу, как сообщает автор жития, еще будучи мусульманином, «заслужил любовь и уважение всего народа». По-видимому, молодой араб был человеком аналитического склада мышления, склонным к наукам. «Не терпя праздности», как сказано в житии, он осваивает грузинский язык и приступает к серьезному и основательному изучению Ветхого и Нового Завета и христианства в целом. Он посещает богослужение, вникая в его смысл, беседует с образованными христианами, размышляет над сопоставлением учений христианства и ислама. Все это постепенно приводит его к тому, что в нем созревает решение принять христианство как единственно истинную религию. Для нас очень важно, что в его обращении равно участвуют сердце и разум.

Здесь не может не прийти на память принявший несколько лет назад Крещение известный в Казахстане исламский богослов имам Ак-Бекет. Он объяснял свой поступок собственным духовным ростом, утверждая, что укрепился в следующей мысли: только через христианство может произойти воссоединение человека с Богом, тогда как ислам — скорее культура, чем религия. Возможно, что такое же осознание духовной узости ислама по сравнению с христианством послужило причиной и для святого Абу.

До поры до времени Абу, как и святой Ахмед Калфа, не объявляет себя христианином. В это время меняются политические обстоятельства, и вновь сверженный (по-видимому, уже халифом ар-Рашидом) Нерсес с тремястами приближенных уходит из Картли, проходит Осетию и оста-

навливается у хазар. Видя, что в Хазарском каганате он в безопасности от мусульман, Абу принимает Таинство Крещения. Происходит это спустя шесть лет после его прибытия в Тбилиси. Это немалый срок; он лишний раз свидетельствует о том, что столь важный в религиозной жизни шаг был сделан осознанно.

По прошествии некоторого времени беженцы отправляются в православную Абхазию, бывшую в то время частью Византийской империи. Новообратившийся христианин проводит строгую подвижническую жизнь. Известно, что перед праздником святой Пасхи он провел три месяца в безмолвии и посте. Весть о необычном спутнике Нерсеса разлетается быстро. Им заинтересовывается даже властитель Абхазии и вызывает к себе для беседы о христианской вере, которой оба остаются довольны.

Проходит время, и в Картли властителем назначается Стефан, племянник Нерсеса, которому через некоторое время удастся испросить у халифа для своего дяди, бежавшего со святым Абу в Абхазию, позволения вернуться. Нерсес возвращается в Грузию. Перед этим властитель Абхазии предлагает святому Абу остаться, говоря:

— Ты был мусульманином, и потому тебя не оставят в покое. Я опасюсь, как бы тебя волею или неволею не отвратили от христианской веры и не погубили стольких трудов твоих.

— Не оставляй меня здесь,— отвечает святой,— ибо что за радость мне быть там, где нет даже опасности умереть за имя Господа Иисуса Христа? Почему же я должен скрыть истинный

свет, которым просветил меня Христос? Никуда я не скроюсь от смерти, да я и не боюсь ее.

И вместе с Нерсесом святой возвращается в Тбилиси. Три года он открыто исповедует Христа. Ежедневно после богослужения Абу отправлялся в арабские кварталы, неся Благоую Весть своим соплеменникам. Три года никто не осмеливается причинить ему зла: оппоненты ограничиваются словопрениями. Однако неприязнь по отношению к «отступнику» среди влиятельных мусульман неуклонно растет.

Так продолжается до декабря 785 года, когда святого первый раз арестовывают и бросают в темницу. Через несколько дней по ходатайству правителя Стефана его отпускают. Вероятно, этот первый арест был связан не с отходом от «отеческой веры» арестованного, а с попытками обращения в христианство других мусульман. Как явствует из дальнейшего, тбилисский кадий поначалу воспринимал Абу как прирожденного христианина, который просто ведет противозаконную прозелитическую деятельность среди мусульман. В противном случае даже ходатайство Стефана не смогло бы принести ему столь скорого освобождения.

Однако святой недолго находился на свободе. Недоброжелатели доносят кадию, что Абу был рожден мусульманином и уже позже перешел в христианство, и на этом основании требуют его повторного ареста и «всевозможных пыток» с целью принудить его к возвращению в ислам. Узнав об этом доносе, некоторые христиане заблаговременно являлись к святому и предлагают спастись бегством, на что святой им спокойно отвечает:

— Я готов за Христа не только на мучения, но и на смерть,— и с радостным лицом выходит на улицу, навстречу присланному за ним от судьи наряду.

Его приводят к судье. Судья спрашивает:

— Что это я слышу о тебе, Абу? Говорят, что ты, будучи рожден в исламе, оставил правую веру и прельщен христианами? Образумься! Молись так, как научили тебя твои родители-мусульмане.

— Правду сказал ты: я действительно родился от мусульман и воспитан своими родителями в законе мусульманском, но веру эту я исповедовал до того только времени, пока не узнал христианского закона. Когда же Богу было благоугодно ввести меня в Царство Христа Иисуса, Сына Своего и Бога моего, тогда оставил я закон Мухаммедов, выдуманный людьми, и, последовав Богу истинному, принял дарованную христианам веру. Я крещен и поклоняюсь Христу и не скрываю, что я христианин.

Прославленный в лике святых Армянской Церковью мученик Иосиф Двинский (по происхождению перс, до Крещения — Абу Бакр, забит до смерти в 1170 году) на аналогичный укор в том, что оставил родную веру, ответил замечательными словами: «Я не сбивался с пути и не оставлял родной веры, а, наоборот, избавился от заблуждения и обрел родную веру, которой был лишен»⁵⁹. Без сомнения, святой Абу был движим тем же чувством и сознанием.

⁵⁹ Армянские жития и мученичества V–XVII вв. Ереван, 1994. С. 333.

Далее всё по известной схеме: судья прельщает его щедрыми денежными вознаграждениями и хорошими карьерными возможностями, святой отвергает их, его заковывают в кандалы и снова бросают в темницу.

На протяжении всего своего мученичества святой Абу являет удивительный пример высокой церковности. Оказавшись в темнице, блаженный мученик при первой же возможности через друзей на воле продает свое имущество и на вырученные деньги кормит своих голодных и неимущих сокамерников, сам непрерывно пребывая в посте. На часть денег он просит купить ладан и свечи и раздать их по церквям с просьбой молитв за него. В день казни святой просит возможности причаститься, и в третьем часу дня его навещает священник и причащает Святых Таин. Текут минуты... Неминуемо приближается час подвига. Вот за Абу приходят и заковывают его в цепи, чтобы вести на казнь. Святой обращается к бывшим с ним христианам, прося их молитв. Это было 6 января 786 года.

Вот его, скованного, тащат по городу. Выходя на улицы, по обеим сторонам дороги христиане провожают его, и многие не могут сдержать слез. Этот инородец, по сути дела оккупант, ради Христа отваживается на то, на что у многих из них — рожденных христианами — нет ни воли, ни любви. Один глубоко верующий грузин в беседе о подвиге святого привел такое сравнение: «Это все равно как если бы сегодня на виду секуляризированной, погрязшей во грехах Москвы принял смерть за Христа чеченец».

Видя слезы христиан, святой Абу утешает их:

— Не плачьте о мне, но радуйтесь, потому что я иду ко Господу моему. Помолитесь о мне, и мир Господень да будет с вами.

Вот его привели к судье. Судья спрашивает в последний раз:

— На что ты решился?

Сердцем веруя к праведности, а устами исповедуя ко спасению (ср.: Рим. 10, 10), Абу отвечает:

— Я христианин и надеюсь остаться им навсегда.

— Так ты не оставил еще своего юродства и безумия?

— Если бы я находился в неведении и безумии, то не удостоился бы стать христианином.

— Разве ты не понимаешь, что эти слова обрекают тебя?

— Если и умру, верую, что жив буду со Христом. Ты же не медли исполнить то, что хочешь.

— Какую же ты получаешь сладость от Христа, что не щадишь своей жизни?

— Если хочешь узнать эту сладость — уверуй во Христа и крестись.

Придя от этих слов в ярость, судья приказывает вывести Абу и отрубить ему голову. Святого выводят во двор. Стоит плаха, готов палач. С него снимают цепи. С позволения палача святой творит краткую благодарственную молитву ко Святой Троице, а затем сам кладет голову на плаху, заведя руки за спину. Палач взмахивает рукой; сверкнув, меч опускается, и святой чувствует, как он с силой ударяет в шею и останавливается, — палач ударил тупой стороной меча, надеясь, что страх заставит

святого отречься от Христа. Но напрасно палач силится возбудить в святом то, чего в нем уже не осталось: ***В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх*** (1 Ин. 4, 18). Мученик безмолвен. Меч опускается еще раз, и снова тупой стороной. То же и в третий раз. Наконец с четвертого раза палач наносит удар острием...

После казни тело святого под надежной охраной вывозят на городское кладбище и сжигают. Никому из христиан не было дозволено присутствовать при этом. Таким образом мусульманские власти пытались воспрепятствовать дальнейшему прославлению его как святого и почитанию его честных мощей. Однако, несмотря на запрет, множество христиан устремились на место сожжения, и примечательно, что первыми, кто пришел, были старики и дети. Затем их примеру последовали остальные.

«Когда день, в который был усечен мечом святой, окончился и наступил первый час ночи, над тем местом, где сожгли тело мученика Христова, появилась звезда, сияющая, как лампада. Она стояла в воздухе до трех часов ночи и дольше. В первую ночь звезда эта издавала свет, походящий на блистание молнии.

Сам судья и весь народ, христиане и мусульмане, видели знамение Божие своими глазами, и некоторые из слуг судьи даже ходили на то место, чтобы посмотреть на необыкновенное сияние. Они думали, что там на землю поставлена зажженная свеча. Но, подойдя, увидели сияющее тело, похожее на звезду, стоящее в воздухе, и не могли приблизиться к тому месту, будучи одержимы страхом» — так

свидетельствует современник святого Иоанн Сабанидзе, составивший его житие.

Впоследствии на месте сожжения тела мученика Абу была воздвигнута часовня, но при советской власти, в 1939 году, она была уничтожена. Память святого была предана поруганию; были гонимы и уничтожаемы миллионы православных. Более полувека святое место пребывало в запустении, пока недавно, по милости Божией, не началось восстановление часовни.

Ныне святой Абу почитается небесным покровителем города Тбилиси.

Святой мучениче Абу, моли Бога о нас!

Святой Варвар (бывший разбойник)⁶⁰

Сведений об этом святом столь мало, что неизвестно даже его настоящее имя⁶¹. Родился он в конце VIII века, а жил в первой половине IX, то есть являлся младшим современником святого Абу. По происхождению он был также араб, рожденный и воспитанный в мусульманской семье в Северной Африке.

От святых Константина, Ахмеда и Абу его отличает одно очень существенное обстоятельство: он

⁶⁰ Основные сведения почерпнуты из книги: *Сергий (Спаский), архиепископ. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 3. Память 6/19 мая. Святитель Димитрий Ростовский приводит несколько другую версию жития святого Варвара, начинающуюся уже с момента его обращения в Православие и опускающую предысторию. Мы вслед за отцом Иоанном Мейендорфом придерживаемся древнейшего изложения, принадлежащего Константину Акрополиту.*

⁶¹ Высокопреосвященный Сергий высказывает предположение, что в Крещении он получил имя Тарасий.

был солдатом мусульманской армии и в 828 году принимал участие в походе на Никополь при Михаиле II (820–829). Он воевал с христианами и убивал христиан.

Здесь следует напомнить, что для мусульман (и особенно мусульман той эпохи) такая война — не просто война и такой воин — не просто воин. Смерть во время джихада — это, по точному определению Меца, «единственное таинство ислама», открывающее мусульманину гарантированный путь в рай. Религиозный пыл таких воинов был очень высок, и если мусульманская вера святого Варвара и не была столь рациональна и богословски осмысленна и укорененна, как вера святого Абу, то по накалу горения она нисколько не уступала ей, а скорее всего и превосходила, что тем более можно с уверенностью сказать в отношении мусульманского периода жизни святых Константина и Ахмеда, ислам которых был скорее данью традиции. Для того, чтобы обратился такой «воин ислама», должно было произойти что-то поистине необычайное.

В связи с этим вспоминается случай, происшедший с неким старым мусульманином, о котором рассказывал один священник. Этот мусульманин был достаточно ревностен в делах своей веры и всю жизнь враждебно относился к Православию. Будучи не последним человеком в местном управлении, при советской власти он использовал любой повод, чтобы притеснить Церковь. И вот уже в 90-х годах, будучи весьма преклонного возраста и болея той болезнью, от которой ему уже не суждено было поправиться, этот мусульманин неожиданно для

всех изъявил сильное желание принять Таинство Крещения. Рассказчику как раз и довелось совершать над ним это Таинство. Старик совершенно сознательно принес покаяние, отрекся от ислама по чину присоединения магометан и принял православное Крещение. Вскоре он умер. Что подвигло его на столь неожиданный шаг — осталось загадкой. Священнику он этого не рассказал. Его сыновья, не менее ревностные мусульмане, хотя и с явным неудовольствием, тем не менее, не решаясь нарушить последнюю волю отца, позволили похоронить его по-христиански. Вспомнилось это именно как пример того, что обращение к Богу — это всегда таинство, тайна двух личностей — человека и Бога, и третьему не дано ни угадать, ни постичь в полной мере, что же послужило причиной и что составило сущность этого события.

Однако до таинства обращения святого Варвара было еще очень далеко. Под Драгоместом мусульманская армия потерпела поражение и многие погибли. Один из солдат избежал смерти, спрятавшись в винограднике. Когда он решился выйти из укрытия, отступающая армия, по-видимому, ушла уже очень далеко. Он остался один на вражеской территории и занялся тем, что его современники называли разбоем, а мы сейчас назвали бы партизанской войной.

Перемещаясь с места на место, он грабит и убивает одиноких путников-христиан, не вступая в контакт ни с кем из местных жителей и терроризируя всю округу. Так продолжается какое-то время. То, что его фанатичный пыл несколько не угас, доказывает событие, которое в конечном

итоге и послужило его обращению. Пребывая в этолийских пределах, Варвар заходит в один из храмов — церковь святого Георгия, намереваясь убить священника.

Идет литургия. Служит священник именем Иоанн, родом из Никополя. Варвар стоит в храме и ждет окончания службы. Казалось бы, какое сходство со случаем святого Ахмеда! Но внешнее сходство только еще больше оттеняет внутреннее различие этих двух мусульман, стоящих за христианской литургией. Их психические состояния в этот момент диаметрально противоположны, цели различны. Ахмед — высокопоставленный чиновник государства, где христианство является «покровительствуемой религией», заходит в храм — да не какой-нибудь, а самый главный, на службу самого патриарха — с высокомерным равнодушно-пренебрежительным любопытством. Варвар же — одинокий воин Аллаха в глубоком тылу противника с безысходной ненавистью загнанного в угол зверя заходит в сельский храм, намереваясь убить священника. Первый ни в коем случае не предрасположен к обращению, второй — и того менее. Что же случается? И в том и в другом случае происходит чудо. Даже не то чтобы собственно какое-то специальное чудо, просто им обоим на мгновение приоткрывается духовное измерение литургии, то измерение, которое присутствует на каждом богослужении, но обычно сокрыто от чувственных взоров. И то, что оба находят в себе силы признать чудо как чудо, характеризует их как людей, прежде всего честных пред Богом...

Однако вернемся к житию. Идет литургия. Варвар ждет окончания службы, чтобы без свидетелей совершить задуманное. И вдруг неожиданно он видит Ангелов, во всем блеске своего величия сослужащих иерею Божию, которого он намеревается убить. В изумлении и страхе разбойник падает на колени и, дождавшись окончания богослужения, приносит покаяние и просит сподобить его Таинства Крещения. Отец Иоанн исполняет его просьбу.

Став христианином, святой уединяется в горах и проводит там несколько лет, предаваясь посту и молитве и избегая общения с местными жителями. Среди святых, обратившихся из ислама, нет, наверное, никого, кто в своей дохристианской жизни столько согрешил бы против христиан, сколько святой Варвар. Но нет среди них и никого, кто сравнился бы с ним по величию подъятого подвига покаяния. В качестве епитимии святой заковывает в цепи свою шею, руки и ноги. «В таком виде он пребывает в горах в подвигах покаяния, питаясь растениями, претерпевая зной и мороз среди всяких опасностей, ходя или ползая по-звериному». Как и апостол Павел спустя уже много лет переживал свое одобрение убийства святого первомученика Стефана, так и святой Варвар, по-видимому, не менее переживал христианскую кровь, которая была на нем.

Во время столь великих подвигов у святого все больше и больше разгоралось желание исповедать Христа не только своей жизнью, но и смертью. Но как достичь этого в тех условиях? Ведь Варвар — почти единственный из всех упоминаемых здесь

святых, обратившихся из ислама, кому не пришлось свидетельствовать о своей вере на мусульманском суде. Он жил среди христиан. Тем не менее обстоятельства кончины святого Варвара странным образом указывают на то, что его желание пролить свою кровь за Христа было услышано.

Однажды поздно вечером никопольские охотники, остановившиеся на ночлег, по ошибке приняв издали за зверя пробиравшегося на четвереньках в высокой траве святого, выстрелили в него из лука. Святой совершенно мирно и покойно встречает кончину. Он прощает своих нечаянных убийц, оплакивающих свою ошибку.

Позже его духовный отец опознал святого Варвара, его мощи были перенесены в храм и через некоторое время стали обильно источать благовонное миро, от которого совершались многочисленные исцеления. Маленькая дочь составителя жития святого, Константина Акрополита, была исцелена от тяжелой болезни чрез помазание миром от святого Варвара, в благодарность за что Константин и составил свое «Слово на святого Варвара». Ныне мощи святого почивают в обители горы Келлии, что на севере Греции.

Святой отче Варваре, моли Бога о нас!

Святой Антоний-Равах Дамасский⁶²

Во времена святого Абу Тбилисского в городе Дамаске жил другой мусульманин, также выходец из знатной арабской семьи — Равах. Однако, в

⁶² Основные сведения почерпнуты: Storia di Rawah al-Qurasi. Torino, 2001; Панченко К. А. Антоний-Равах // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 675. Память 6/19 января.

отличие от Абу, Равах не был столь благожелательно настроен к христианам; как раз напротив, он отличался особой ненавистью к ним.

Равох принадлежал к арабскому племени курайш, к тому самому, к которому принадлежал и Мухаммед. В Дамаске он жил в месте, называемом Найраб, около монастыря святого мученика Феодора.

С ним также случилось нечто подобное, что и со святым из предыдущего рассказа. Зайдя как-то раз в церковь святого Феодора, дабы поглумиться над христианскими Таинами, и став у иконы святого Феодора Тирона, он вдруг увидел белого Агнца, закалаемого священником на престоле, и сияющего голубя, сходящего на Агнца. Увиденное поразило его, и, дождавшись конца службы, он поспешил к священнику. Священник показал ему святой потир с частицами Святых Таин под видом хлеба и вина и объяснил, что Агнца видел лишь он один, все другие видели хлеб и вино. И Равах сказал себе: «Слава Богу! Религия христиан выше нашей религии!».

Чудеса, видимые одним человеком и недоступные для стоящих рядом, совершенно естественно воспринимаются им как обращение именно к нему. И человек отвечает, также обращаясь к ним, а через них — к их Причине. Но обращение к чему-либо влечет за собой отвращение от того, к чему обращен был ранее, ибо *никто не может служить двум господам* (Мф. 6, 24).

Так поступили святой Ахмед и святой Варвар, так поступил и Равах. Изумленный Равах изъявил после службы желание стать христианином

и быть сопричастником сего Таинства, но священник отказался его крестить и сказал:

— Если действительно хочешь сподобиться святого Крещения, иди в Иерусалим, к патриарху, может, он тебя крестит.

Так Равах и поступил. На следующее же утро, оставив родительский дом, он отправился в дорогу. Долог путь из Дамаска в Иерусалим, нелегко было добиться встречи с патриархом, тяжелее же всего было и здесь услышать отказ. Патриарх Илия († 797) из страха перед мусульманами не решился крестить пришедшего араба, однако, уступая его усиленным просьбам, отправил его в пустыню у Мертвого моря, к старцам-отшельникам.

Старцы же, во исполнение святительского благословения, крестили Раваху в водах Иордана, на том месте, где и Господь наш принял Крещение от Иоанна Крестителя, и дали ему имя Антоний. С ними он и остался, научаясь истинам Христовой веры через живое общение с духоносцами и истинными друзьями Христовыми, через такую аскетическую дисциплину, как старчество. Суть ее состоит в том, что старец передает свой духовный опыт не столько в слове назидания, сколько своим личным примером, который раскрывается в его общении с учеником. И тогда духовное воспитание оказывается простым и естественным путем христианской жизни⁶³. Такое-то совершенное наставление получил святой Антоний-Раваш, про-

⁶³ См.: *Максимов Ю. В.* Новая книга о старчестве // Альфа и Омега. 1999. № 4 (22). С. 332. Такое понимание старчества выражает монахиня Игнатия (Петровская), духовная дочь преподобномученика Игнатия Московского (Лебедева).

водя жизнь внимательную в телесных и духовных подвигах, не принимая, впрочем, равноангельского образа жития — монашества. Более шести лет провел он со старцами в пустыне, пока наконец не испросил у них благословения проповедовать христианство своим соплеменникам.

Хочется здесь заметить, что все мученики, жизнеописания которых приводятся в этой книге, были настроены на полноценную и плодотворную земную жизнь. Они не боялись свидетельствовать о Христе перед лицом смерти, почитали это за счастье, но вместе с тем никогда не провоцировали своего исповедничества.

Не может укрыться город, стоящий на верху горы (Мф. 5, 14), так и святые не могли стерпеть того, что столькие их соплеменники и сродники остаются в погибельном неведении света Христовой любви. Ведомые этой любовью к ближним своим по плоти, они рисковали своей земной жизнью ради блаженства вечной жизни своих единоплеменников. О том и сказаны были слова возлюбившего их и возлюбленного ими Господа: ***Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*** (Ин. 15, 13).

Итак, Антоний-Равах, взяв у старцев благословение, вернулся в свой родной город Дамаск проповедовать ту веру, которую он здесь столь часто унижал. Явившись к родным, он сразу же прямо сказал им:

— Я стал христианином, верую в Господа моего Иисуса Христа.

Какое-то время они позволяли ему оставаться дома, надеясь, что это увлечение пройдет. Слух

же о Равахе распространился быстро. Пользуясь этим, святой Антоний ходил по городу, и, когда спрашивали его мусульмане и немусульмане, действительно ли он стал христианином, он отвечал «да» и рассказывал почему.

Довольно скоро он был схвачен во время одной из своих проповедей курайшитами и другими арабами и брошен в тюрьму. В течение нескольких месяцев мусульмане пытались, чередуя угрозы с побоями, заставить его вернуться в ислам, но безуспешно. Наконец Антоний-Равах был доставлен для допроса в город Ракка (бывший Каллиник) к самому халифу Харуну ар-Рашиду (786–809). Это было 25 декабря 799 года. Перед халифом мученик тотчас же засвидетельствовал:

— Я христианин и верую в Отца, Сына и Святого Духа.

Их беседа вылилась в жаркий диспут о вере, во время которого халиф, не будучи в силах ответить на доводы святого Антония, придя в ярость, повелел отрубить мученику голову, что и было немедленно исполнено⁶⁴.

Святой мучениче Антоние-Равахе, моли Бога о нас!

⁶⁴ Случай со святым Антонием очень быстро стал известным. Его современник, епископ Феодор Абу Курра († 830), известный богослов и полемист против ислама, писал в своей «Книге о иконах»: «В наше время жил один хорошо известный мученик. Он был родом из знатной мусульманской семьи, и многие знают о его истории. Пусть вспомнит он о нас в молитвах ко Христу! Звали его Антоний. Он рассказывал, что стал христианином из-за чуда, которое видел от иконы святого мученика Феодора» (*Griffitz S. H. A treatise on the veneration of the holy icons written in arabic by Theodore Abu Qurrah, Bishop of Harran. Peeters, 1997*).

Преподобномученик Христофор Савваит⁶⁵

О преподобномученике Христофоре известно очень немного. Он был мусульманином, вероятно арабом, и жил в Палестине в конце VIII века. Какова была причина, подвигшая его к принятию христианства, неизвестно. В Крещении он получил замечательное имя — Христофор, «христонсец», отражающее, по-видимому, главную причину обращения его в христианство — любовь ко Христу.

Оставив ислам, святой Христофор отправился в знаменитую лавру святого Саввы. Здесь он совершенно отрекся от мирской жизни и принял иноческий постриг. Однако недолго подвизался он в числе братии. О нем проводали мусульманские власти, забрали его из монастыря и отправили на суд сначала к эмиру, а затем к халифу. Несмотря на уговоры, посулы и угрозы, он, горя в сердце любовью Христовой, отказался отречься от христианства и принял мученическую кончину — был обезглавлен 14 апреля 789 года.

Святой преподобномучениче Христофоре, моли Бога о нас!

Святой Авраамий Болгарский⁶⁶

Из Арабского халифата VIII–IX веков перенесемся в другую эпоху и другой край мусульманского мира — там, где он соприкасался с православной

⁶⁵ Основные сведения почерпнуты: *Лопарев Х. М.* Греческие жития святых VIII–IX вв. С. 388–389. Память 14/27 апреля.

⁶⁶ Основные сведения почерпнуты: *Жития русских святых.* М., 1992. Т. 1; см. также: *Колчурицкий Н. Ю.* Путь из Москвы в Дивеево // Воскресная школа. 2001. № 17. Память мученика 1/14 апреля.

Русью XIII–XVI столетий, и поговорим о делах, свидетелями которых были уже наши предки.

Неспокойным соседом Древней Руси была Волжская Булгария, государство народов Среднего Поволжья и Прикамья, сформировавшееся в X веке, официальной религией которой являлся ислам. Волжская Булгария находилась на торговых путях, связывающих Европу с Востоком, что придавало ей особое значение торговой державы — она активно торговала с Арабским халифатом, Византией, Русью. Ее города превратились в крупные торговые и ремесленные центры, булгары славились как купцы.

Об одном из них и пойдет речь.

Этот богатый и знатный купец жил в конце XII — начале XIII века в столице Волжской Булгарии — Болгаре Великом — и отличался необычайным милосердием. «Имеяше имение много, нищия питаше, алчущия и жаждущия напаяше, нагия одеваше, больныя посещаше и вся скудные всякими потребы удовляше» — так свидетельствует о его образе жизни летопись.

Казалось бы, занятие торговлей, как сугубо мирское дело, не предрасполагает к духовным исканиям, а хорошее материальное положение надежно охраняет от всего, что может пошатнуть его устои. Тем не менее за милостыни сего мусульманина Господь просветил его светом истинной веры. Самостоятельно разочаровавшись в исламе, он просит своих друзей — русских купцов крестить его, и те выполняют его просьбу. Так наш святой становится христианином и получает но-

вое имя, с которым и записан он на страницах книги жизни,— Авраамий.

По Крещении святой ради аскетических подвигов надевает на себя железные вериги. Он не только лично исповедует, он, как подчеркнуто в житии, проповедует христианство своим соплеменникам. В отличие от святого Ахмеда и святого Абу, Авраамий не проходит периода тайного христианства, что является свидетельством силы его духа и пламенной искренности его обращения. Он не оставляет своей профессии, но использует ее для проповеди Слова Божия и подаяния милостыни бедным. Душа его, горевшая любовью к Богу и к ближнему, не могла спокойно видеть духовную гибель соплеменников, и как-то раз он прямо на городской базарной площади стал призывать их обратиться к истинному Богу — Христу, разоблачая и опровергая обманы магометанского лжеверия.

Слова знатного и богатого гражданина сначала вызвали недоумение у слушавших. Затем последовали увещевания, уговоры, далее — угрозы, за которыми уже пошли и побои. Били «всем миром», били так жестоко, что на теле мученика не осталось ни одного неповрежденного места. Пытались заставить его замолчать, отречься от Христа, но было тщетно — в ответ на все это святой, как сказано в летописном повествовании, «проклял Магомета и веру болгарскую». Тогда его отвели за город и недалеко от берега Волги сначала четвертовали, а затем обезглавили. Так 1 апреля 1229 года с исповеданием истинной веры на устах отошел к своему Небесному Возлюбленному этот милосердный и искренний человек Божий.

Русские купцы, бывшие тому свидетелями, взяли тело своего друга и погребли его на христианском кладбище. При гробе очень скоро начались знамения, и Авраамия стали почитать как святого. Неполный год спустя, 9 марта 1230 года, честные мощи уже были выкуплены у болгар и перенесены во Владимир. Навстречу вышли святой благоверный князь Георгий с домочадцами, епископ с духовенством и весь народ. Честные мощи святого мученика Христова Авраамия были положены в Успенском монастыре.

Булгары неоднократно нападали на русские города, что, в свою очередь, вызывало ответные военные походы русских князей; в народном сознании русских булгары были самыми ненавистными врагами и мучителями. И благоговейность, с какой народ встретил мощи святого мученика-булгара, свидетельствует, что для русского человека того времени все национальные, культурные, политические границы и личная неприязнь действительно исчезали во Христе.

Вскоре Господь прославил Своего угодника Авраамия многими чудесами, происходившими по молитвам у его святых мощей. Было замечено, что мученик обладает особой благодатной силой представлять пред Богом о больных детях, сохранились записи об исцелениях слепых. Текст акафиста мученику сообщает о том, что от его святых мощей исходило благоухание, а от его вериг, находившихся, как и его мощи, в Княгининском монастыре, происходили исцеления душевнобольных.

На месте же его казни забил источник чистой воды, от которой также начали совершаться исце-

ления. Видно, что и после смерти святой мученик молитвенно предстательствует за своих соплеменников, как обратившихся ко Христу, так и заблудших: местное предание говорит, что первым человеком, получившим исцеление от этого источника, была мусульманка.

Святой Авраамий — один из тринадцати домонгольских святых Русской Церкви, канонизированных задолго до собора 1547 года⁶⁷, что говорит о том, сколь важным был его подвиг. С XVI века святой Авраамий Болгарский почитается покровителем казанской православной паствы — после завоевания Казанского царства Иоанном Грозным недалеко от места страданий мученика Авраамия был поставлен храм, где покоилась часть его святых мощей (кисть правой руки). На самом же месте мученической кончины святого Авраамия, над целебным источником, был сооружен колодец, а рядом с ним — памятник-часовня в виде четырехгранного столба, на каждой стороне которого помещена была икона.

В 1919 году мощи святого мученика подверглись освидетельствованию. В 1923 году Успенский монастырь был закрыт, мощи передали в музей. В 1950-х годах они были списаны из музейного хранения и по настоящее время не обреты⁶⁸. Ныне в возобновленном Успенском монастыре хранится уцелевшая частица честных мощей мученика. После литургии ее выносят из

⁶⁷ См.: Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1998. С. 107.

⁶⁸ См.: Журавский А. В., Романова А. А. Авраамий Болгарский // Православная энциклопедия. Т. 1. С. 173.

алтаря, давая возможность богомольцам приложиться к ней.

Богоборческая власть не пощадила памяти святого, и в Болгарах (бывший Болгар Великий) часовня у колодца на месте смерти мученика была разрушена, а сам колодец осквернен.

Милостью Божией осенью 1993 года эта часовня была отстроена заново и освящена; вместе с ней был освящен и колодец, очищенный от мусора, а на дне его было обнаружено два ключа чистой воды. Примечательно, что в самом городе Болгары, находящемся в полутора километрах от источника, вода отсутствует даже на глубине сорока метров.

Память мученика Авраамия свято почитается до настоящего времени не только православными, но и последователями ислама. Удивительный факт: вплоть до настоящего времени паломники-мусульмане, посещающие город Болгары, приезжающие отовсюду и даже из далекой Турции, считают своим долгом посетить источник мученика Авраамия, пострадавшего за веру православную от рук магометан.

Святый отче Авраамие, моли Бога о нас!

Святые Петр и Стефан Казанские⁶⁹

Не прошло и десяти лет после казни святого Авраамия, как монголы в жестоком походе полностью покорили Волжскую Булгарию, после чего она вошла в состав Золотой Орды, сохра-

⁶⁹ Основные сведения почерпнуты: *Филарет, архиепископ Черниговский. Жития святых*. М., 2000. Т. 2. Память 24 марта / 6 апреля.

нив некоторую автономию. В конце XIV века Булгария вместе с Ордой была разгромлена Тамерланом. Самостоятельной осталась только Казань, ставшая столицей Казанского ханства, сами же булгары, слившись с другими народами, уступили место новому этносу — татарам, перенявшим от предков религию ислам.

О двух таких татарах, жителях Казани XVI века, и пойдет далее речь.

Прежде следует вспомнить о том, что собой представляло Казанское ханство в соотношении с Русью. Почти все двести лет своего существования оно совершало регулярные набеги на русские территории, подвергая их разграблению и опустошению. Не оставались в долгу и русские, с меньшей регулярностью, но также время от времени опустошавшие территории ханства. Несколько раз Казань брали, она переходила под контроль Москвы, но всякий раз это продолжалось недолго. Неоднократно совершались жесточайшие русские погромы. Массовые грабежи и убийства русских купцов, приезжавших на ежегодную казанскую ярмарку, стали в XV веке столь обычным делом, что Василию II пришлось специальным указом запретить русским купцам посещать ее, что послужило причиной возникновения знаменитой впоследствии Нижегородской ярмарки.

Что именно собой представляли сами набеги, хорошо проясняет рассказ казанского летописца: «И жгли они великие честные монастыри, святые же церкви оскверняли присутствием своим, ложась в них спать, и, раскалывая секирами честные

святые образа, предавали их огню-всеядцу, а свя-
тые служебные сосуды в посуду простую превра-
щали... и из священнических риз шили себе одеж-
ду, и над монахами чинили надругательство, бес-
честя образ ангельский: засыпали им в сандалии
угли горячие и, обвязав вокруг шеи веревку, за-
ставляли их скакать и плясать, словно приручен-
ных зверей; и стаскивали с молодых красивых
иноков честные ризы и облачали их в мирские
одежды, а затем продавали их, как простых юно-
шей, в далекие варварские земли; и расстригали
молодых инокинь, и насиловали их, и брали их се-
бе в жены, над мирскими же девицами на глазах у
отцов их и матерей, не стыдясь, преступное блуд-
ное дело творили, также и над женами на глазах их
мужей, еще же и над старыми женщинами... и не-
возможно подробно перечислить все преступле-
ния их, ибо все это я видел своими глазами и знаю
то, о чем пишу в горьком этом повествовании.

Православных христиан ежедневно уводили в
плен казанские сарацины и черемиса, старым же,
непригодным для работы, они выкалывали глаза
и обрезали уши, нос и губы, и выдергивали зубы,
и в таком виде бросали их, еле дышащих; иным же
отрубали они руки и ноги, и валялись те люди как
бездушные камни на земле и спустя недолгое вре-
мя умирали... А вот же что они — хуже, чем с теми,
о ком выше шла речь,— делали с младенцами не-
злобивыми: когда те, смеясь и играя, протягивали
к ним любовно руки свои, окаянные те кровопий-
цы, схватив за горло, душили их, и, взяв за ноги,
разбивали о камень и о стену, и, пронзив копьями,
поднимали в воздух...

Приводя к себе в Казань русских пленников, прельщали их и принуждали, мужчин и женщин, принять мусульманскую веру. Многие же неразумные — увы мне! — прельщались... боясь мучений и продажи в рабство. Тех же, кто не хотел принять их веру, они убивали; других же держали связанными, наподобие столбов, и продавали на рынке иноземным купцам... Ибо опасались казанцы русских людей мужского пола и неомусульманенных в большом количестве держать как в Казани, так и во всей Казанской области...»⁷⁰.

Такое состояние перманентной войны с христианами, при фактической моноконфессиональности государства перерождавшееся в почти генетическую ненависть, не было характерно ни для Арабского халифата, где христиане составляли едва ли не большую часть населения, ни даже для более суровой к зиммиям (иноверным подданным) Османской империи.

И следует иметь в виду, что герои нашего повествования если и не принимали непосредственного участия в подобных набегах, то, безусловно, навывкли жить в этих реалиях, что существенно отличает их от прочих описанных здесь святых.

Казанцы были весьма своенравным народом. Так, например, в 1550 году они по своей инициативе выдали собственного муфтия правителю Свияжска как непокорного Московскому царю, и муфтий был казнен. «Крымский» хан Сахыб-Гирей дважды изгонялся казанцами, дважды их же

⁷⁰ Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века М., 1985. С. 367–371.

стараниями покидал Казань и его альтернатива — «московский» хан Ших-Али.

Время от времени на сторону русского князя перебегали недовольные чем-либо у себя казанцы, в иные времена сотнями и тысячами расселяясь по русским землям. Весьма многие из них или их детей принимали Крещение. Происходили подобные случаи и с высшими представителями казанской знати. Так, в 1505 году в христианство перешел родной брат хана Алехама, царевич Худай-Кул, получивший во святом Крещении имя Петр. В русском плену принял Крещение и последний из династии Гиреев — царевич Утемыш-Гирей, с именем Александр.

После взятия Казани татары крестились целыми семействами как во время пребывания царя в городе, так и после. Среди них были и герои следующего рассказа.

Святые Петр и Стефан стоят в святцах вместе, под одним днем, хотя неизвестно даже, знакомы ли они были друг с другом. Они были казанскими татарами, оба приняли Крещение в 1552 году после взятия Казани Иваном Грозным. Мусульманские их имена, так же как и в случае с Константином, нарочно не были сохранены автором жития.

Святого Стефана среди всех описанных выше святых выделяет возраст, в каком он пришел ко Христу: он стал христианином уже в старости, что само по себе удивительно, так как в таком возрасте человек имеет уже давно сложившееся мировоззрение и не склонен к его кардинальным ревизиям. По происхождению он был татарин из арского городка близ Казани и исповедовал ислам.

Когда прибыл из Москвы в Свияжск с посланием святителя Макария протоиерей Тимофей, в один из дней подошел к нему старик-татарин и объявил, что желает креститься. Протоиерей спросил его, не от бедности ли или не от страха ли ищет он Крещения? Пришедший ответил:

— Тридцать лет я был болен ногами, так что не мог твердо стоять на них. Когда же власть Московского царя стала сильною в нашей стороне и с нею стал известен Бог христианский, я начал думать: велик Бог, в Которого веруют христиане; Он может дать здоровье и моим ногам, буду же веровать Ему и крещусь. И внезапно, в самый день решимости моей, ноги мои стали здоровы. Теперь я пришел исполнить обещание. Прошу вас, крестите меня.

— Смотри, единоплеменники твои будут пытаться отвратить тебя от Христовой веры,— предупредил его священник.

— Не отвратят,— ответил старик и, вырвав клоч из своей бороды, разорвал его на мелкие части.— Даже если бы разорвали меня на части, как разорвал я мои волосы, то и тогда не откажусь от Бога вашего,— добавил он и по немногом времени сподобился принять святое Крещение с именем Стефан.

Между прочим, это вовсе не естественное следствие чудесного исцеления. И у нас, в областях, где доминирующее население — мусульмане, и даже, как рассказывали очевидцы, в самой Турции и других мусульманских государствах довольно распространено явление, когда в православные храмы приходят последователи Мухаммеда, дабы

получить исцеление от недугов или избавиться от демонов. Но, получая желаемое, они вовсе не считают нужным с риском для жизни или своего материального благополучия переходить в христианство. Поступок святого Стефана говорит о нем как о человеке, честном пред Богом.

Приняв святое Крещение, Стефан возвратился в свой дом. Но лишь только он появился среди своих, как все, не исключая и самых близких его родных, настойчиво потребовали от него, чтобы он отрекся от христианской веры. Одни старались подействовать на него увещаниями, другие угрозами, однако Стефан не только не подчинился им, но и смело разоблачал ложность мусульманской веры и проповедовал истину веры Христовой, чем приводил соседей и родных в немалое возмущение.

Фанатичные родственники, знакомые и незнакомые, оставшиеся верными исламу, хотя и не имели силы сделать с ним все, что хотели, но не скрывали своего отношения к «вероотступнику», и тяжелая атмосфера отчуждения, в которой святой Стефан жил все это время, не могла не ложиться на него тяжким бременем. Его положение было подобно положению первых христиан, которые должны были ежедневно и ежечасно быть готовы запечатлеть свою веру и верность Христу собственной смертью.

Примерно в то же время принимает святое Крещение и другой татарин. По покорении Казани он тайно оставил родительский дом и поселился у русских бояр, живших при дворе поставленного Московским царем казанского хана Шиха-Али, по-видимому, у боярина Захарии Плещеева, который, бу-

дучи видным воеводой своего времени, после взятия Казани был оставлен там. Очень скоро после того, как молодой татарин поселился среди русских, он убедился в правоте веры Христовой и, сознавая ее превосходство над своей, оставил ислам и принял святое Крещение, в котором был наречен Петром.

После вывода русских войск из Казани вспыхнуло восстание — одно из тех, за которые впоследствии Курбский порицал казанскую политику Ивана IV. Оставленный наместником хан Ших-Али бежал в Свияжск. После этого татарами было перебито очень много находившихся при нем русских военных и торговых людей.

Святые Петр и Стефан очень хорошо, быть может, даже лучше, чем все, описанные нами до этого святые, понимали, что именно им предстоит. Несомненно, они знали о том, как незадолго до того, в последний год независимой Казани, в городе было устроено массовое избиение оказавшихся в плену русских воинов. На предложение перейти в ислам и тем самым сохранить себе жизнь воины ответили отказом. Не отступился никто. И после продолжительных пыток все они были убиты, так что «одних сожгли, других сварили в котлах, других же на колья посадили, иных рассекли на части и резали их тела, иным же... содрали кожу с головы до пояса»⁷¹.

Имея возможность бежать, святой Стефан принял решение остаться в городе — и за твердость в христианской вере был изрублен на части, тело его разметали, а дом разграбили.

⁷¹ Казанская история. С. 437.

Во время беспорядков немало татар — сторонников Ших-Али было задержано. Среди них оказался и Петр. Его опознали и немедленно отправили в дом к его родителям. Те очень сильно обрадовались тому, что считавшийся ими давно уже погибшим сын нашелся. Отец и мать, братья и сестры, дальние родственники, друзья, знакомые — все пытались склонить его к отречению от христианства. При этом они называли его прежним мусульманским именем, на что святой мученик отвечал:

— Отец и мать мне — в Троице славимый Бог. Веру в Магомета я не признаю. Если же и вы уверуете в Отца, и Сына, и Святаго Духа, то будете мне родителями, братьями, сестрами и родными. Во святом Крещении мне дано имя Петр, а не то, каким вы меня называете.

Много убеждали и просили они его вернуться в ислам, но мученик оставался тверд, памятуя Божие обетование: ***всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным*** (Мф. 10, 32); ***кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге*** (1 Ин. 4, 15).

Видя его непреклонность, семья выдает его на истязания. Возможно, нам это покажется странным, однако это действительно достаточно обычный и вполне предсказуемый поступок мусульманской семьи в подобном случае. Один современный араб-христианин так описывает меры, принимаемые со стороны семьи по отношению к новообращенному: «Сначала с ним говорят по-дружески, просят, чтобы он своей изменой не по-

зорил имя рода, что повлекло бы за собой экономические последствия. Если упомянутый не прислушивается, ему угрожают... или бьют его... И если все это не помогает, случается, что своя же семья подозревает и обвиняет его в воровстве или в моральном падении, с тем чтобы упрятать его в тюрьму и тем самым показать, что достойная семья порвала все отношения с этим “испорченным” человеком, отрицающим Аллаха и ставшим “безбожником”. Известны случаи, когда неграмотные родители в гневе и ярости пытались даже убить своих уверовавших во Христа детей... они ненавидят свою плоть и кровь, чтобы иметь благословение Аллаха и не выйти из единства всего общества исламской культуры. Род и является тем органом в исламе, который рьяно охраняет Коран, и тем самым этот род становится самым большим препятствием для каждого мусульманина, решившего стать христианином»⁷².

Пытки, которым подвергли святого, продолжались несколько дней, но до самой смерти, среди жесточайших мук, святой не переставал повторять одно:

— Я христианин.

Так он и умер под пытками и был погребен в Казани на месте, где находилась древняя церковь Воскресения Христова, что на Житном Торгу, — одна из трех первых церквей, возведенных сразу после взятия Казани. В настоящее время на этом месте находится Тайницкая башня Казанского кремля.

⁷² Абд-эль-Маши. Почему мусульманину трудно стать христианином? С. 22, 24.

Вскоре началось почитание святых Петра и Стефана среди казанских христиан. В 1592 году святитель Гермоген Казанский испрашивает у патриарха Иова позволения занести их в повседневный синодик. Со временем их почитание стало общецерковным. В «Иконописном подлиннике» значится: «Стефан — подобием стар, сед, брада долга, ризы простыя, мученическия; Петр — подобием стар, сед, брада аки Николина, ризы преподобническия, простыя».

Святые Петр и Стефан стоят в святцах вместе, под одним днем; их подвиг любви ко Христу соединил их там, идеже несть болезнь, печаль и воздыхание, но жизнь бесконечная...

Святии мученицы Петре и Стефане, молитесь Бога о нас!

Преподобный Серапион Кожеозерский⁷³

Как и святые Петр и Стефан, татарин Турсас родился и вырос в Казанском ханстве, происходил он из знатного татарского рода и был воспитан в мусульманской вере. Во время взятия Казани в 1552 году он оказался в плену и в числе других знатных пленников перевезен был в Москву, где был взят на попечение боярином Захарией Ивановичем Плещеевым. Плещеев был женат на родственнице Турсаса — татарской княжне Ильякше (в Крещении — Юлиании). В Москве многие видные татары стали вскоре переходить в Православие: принял Крещение царевич Утемыш-Гирей с именем Александр, в 1553 году исповедал веру

⁷³ Основные сведения почерпнуты: *Филарет, архиепископ Черниговский. Жития святых*. Т. 3. Память 27 июня /10 июля.

во Христа Бога последний хан Казанской орды — Едигер-Мухаммед, во святом Крещении нареченный Симеоном. Возможно, Плещеев рассказывал и о примере святого мученика Петра, которого он лично знал, будучи в Казани. Вдохновленный этими примерами и убежденный Юлианией, которая к тому времени уже давно была православной, Турсас крестился с именем Сергей⁷⁴.

Годы воцерковления Сергия приходились на время, когда главой Русской Церкви был святитель Макарий Московский (†1563; память 30 декабря / 12 января). Во время митрополичьих богослужений в кремлевском Успенском соборе молился святой блаженный Василий, Христа ради юродивый (†1557; память 2/15 августа). Также,

⁷⁴ Можно вспомнить в этой связи причисленного к лику святых Римо-католической Церковью мученика Иеронима, который, будучи мусульманином-арабом, попав (кстати, в то же время, что и Турсас) в плен к испанцам, добровольно принял христианство и получил при Крещении имя Херонимо (Иероним). Когда в 1569 году он снова был пленен, на этот раз пиратами-берберами, и вывезен в Алжир, то отказался вернуться в ислам и был приговорен к смерти. Связанного по рукам и ногам, его швырнули внутрь опалубки, залив сверху жидким цементом. Цементный блок, внутри которого находилось тело юноши, впоследствии был использован при строительстве форта Двадцати четырех часов в городе Алжир. В 1853 году форт был снесен французскими саперами, которые в месте, точно указанном летописцем, обнаружили бетонный блок, внутри которого находился человеческий скелет. Останки Иеронима Католическая Церковь признала нетленными мощами, а сам он был канонизирован как мученик за веру. Мощи святого Иеронима были перезахоронены в соборе святого Филиппа в Париже. С полости внутри бетонного блока специалисты сняли гипсовый слепок, с которого скульпторы изваяли статую для надгробия, изображающую агонизирующую фигуру связанного юноши. Гипсовый слепок сейчас выставлен в Алжирском историческом музее.

несомненно, молился во время богослужений святителя Макария, видел его и внимал его проповедям и будущий кожеозерский подвижник. И здесь Сергей так искренне, так глубоко, так чисто возлюбил Господа нашего Иисуса Христа, что решился уйти из мира, чтобы последовать самым высоким путем новой веры.

В то время Троице-Сергиев монастырь становится главным центром Православия России. И сам царь, и многие бояре со своими приближенными ходили туда на богомолье. Безусловно, молился здесь и новопросвещенный татарин вместе со своим восприемником боярином Плещеевым. Весьма вероятно, что и наречен в Крещении он был именно в честь преподобного Сергия Радонежского, который был прославлен уже более ста лет назад и был очень почитаем. Открыв для себя в Свято-Троицком монастыре дивный образ монашеского жительства, а на примере своего небесного покровителя узнав о высоте этого подвига, Сергей, движимый любовью Христовой, принимает решение стать монахом⁷⁵.

⁷⁵ Это не единственный случай подобного рода. Можно, например, вспомнить схимонаха Николая, прожившего немногим более двух лет в скиту Оптиной пустыни. «Из представленного им свидетельства Херсонской духовной консистории известно, что ранее он был магометанского вероисповедания, имя ему было Юсуф-Абдул-оглы. Турок родом из Малой Азии, он служил в турецкой армии офицером. Видя мужество русских пленных воинов, их стойкость в вере, он возжелал перейти в Православие.

Сородичи возненавидели его, не давали ему пищи, как *гяуру*, мучили его, вырезая целые куски из тела. Но Юсуф остался непреклонным в желании принять Православие. С Божией помощью ему удалось бежать в Россию. В городе Одессе в октябре 1874 года он был просвещен святым Крещением и наречен Нико-

Но обитель преподобного Сергия уже тогда была знаменита, а потому посещается многими богомольцами, его же влекло пустынножительство, и Сергий уходит далеко на север в поисках наставника. Несколько лет обходил он северные монастыри, ходил к Белому морю, пока наконец, оказавшись в Ошевенском монастыре, не узнал об отшельнике Нифонте, подвижающемся на далеком Кожозере. Вдали от мирских поселений, за непроходимыми буреломами и болотами было сокрыто это дивное огромное озеро. Немедленно Сергий направился туда и, добравшись, нашел то, что искал,— благодатного учителя в духовной жизни.

Видя искренность веры Сергия и его стойкость в испытаниях, преподобный Нифонт

лаем. Долгие годы он проживал на Кавказе. В 1891 году, 18 июля, когда ему исполнилось 63 года, он поступил в Оптинский скит в число братии.

По принятии святого Крещения за его лютые страдания и твердое исповедание истинности Православия Господь сподобил его духовных утешений. Подобно Андрею, Христа ради юродивому, он при земной жизни во плоти был восхищен на некое время в Царствие Небесное, где наслаждался видом райских красот. В скиту Николай отличался кротостью, смирением, братолюбием. Незадолго перед кончиной принял келейно постриг в схиму и, напутствованный всеми христианскими Таинствами, мирно скончался 18 августа 1893 года, 65 лет от роду» (*Казанцев Н. О. Крещение инославных // Свет Православия в Казахстане. 2000. № 4. С. 44*). Обратившиеся из ислама нередко становились иноками афонских монастырей, например, трое таких монахов подвизались в Ватопедском монастыре в XVI веке. Были такие и среди братии преподобного Паисия Величковского, наконец, можно вспомнить татар, оказавшихся в плену после неудачного похода хана Нуреддина на Почаевскую обитель в 1675 году и принявших христианство, а впоследствии и монашество.

постригает его в монашество с именем Серапион. Около 18 лет подвизаются они вместе, держа строгий пост, вкушая лишь коренья да ягоды.

«Но недолго они оставались в уединении: приходили другие, так же, как и они, ищущие спасения, просили принять, и любовь не позволяла отказывать»⁷⁶. Со временем молва о высокой духовной жизни отшельников стала привлекать к ним многих ревнителей иноческого подвига. Когда собралось достаточное число иноков, преподобный Нифонт в 1575 году отправился в Москву просить земли для обители, но скончался в Москве, не закончив начатого дела.

В это время в кожеозерской общине случается голод: собственных средств к существованию в обители еще не было, богомольцам она еще не была известна, а сообщение с людьми по дальности расстояния и по множеству непроходимых лесов и болот было очень трудным предприятием. Оставшийся за старшего преподобный Серапион отправляется по деревням просить милостыню для братии; иногда это были семена, а молоть их в обители было нечем. Поведал преподобный об этом жертвователям — и получил сразу два жернова и мешок зерна. Эту тяжесть преподобный принес в обитель сам, волоком перетаскивая по болотам и бурелому, и спас монахов от голодной смерти — подвиг, по достоинству вошедший в историю обители и даже по настоящим временам невероятный. Из принесенных жерновов слагается первая мельница на Кожозере и тем полагается

⁷⁶ Григорьева Е. А. Рай на земле // Природно-ресурсные ведомости. 2000. № 9 (26). С. 6.

начало хозяйству будущего монастыря. Преподобный Серапион продолжает собирать пожертвования; крестьяне полюбили его и охотно жертвовали из своих скудных запасов, а в 1577 году общине подарили на Богоявление корову с двумя телятами.

Летом 1584 года преподобный Серапион, дабы завершить дело своего учителя, преподобного Нифонта, предпринимает поход в Москву и после тридцати лет отшельничества снова оказывается в городе, где некогда принял святое Крещение, отвергнув ислам, и где проходило его воцерковление. Поход его был успешным для обители: 30 сентября 1584 года митрополит Дионисий благословил устройство монастыря, а благочестивый царь Феодор Иоаннович даровал грамоту, по которой монастырю были назначены Лопский полуостров и земли вокруг озера на четыре версты во все стороны. Вся полученная земля состояла из непроходимых лесов и болот. По возвращении преподобного Серапиона братия под его началом приступает к рубке леса и расчищению места под храм. К 1589 году воздвигается первый деревянный храм — Богоявленский (летний). Через два года монахи, руководимые преподобным Серапионом, оканчивают постройку второго храма (зимнего) — во имя святителя Николая. Расчищается также лес под пашни, монахи начинают сеять хлеб.

Некоторые средства существования монастырь получал от вкладов вновь поступающих в обитель братьев, число которых заметно увеличилось после постройки храма, но все же они были

недостаточны. В городе Турчасове был открыт постоянный двор монастыря. В селе Пияле монастырь открыл небольшую солеварню для собственных нужд. Община была на полном самообеспечении, и монахи питались от труда собственных рук, но средств было недостаточно, к тому же новооткрытый монастырь должен был выплачивать налоги. Сохранилось послание преподобного Серапиона к царю Феодору Иоанновичу от 1595 года, в котором он просит освободить Кожеозерский монастырь от податей и повинностей в виде содержания опальных людей, поскольку «им, старцам, и самим питаться нечем, и беречь тех людей некому, а царской милостыни ни деньгами, ни хлебом не выдается, и они сами, приезжая, пашут пашню, а крестьян у них нет; сами же варят соль в Пияле для монастырского расхода». Обитель не получала никакой царской руги, то есть материальной помощи на содержание, а должна была платить подати. Более того, в письме говорится, что иноки снабжали ратных людей подводами и «одолжали великим долгом». Очевидно, имеется в виду помощь во время военных действий против шведов в Финляндии зимой 1592 года. От налогов монастырь был освобожден, но ссыльных людей сюда присылать все равно продолжали. При преподобном Серапионе сюда были сосланы князь Иоанн Сицкий и другие провинившиеся перед властью люди. Преподобный отец, сам испытав и плен, и лишения, и вынужденное переселение, как мог старался облегчить участь опальных людей. И это не прошло бесследно: есть сведения, что, например, князь Иоанн сми-

рился со своей участью, принял постриг и до самой смерти трудился в монастыре, стяжав любовь и уважение братии.

В 1599 году преподобный Серапион вместе со своим учеником преподобным Авраамием во второй раз приходит в Москву, уже в царствование Бориса Годунова. Новый царь жалует обители то-ни на Белом море и четыре деревни по реке Онеге. Патриарх Иов благословляет антимином для богослужения в новом храме и рукополагает преподобного Авраамия во священный сан. Преподобного Серапиона патриарх Иов благословил быть в обители строителем. До того преподобный отец, будучи действительным управителем Кожеозерской пустыни, по смирению своему честь начальствования предоставлял другим, и они назывались игуменами.

Как уже было сказано, пожалованная монастырю земля вокруг озера, будучи болотистой и лесистой, почти не плодоносила. Тогда преподобный Серапион на 200 рублей приобрел земли по берегу Онеги в деревнях Кернеше, Клещеве, Кандопелзе, Пияле, купил небольшие участки в солеварнях и тонях на южном побережье Белого моря. Так образовалось хозяйство, дававшее средства на пропитание братии. На монастырских пашнях сеяли хлеб, репу, большое развитие получил рыбный промысел. В этот период именно ловля и продажа рыбы доставляют монастырю необходимое содержание.

Однако среди братии нашлись и такие, кто поносил и оскорблял преподобного старца, забывая его отеческие попечения и любовь; он благодушно

переносил все скорби, терпя от таковых порочных лжемонахов посмеяния и поношения. Они же пытались чинить смуту в обители; доходило до того, что его даже изгоняли из монастыря, пытаясь захватить в нем главенство. Изгоняемый ими, преподобный отец, как свидетельствует жизнеописатель, нередко уходил в Москву, но затем снова возвращался.

Видимо, по причине этих нестроений достойные ученики преподобного Серапиона, прославленные впоследствии Церковью, не желая видеть такое бесчиние, один за другим оставляют Кожозеро. Это хорошо видно из сопоставления дат. Около 1605 года из обители уходит в Соловецкий монастырь преподобный Леонид, в то же время удаляется на отшельничество к реке Хозьюге преподобный Никодим, на следующий год отправляются дальше на север преподобные Корнилий, Герман, Лонгин и Боголеп, сам преподобный Серапион в 1608 году уходит в затвор, а преподобный Авраамий по его благословению доходит до Новгорода и митрополитом поставляется во игумена монастыря.

После этого жизнь в монастыре по-видимому налаживается. Преподобный Серапион провел в затворе три года и мирно почил о Господе 27 июня 1611 года, оставив после себя в обители, в которой он подвизался 46 лет, около 40 монахов при хорошо налаженном хозяйстве и отстроенном монастыре.

Сохранились сведения о посмертных чудесных явлениях преподобного Серапиона Кожозерского. Точная дата его прославления неизвестна. Житие было помещено в Четьих-Минеях архи-

епископа Филарета. По некоторым сведениям, имелась также особая служба преподобному, однако до настоящего времени она не найдена.

Целый букет святых Русской Православной Церкви взрастил преподобный Серапион: преподобный Авраамий (в схиме Антоний) Кожеозерский стал еще при жизни и по благословению отца-основателя игуменом Богоявленской обители; преподобный Лонгин Кожеозерский — игуменом древнего и славного Спасо-Каменного монастыря; преподобный Леонид Устьнедумский основал под Устюгом собственный монастырь и стал одним из просветителей «диких» пермяков, продолжив миссионерские подвиги Стефана Пермского и других пермских святителей; преподобный Корнилий Кожеозерский освятил своими подвижническими трудами Мангазею — первый русский заполярный город, основав здесь Кожеозерский Спасский Верхотурский монастырь; с ним же подвизался и преподобный Герман Кожеозерский. Пребывал в монастыре под началом преподобного Серапиона и ныне особенно почитаемый святой этих мест — преподобный Никодим, Хузыгский чудотворец, и по его же благословению ушел он в отшельничество, устроив келейку в пяти верстах от Кожозера.

В настоящее время мощи преподобного Серапиона почивают под спудом в возрожденном после 80 лет запустения Богоявленском Кожеозерском монастыре. Возрождает монастырь один отец настоятель иеромонах Михей. В память о преподобном Серапионе помогают обители некоторые православные татары, бывают паломники

из Татарстана. На месте, где некогда стояла часовня, возведенная над святыми мощами отца-основателя, ныне, выделяясь точно по периметру фундамента, синее иван-чай да возвышается, отражаясь в тихой озерной воде, огромный поклонный крест.

Преподобне отче Серапионе, моли Бога о нас!

* * *

В этом далеко не полном обзоре представлены люди разных эпох — от VIII до XIX века; разных национальностей — арабы и турки, татары и болгары; разных возрастов — старцы и юноши, люди среднего возраста; разных профессий — разносчики зелени, купцы, ремесленники, чиновники, солдаты и ученые; люди разного сословного происхождения, с разным семейным положением, разного уровня образованности, разных, наконец, характеров. Но все они, будучи мусульманами, совершили личный подвиг: нашли в себе силы ответить на призывавшую их любовь Божию и обратиться ко Христу, запечатлев это обращение собственной кровью, и ныне сияют в лике православных святых. На них исполнилось дивное пророчество Господа: *И придут от востока и запада, и севера и юга, и возлягут в Царствии Божием* (Лк. 13, 29), *где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос* (Кол. 3, 11). Такого щедрого воздаяние Любящего за подвиг любви к Нему.

Ничего подобного этим великим подвигам среди христиан, перешедших в ислам, не было, несмотря на всю массовость этого явления в

определенные эпохи⁷⁷. Христианами-вероотступниками руководило что угодно, но только не любовь к истине. Это признавали и сами мусульмане. Например, арабский поэт XI века Абу ал-Ала так пел в своих стихах:

Христианин переходит в ислам
Корыстолюбия ради, а не из-за любви;
Он жаждет лишь власти, или боится судьи,
Или хочет жениться⁷⁸.

Не известно ни одного случая перехода православного подданного Византийской империи на ее территории в ислам, тем более с дальнейшим исповедничеством⁷⁹.

Практически не существует даже рассказов и о запечатлении кровью своей веры кем-либо из рожденных в исламе мусульман под пытками православных христиан. Таковых примеров действительно много в случае язычников — да, но

⁷⁷ Поэтому известный фильм Хотиненко «Мусульманин» и вызывает неизбежное ощущение натянутости и искусственности. Несвойствен, неестествен для ислама подобный образ чисто христианского мученичества. Режиссер сознательно и вполне последовательно экстраполирует это целиком христианское явление на чуждую почву, чуждую культуру, вероятно, желая тем самым создать ощущение новизны, которое могло бы привлечь и затронуть зрителя. Однако получается довольно-таки малосимпатичный гибрид, и происходит это, на наш взгляд, именно вследствие незнания автором основ и той, и другой культуры. Образ мученика, его подвиг в христианстве имеет значение именно как подражание крестному подвигу Богочеловека, как соучастие своими страданиями в страданиях Христа, исторический факт которых в исламе категорически отрицается.

⁷⁸ Мец А. Мусульманский ренессанс. С. 44.

⁷⁹ О современной ситуации см. Приложение 2.

христиан⁸⁰... Мне известен только один случай, который с большими натяжками может быть отнесен к ним.

Относительно одного из сподвижников Мухаммеда — Абдаллы ибн Хузафы ал-Сахми — существует легенда о том, как Византийский император под страхом смерти пытался обратить его в христианство, но потерпел неудачу⁸¹. Историчность этого происшествия вызывает большие сомнения, во всяком случае на столь высоком уровне.

Однако даже в этом повествовании привлекает внимание такой существенный момент: если христианский император, убедившись в невозможности обратить пленного мусульманина, *отпускает его на свободу*, то мусульманские правители, убедившись в том же, пленных христиан *убивают*. И еще один интересный момент: Абдалле угрожают применить пытки, а именно, если верить автору его жизнеописания, угрожают расстрелом из лука и опусканием в котел с кипящим маслом, но его не подвергают им. В отличие от мусульманских пра-

⁸⁰ В последнее время любая русскоязычная мусульманская статья, хоть косвенно затрагивающая вопрос отношений мусульман с христианами, редко обходится без укоризненного упоминания о крестовых походах. Однако мусульманским публицистам следовало бы знать, что римо-католические крестовые походы принесли православным народам горя и зла ничуть не меньше, чем мусульманским, а по правде говоря, даже больше. И навязывали свою веру римо-католики православным теми же методами, что и последователям Мухаммеда. Потому вовсе непонятно, почему православные должны испытывать перед мусульманами комплекс вины за войсковые операции Римо-католической Церкви.

⁸¹ См.: *Ал-Баша Абдель Рахман Раафат*. Эпизоды из жизни асхабов. Б. м., б. г. С. 24–26.

вителей, у которых в аналогичной ситуации за угрозой непременно следовало дело.

Отсутствие таких примеров, помимо всего прочего, конечно же, обусловлено тем, что христианство не знает той исконной, чисто мусульманской практики, согласно которой если враг или пленный во время битвы объявляет о своем переходе в ислам, ему необходимо сохраняют жизнь, а если подсудимый иноверец даже после вынесения приговора принимает ислам, его освобождают от всех наказаний. А предпосылок для возникновения подобной практики в христианстве не возникало в силу различия самого понимания веры. Вера есть отношение подлинной, непоказной любви между Богом и вверяющим себя Ему человеком. Принимающий христианство под страхом смерти не является христианином, потому-то и не могло возникнуть почвы для насильственных обращений. «Вера души не есть плод тела,— так выражал в диалоге с мусульманами свою позицию один из византийских императоров,— и нужен благой язык и правосмыслие тем, кто приводит к вере, а не сила, не угроза, не нечто мучительное и страшное. Ибо каким образом потребно принуждать естество бессловесное, не следует действовать здесь, убеждая душу разумную не рукой, не бичом и не чем-то другим такого же рода и угрожающим смертью»⁸².

⁸² *Manuel Paleologue. Entretien avec musulman // PG. SG. T. 115. P. 144.* Можно также вспомнить «наказную грамоту» Ивана Грозного направлявшимся в новоучрежденную Казанскую епархию архиепископу Гурию и архимандритам Варсонофию и Герману: «В Крещение неволею не приводить, обращаться с иноверцами кротко, с умилением, жестокостей им не чинить, а при необходимости освобождать их от суда воевод и наместников».

Согласно одному хадису, возводимому к самому Мухаммеду, он, толкуя аят «Ему предалися те, кто в небесах и на земле, добровольно и невольно» (Коран 3, 77), сказал так: «Те, кто на небесах, — это ангелы. Те, кто на земле, — это родившиеся в исламе. Предавшиеся невольно — это плененные народы, кого привели к исламу в цепях и оковах и кого ведут в рай против их воли»⁸³. В этом — различие между христианством и исламом. Христиане убеждены, что в рай против воли никого привести нельзя.

Да, в Византийской империи православному подданному под страхом смерти было запрещено переходить в какую-либо иную религию. Однако на неподконтрольных мусульманам территориях в то время добровольно в ислам из христианства, повторю, никто никогда не переходил. Как представляется, именно в силу некоторой примитивности этой религии в сравнении с христианством и даже с древними философско-пантеистическими учениями, в которые иногда уклонялась элита империи.

Безусловно, в процессе многовековых исламо-христианских войн случалось всякое. Во время первого крестового похода при взятии католиками Иерусалима было истреблено свыше 70 тысяч мусульман, из них 10 — в мечети, где они пытались укрыться⁸⁴. Во время третьего крестового похода английский король Ричард Львиное Сердце

⁸³ *Ас-Суйути Джалал ад-Дин*. Совершенство в коранических науках. С. 116.

⁸⁴ См.: *Гийом Тирский*. История деяний в заморских землях // Памятники средневековой латинской литературы. М., 1972. С. 384.

однажды по своей прихоти приказал вырезать две тысячи пленных мусульман. Византийский полководец, а впоследствии император Никифор Фока во время своих победоносных походов уничтожил несколько тысяч мусульман Северной Сирии и Крита. Но при этом Православной Церковью (в отличие от Католической) эти жертвы (вкуче с жертвами и своей стороны!) рассматривались как павшие на *обычной* войне, чрезмерная жестокость кампаний которой объясняется условиями того времени; но она не имела ярко выраженного религиозного наполнения — точно так же, как нынешняя антитеррористическая кампания в Чечне, которую никто из православных не воспринимает как войну против ислама⁸⁵. Православию глубоко чуждо понимание священной войны, присущее мусульманским экстремистам, для которых «джихад является высшей формой богослужения, какую только можно предложить Аллаху»⁸⁶.

Именно поэтому, когда тот же император Никифор II Фока (963–969) задумал издать закон, по которому все христианские воины, павшие в боях с мусульманами, автоматически причислялись бы к лику святых мучеников, Церковь, несмотря на все принуждения, категорически воспрепятствовала самой мысли о таком нововведении как противоречащем самому духу христианства⁸⁷.

⁸⁵ Кормить и одевать, во всяком случае в московских церквях, нищих мусульман в связи с ней не перестали.

⁸⁶ *Джамалах Марьям*. Два муджахидина недавнего прошлого и их борьба за свободу против иностранного владычества. Б. м., б. г. С. 8.

⁸⁷ См.: *Скилица И.* Недостатки правления Никифора // *Лев Диакон*. История. М., 1988. С. 118.

Именно поэтому в Константинополе уже в конце VIII века арабским купцам было позволено отстроить мечеть⁸⁸, в которой, как явствует из писем святого патриарха Николая Мистика, пленные арабы даже в самые победоносные для империи дни могли молиться без какого-либо принуждения их к принятию христианства⁸⁹.

Следует здесь, наверное, сказать несколько слов о сложившемся у исследователей мифе о какой-то небывалой веротерпимости Арабского халифата, «неизвестной средневековой Европе». Из чего этот миф складывается и чем обосновывается? Исследователь видит, что несториане и монофизиты, по отношению к которым в Византийской империи регулярно предпринимались гонения, бежали в мусульманские страны и там жили в этом отношении более благополучно. На основании этого и возникает идея о большей веротерпимости халифата. Однако исследователь не учитывает тот важный факт, что у монофизита или несторианина в этих двух империях был *разный статус*. В Византии он был *еретиком*, и его как еретика гнали. В халифате же он был *иноверцем*, и его никто не трогал, если он не занимался прозелитизмом.

Но по отношению к собственным *мусульманским еретикам* в халифате нередко предпринимались ужасные, кровавые и беспощадные гонения, которые и не снились византийским императо-

⁸⁸ См.: Поснов М. Э. История христианской Церкви. Брюссель, 1964. С. 283.

⁸⁹ См.: Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Византийские представления об исламе. С. 136.

рам⁹⁰. А когда какой-нибудь мутазилит или саламит, в свою очередь, попадал в Византийскую империю, то там он оказывался *иноверцем*, мог спокойно ходить в ту же константинопольскую мечеть, и никто его никаким гонениям не подвергал. Именно поэтому, например, когда в 969 году Антиохия была вновь возвращена в состав Византии, большая часть мусульманского населения осталась жить в ней, тогда как монофизитский яковитский патриарх со всей своей паствой переселился в мусульманский город Диарбекир⁹¹. В Никейский период едва ли не треть войска православной Византийской империи состояла из турок-мусульман (*скитикон*), успешно выступавших в сражениях с римо-католиками. Говорить о том, что их кто-либо мог бы притеснить, просто абсурдно. К концу XIV века в стенах Константинополя вырос уже целый мусульманский квартал, в котором действовали шариатские суды для подданных императора, исповедующих ислам, — бóльшую веротерпимость сложно себе представить!

Таким образом, в действительности по отношению к иноверцам империя была не менее терпимой, чем халифат, по отношению же к еретикам халифат был подчас куда более нетерпимым, чем империя. Если говорить строго, то в обоих государствах это всякий раз определялось политикой конкретного правителя.

⁹⁰ В качестве примеров можно привести мутазилитскую михну при ал-Мамуне (IX век), пыточные казни суфиев в X веке, гонения на мутазилитов в XI веке, истребление ливанских шиитов в конце XIII века и многое другое.

⁹¹ См.: *Нелюбов Б. А.* Сиро-яковитская Церковь // Альфа и Омега. 1998. № 4 (18). С. 349.

Возвращаясь к православным святым, обратившимся в Православие из ислама, хочется отметить одну сложность, с которой пришлось столкнуться в настоящей работе. Один из самых важных моментов в их жизни — уверование во Христа — оказывается не до конца ясным, и действительные причины его теряются в перечислении фактов. Поговорил с христианином, услышал Писание, оказался на богослужении, увидел чудо — все это на самом деле не объясняет, что же в действительности их подвигло, что дало им силы изменить весь настрой своей жизни и склад своего ума и целиком повернуться ко Христу. Довольно много мусульман сталкиваются с христианскими чудесами, еще большее количество читают Евангелие, немало имеют друзей среди христиан и, несмотря на все это, ко Христу не приходят.

Таинство обретения Христа не сводится к сумме определенного религиозного опыта, особых обстоятельств и тех или иных внутренних ощущений. Один бывший индонезийский мусульманин, ныне православный священник и миссионер, о котором упоминалось в начале главы, — отец Даниил (Баян-торо), в своем мусульманском прошлом не отличался любовью к христианам. Более того, он имел религиозный диспут с христианином и победил в нем. Но затем с ним произошло нечто, после чего он уже не смог жить, как раньше. Ему открылся Христос.

***Се, стою у двери и стучу:
если кто услышит голос Мой
и отворит дверь, войду к нему,
и буду вечерять с ним, и он со Мною
(Апок. 3, 20).***

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СВЯТЫЕ ЖЕНЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ИСЛАМ¹

В последние годы усиленная миграция и не менее сильный прозелитизм привели к тому, что многие из нас очутились если и не совсем в мусульманском окружении, то уж по крайней мере среди многочисленных соседей-мусульман. Соседи эти, как и все люди, разные, но, как правило, своей веры не скрывают, не скрывают своего убеждения в ее превосходстве и нередко предпринимают попытки ознакомиться с ней окружающих.

Не редкостью, увы, стало печальное явление, когда крещенные в Православии девушки и женщины выходят замуж за мусульман и некоторые даже принимают ислам! Те же, кто лично не принимает, вынуждены согласиться с тем, что дети их станут мусульманами, — таковы законы ислама. И опыт показывает, что очень часто это приводит к семейному несчастью, страданиям и горю этих женщин.

И если подумать, то удивляться тут не приходится. Церковь ведь не случайно не советует своим чадам жениться или выходить замуж за иноверцев. Кроме того, что такой брак не будет освящен церковным Таинством венчания и, соответственно, не будет иметь благословения Божия, дело заключается еще и в том, что супруги по определению должны быть едины во всем. Это естественный закон и стремление человеческих душ. Но если такого единства нет в самом главном — вере, то его не будет и во всем остальном. Поначалу это глубинное разногласие легко маскировать взаимной привязанностью, но, не имея основания в подлинном единстве, эта привязанность скоро угасает, и внутренний разлад неизбежно всплывает

¹ Впервые опубликовано: Как жить. 2003. № 25. С. 50–55.

наружу и со временем под тем или иным предлогом будет омрачать отношения все больше и больше.

Некоторые несчастные, интуитивно чувствуя это, принимают в браке ислам. Но, как показывает опыт, и этот шаг не приносит счастья соvrащенным, ибо отступничество от Христа — это тяжкий грех, который, если не будет раскаян, вызывает суровое воздаяние еще в этой жизни. Известна масса жутких примеров из жизни «русских мусульманок», которых выбрасывали на улицу, забирали у них детей, избивали, обращались с ними, как со скотиной. Ибо **Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет** (Гал. 6, 7).

И напротив, известны случаи, хотя их немного, но они есть, когда православным девушкам удавалось убедить своих женихов-мусульман принять истинную веру. И после Крещения и венчания такие браки были очень крепкими и счастливыми. В связи с этим хочется рассказать несколько случаев, когда православные женщины, крепкие в вере и любви ко Христу, войдя в конфликтное соприкосновение с миром ислама, смогли принести великий плод святости, доказавший превосходство истинной, православной веры над мусульманским заблуждением.

Святая Аргира²

В начале XVIII века в Османской империи в провинциальном городе Пруссе жила красивая девушка-гречанка по имени Аргира. Она воспитывалась у благочестивых родителей и в юном возрасте встретила свою любовь — доброго юношу-грека. Они повенчались, и счастливо протекал их медовый месяц. Но вот сосед-турок воспылал похотью к Аргире и пытался в отсутствие мужа уговорами и посулами склонить ее к прелюбодеянию. Благочестивая жена резко отвергла эти посягательства. Тогда озлобленный турок оклеветал ее перед судьей Пруссы в том, что она якобы обещала стать мусульманкой. По шаариату человек, изъявивший желание стать мусульмани-

²Житие см.: Новомученики балканские. С. 114–117. Память 30 апреля / 13 мая. — Изд.

ном, должен принять ислам; если он от этого отрекается, то ему грозит смертная казнь, если он мужчина, а если женщина — то пожизненное заключение. Судья, поверив обвинителю, сразу же посадил Аргиру в тюрьму. Муж святой, желая избежать пристрастного суда, потребовал перенесения его в Стамбул.

Но это не помогло. Аргира и турок-обвинитель явились в столичный суд, и этот мусульманин лжесвидетельствовал о ней перед судьей. Аргира же отвечала, что никогда не говорила ничего подобного и не собирается отречься от своей веры, что она христианка и христианкой хочет умереть. По приказу судьи святую избили и бросили в тюрьму, приговорив к пожизненному заключению.

Страх, мучительная разлука с любимым мужем, тяготы тюремного заключения, а ко всему этому постоянные издевательства со стороны сокамерниц — преступниц-мусульманок. Мука телесная, мука душевная, мука сердечная не прекращались ни на день. И в любой час она могла избавиться от всего этого — стоило лишь принять ислам.

Но радость духовная помогла ей превозмочь страдания и одолеть соблазны. Мученица сама изнуряла тело свое постом и воздержанием, как о том свидетельствовали христианские женщины, которые были заключены вместе со святой и затем вышли на свободу.

Так она подвизалась в заключении семнадцать лет. И такой радости и веселья исполнилось сердце святой из-за того, что она страдала за Христа, и таким утешением она считала для себя это заключение, что когда некий христианин по имени Мануил Кюрцибасис предложил ее освободить, она отказалась, говоря, что темница лучше царских палат. И так она, заключенная Христа ради, преставилась ко Господу 30 апреля 1725 года. Ее святые мощи христиане похоронили в Хаскиои, и после трех лет, во время перенесения ее честных мощей, тело было обретоно нетленным и благоухающим. По благословению Святейшего Патриарха Паисия святые мощи мученицы Аргирьы были положены в церкви святой Параскевы, где и доньше им поклоняются патриархи, архиереи, иереи и миряне.

Мученица Хадиджа-Мария³

Среди болгарских новомучеников особое место занимает родопская мученица Хадиджа-Мария. Родившись в исламизированной болгарской семье, она вернулась в лоно Православной Церкви.

Хадиджа родилась в 1817 году в семье Махмедуллы Сулеймана Метевца. Эта семья была уже несколько поколений в исламе и происходила от тех отпрысков рода Кисовых, которые отступили от Православия. Росла Хадиджа вместе с двумя братьями в селе Горный Дереккой, где ее дед был агой (судьей). Несколько лет спустя род Метевцев в этом селе вымер от чумы. В живых остались лишь Хадиджа, юная девушка, и два ее брата со своими семьями. Поначалу они переехали в другое село, не желая оставаться на том месте, где враз потеряли всех родных. Однако Хадиджа не смогла свыкнуться с новым местом и вернулась обратно в родное село.

Она жила одна, ходила на работу с подружками. Самая близкая ее подруга, Мила, была глубоко верующей девушкой, от нее Хадиджа и узнавала и о вере, и о жизни христианской, именно Мила и предложила Хадидже креститься. Хадиджа, успевшая уже многое узнать и полюбить Православие, с радостью согласилась. Подружки составили план, как ей креститься и сохранить это в тайне.

Крещение Хадиджи состоялось в 1844 году в старой часовне на сеновале. Присутствовали при этом лишь близкие ее подруги. Там была большая бочка, и в ней священник Константин (будущий Ксантийский митрополит Иларион) крестил девушку. Новая христианка скрывала это целый год и через других людей передавала в церковь свечи и просфоры, а дома молилась и клала поклоны.

Но из уст в уста молва разнеслась по всему селу. Женщины тайком называли ее Тижа-Мария (Тижа — болгарский вариант турецкого имени девушки, а христианское ее имя было Мария). Узнали об этом и фанатичные братья ее

³Житие см.: *Тодоров П.* Новомъчениците на българския род. С. 15.

и стали допытываться, правда ли это, но она отрицала, что крестилась. На следующий год Тижа-Мария готовилась встретить Пасху: покрасила яйца, изготовила свечи, испекла куличи и просфоры в ожидании праздника. Братья ее, жившие в другом селе, тайком пришли, чтобы проверить слухи. В Великий четверг 1845 года она вернулась из церкви и зашла к соседям, а братья в это время вошли в ее дом. Тут они обнаружили яйца, куличи, зажженную лампаду — и уверились, что она стала «гяуркой». Братья скрылись на сеновале. Вечером Тижа-Мария пришла и после долгих молитв легла и заснула. Озлобленные братья-мусульмане начали ее душить, затем, полуудушенной, заткнули ей рот тряпками, выволокли ее из дома под большую цветущую сливу и там двумя выстрелами добили. На следующий день с утра женщины послали детей посмотреть, что произошло в Тижином доме. Дети увидели, что она лежит убитая под цветущей сливой. Так она оставалась три дня — все боялись подойти и увидеть ее мертвую.

Похоронили Марию не рядом с ее умершими родственниками-мусульманами, а в другом месте. Крестивший ее священник Константин вынужден был бежать из села, опасаясь мести братьев Марии. Над могилой ее посадили розу, и на Георгиев день женщины посылали за цветами от Тижинова гроба, которые хранили целый год «для цельбы».

Мученица Платонида

В том же XIX веке в России жила в одной татарской семье другая девушка. Узнав от миссионеров о Православии и всем сердцем возлюбив Христа, она решила принять Крещение. Родители же задумали выдать ее замуж за татарина-односельчанина, не спрашивая ее согласия. Но любовь ее ко Христу оказалась выше любви к родителям, и накануне свадьбы она сбежала из дома.

Приют она нашла в женском монастыре. Здесь она крестилась, здесь воцерковилась, здесь со временем приняла постриг с именем Платонида. Через несколько лет она получила благословение на отшельническую жизнь. Уйдя в безлюдные места Екатеринбургской губернии, в

глухих лесах близ городка Ревда поставила матушка Платонида себе келейку, и рядом по молитвам ее открылся источник. Тут и подвизалась она, проводя жизнь в духовных подвигах.

Фанатичные родственники Платониды искали случая убить ее, но ради святости жизни подвижницы ее охранял медведь. Тогда они убили медведя и затем смогли застрелить ее из ружья, поскольку близко они подходить боялись. Так подвижница приняла мученический венец за исповедание Христа, спострадав своему Господу.

Погребена она была на месте своих подвигов. Почитатели ее соорудили над могилкой матушки часовню, которая сохранялась до самой революции. Источник ее, названный именем Платониды, прославился как чудотворный, и многие паломники и до революции, и в советское время приходили почтить мученицу. И даже до наших дней известны случаи удивительных чудес от него. Например, в прошлом году местная газета сообщала, как заблудившийся в лесу маленький мальчик был найден две недели спустя живым и здоровым у источника Платониды. Так прославил Господь Свою ученицу.

И в наше время многие девушки и женщины-мусульманки обращаются ко Христу и находят в Православии ту же сладость, ту же отраду, покрывающую все земные тяготы, какой дорожили в Православии и названные святые.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПОЧЕМУ ИЗ ХРИСТИАНСТВА ПЕРЕХОДЯТ В ИСЛАМ?⁴

При анализе материала для настоящей статьи мы столкнулись с любопытной особенностью современного христианства. Дело в том, что на Западе в XX веке оно отличалось стремлением к реформам, к тому, чтобы «идти в ногу» с эпохой. Результаты не заставили себя ждать: ре-

⁴ Впервые опубликовано: Миссионерское обозрение. 2001. № 8 (70). С. 6–20.

формированное христианство не выдерживает конкуренции с исламом. Это относится как к протестантизму, так и к реформированному на II Ватиканском соборе католицизму. В то же время подавляющее большинство упреков в адрес христианства, которыми западные христиане оправдывают свой переход в ислам, не относится к Православной Церкви, что не может не заставить задуматься тех, кто считает, что реформирование пойдет на пользу Православии. При дальнейшем изложении нам придется в связи с этим уточнять, с *какой* из Церквей апостаты⁵ сравнивают ислам.

* * *

Для ислама ушедший XX век по праву может считаться веком возрождения. За считанные десятилетия приверженцы ислама распространились по всему земному шару, ведя активнейшую и удивительно успешную в условиях секулярного мира миссию. Наиболее стремительными темпами ислам распространяется на Африканском континенте. Согласно статистике, в конце 1980-х годов на одного обращающегося в христианство африканца приходилось три принимающих ислам. Колоссально количество принимающих ислам среди черного населения США. Десятками тысяч исчисляются перешедшие из христианства в ислам в Европе — во Франции, Италии, Германии, Англии и так далее.

Такая проблема есть и в России. Речь давно уже не идет о наших солдатах, принявших ислам в чеченском и уж тем более афганском плену. Ислам охотно принимают в русских городах и селах. Среди перешедших за последние годы на канонической территории Русской Православной Церкви из Православия в ислам — люди из самых разных слоев общества, мужчины и женщины разных возрастов, имеются и неординарные случаи: заштатный протоиерей, мэр провинциального города, член популярной музыкальной группы и другие.

⁵ Апостаты (от греч. ἀποστάτης) — отступники, здесь: люди, перешедшие из Православия в ислам. — *Ред.*

Согласно цифрам, опубликованным газетой «НГ-религии», за прошедшее десятилетие количество считающих себя мусульманами в Российской Федерации увеличилось с 8 до 9%. Один процент — это довольно серьезно, это порядка полутора миллионов человек. Учитывая миграцию, сложно сказать, какова здесь доля собственно обращенных русских. Очевидно, она не так велика, как утверждают мусульмане, но и не так мала, как кажется нам.

При разговоре на эту тему нужно стараться избегать крайностей. Разумеется, не стоит вслед за мусульманскими проповедниками однозначно говорить о победном шествии ислама по планете в сиянии радуги и блеске росы на траве. В беседе с главой официального органа Англиканской Церкви, занимающегося внешней миссией (Church Mission Society), Марком Оксброу я спрашивал о соотношении обратившихся из ислама и обратившихся в ислам. Господин Оксброу ответил, что его ведомство специально изучало этот вопрос и проводило соответствующие исследования, позволяющие утверждать, что на самом деле по всему миру количество обращающихся из ислама в христианство превышает количество обращающихся из христианства в ислам. В свою очередь, в том, что касается России, глава Отдела внешних церковных сношений Русской Православной Церкви митрополит Кирилл в одном из интервью также сообщил, что на сегодня этнических мусульман⁶, обращающихся в Православие, больше, чем этнических православных, принявших ислам. Один из западных аналитиков заявил, что количество мусульман, принимающих христианство, в последние годы превышает количество подобных случаев за все время существования ислама. Вместе с тем следует признать, что количество добровольно обращающихся из христианства в ислам также беспрецедентно велико. Анализ некоторых причин этого явления и посвящена данная статья.

⁶ Этнические мусульмане, этнические православные — то есть принадлежащие к этносу (народности), традиционно исповедующему данную религию. — *Изд.*

Рационализм ислама

Среди основных причин, делающих ислам привлекательным в глазах современных европейцев, следует назвать его крайний рационализм. Ислам — религия без тайны. Разум мусульманина не поставлен перед необходимостью смиренно принимать то, что человеческому разуму принципиально недоступно, в отличие от Православия, где смирение требуется непрестанно — и при изучении богословия, и в религиозной жизни: на каждой литургии, перед каждой иконой Спасителя и Богородицы, в каждом личном обращении к Триединому Богу⁷.

В той религии, где все просто и понятно, обывательскому разуму проще успокоиться. Этим она привлекательна. Современному человеку, вскормленному на популяризированных, упрощенных версиях науки, искусства, экономики и политики, кажется, что религиозная истина также должна быть ясна, проста и доступна рассудку любого, — и ислам отвечает этим чаяниям. В исламе нет таинств, нет тайн, нет парадоксов, нет апофатики. У неопита создается впечатление, что это религия справедливости, позволяющая «общаться с Богом напрямую, без посредников». «Относительно справедливости, для меня это тоже имело большое значение в выборе религии. Это была одна из основных причин, почему я предпочел ислам», — говорит один из обращенных. Однако представление о Боге как о справедливом в религиозном смысле менее возвышенно и ответственно, чем представление о Боге как о любящем, а за идеей «прямого общения с Богом» легко скрыть полное отсутствие такового общения.

Мистика суфизма

Для интеллектуалов, чьему изощренному уму тесно и скучно в мире голого рационализма, ислам готов предложить причудливые дебри суфийской мистики. Ищущий встретит здесь сложившуюся многовековую культуру с

⁷ Пожалуй, современному обывателю еще труднее смириться перед ближним, что тоже необходимо в повседневной жизни того, кто хочет быть христианином. — *Ред.*

аскетизмом и высокой духовной поэзией, возвещающую идею Бога-любви и стремление к богосозерцанию как высшему религиозному наслаждению. Именно в виде суфизма ислам стал привлекательным для некоторых представителей интеллектуальной элиты Запада — таких мыслителей, как Р. Генон, Р. Гароди, Ф. Шюон, и таких востоковедов, как М. Лингз, Т. Буркхардт, Ж. Мишон, М. Шодкевич и другие.

Для тех же, у кого при жажде мистических откровений вкус попроще, суфизм с готовностью предстает в оккультно-вульгаризированном обличье. Как ни парадоксально, но мусульманская миссия успешно использует в своих целях даже расцветшее в нашей стране с начала 1990-х годов массовое увлечение оккультизмом и уфологией. Нельзя не привести некоторые иллюстрирующие это высказывание примеры.

«Возможности многих истинных суфиев настолько велики, что им доступны практически любые высшие феномены. Они в состоянии вступать в контакт с объектами тонкоматериальных миров и внеземными цивилизациями».

«В суфизме есть понимание того, что уникальное творение Аллаха, человек, представляет собой единство трех составляющих: плотноматериального тела, тонкоматериальной сущности (нафс) и фундаментальной субстанции человеческого бытия — души. Нафс называется еще и “животной душой”, а в современной экспериментальной науке он известен как биополе. Он обрамляет плотноматериальное тело человека, имеет яйцевидную (суженную к ногам) форму и состоит из семи энергоинформационных слоев — “тел”, каждое из которых имеет сложнейшее строение, собственную энергоструктуру, цвет (цвета нафса в целом напоминают радуго), частотный диапазон вибрации, поляризацию и другое. Шесть из них связаны с нашим плотноматериальным телом некими энергоинформационными “шнурками”, а места их связи имеют форму круга размером с монету и называются латаифами. Латаифы есть ключи к нафсу, через них суфий работает вначале».

Вульгаризированный суфизм вполне может удовлетворить жажду дешевой мистики в условиях всеобщего религиозного невежества и неведения сокровищ таинственного богословия Православия.

Традиционализм

В XX веке христианские миссионеры всех конфессий почти единодушно сделали ставку на «миссию на понятном современному человеку языке» и... проиграли. Мусульманские миссионеры сделали ставку на верность старине, верность традиции — и выиграли. В католических храмах вместо латыни зазвучали местные языки — и храмы опустели. В новопостроенных мечетях звучат молитвы только на арабском — и мечети полны молящихся, среди которых нередко можно встретить коренного европейца. Характерно, что в европейских странах новообращенные мусульмане принимают именно строго традиционный вариант ислама, тогда как исламский модернизм находит свое распространение преимущественно среди мусульман по рождению. По словам самих апостатов, привлекает их именно традиционализм ислама. «Мусульмане не изменяют своих позиций, в то время как христианство меняется», — говорит бывшая англиканка. «В постоянстве ислама я нашел покой, которого не находил более в католицизме, — вторит ей молодой мусульманин-француз. — В исламе нет пересмотренных и исправленных догм. Мусульманин, живший несколько веков назад, вернувшись в наше время, нашел бы тот же самый ислам во всей его целостности».

Европейские женщины, принявшие ислам, не только с удовольствием соблюдают, но и рьяно защищают такие, по мнению современного секулярного общества, дискриминационные установления ислама, как полигамия, ношение чадры и другие.

Анализируя причины этого странного на первый взгляд факта, нужно признать, что традиционализм ислама сохраняет различие двух миров — мира мужчин и мира женщин, и это привлекает к нему внимание представителей Запада,

в том числе и женщин, задавленных опощляющей современной западной культурой эмансипации. В цивилизации сегодняшнего дня различие между этими мирами стерто, что травмирует сознание как женщин, так и мужчин, даже если сами они этого не сознают.

Но ведь и Православие сохраняет различие между мирами мужчины и женщины, и каждый из них отражен в традиции Церкви полнее, глубже и точнее, чем в исламе. Здоровый, но подлинный, не внешний традиционализм православных был бы наиболее удачным контртезисом мусульманской миссии в нашей стране.

Объем требований

Для нерадивых православных ислам — удобная религия; для них это религия комфорта. Речь идет не только о неизмеримо более низком по сравнению с христианством пороге того, что считается грехом, но и о фактическом отсутствии дисциплины покаяния. «Бог милосерд и всепрощающ, Он и так простит любой грех, кроме отпадения от ислама», — гласит мусульманская доктрина. Нет необходимости подробно разъяснять, почему религия с подобными взглядами оказывается очень соблазнительной для человека, не привыкшего в чем-либо ограничивать себя. Она позволяет жить по своим похотям и при этом как бы оставаться в мире с Богом и своей совестью. Эта вера не предъявляет к человеку требований возрождения и преображения бытия.

Если христианство с самого начала требует от человека жертвы Богу (так, например, уже символическое острижение волос с головы крещаемого во время Таинства означает именно это) и если христианство говорит, что посредством Таинства Крещения человек освобождается от власти греха и становится наследником жизни вечной, то для ислама принятие веры не является таинством и не подразумевает ничего из вышеперечисленного, это просто нечто вроде проставления галочки в анкете. Просто, дешево и удобно⁸.

⁸ Некоторое время назад на русском языке была издана протестантами «Карманная Библия» — крохотная тоненькая бро-

Ислам действительно гораздо более удобная религия, чем православное христианство. Но удобная — еще не значит истинная. Легки и пространны пути, ведущие в погибель. Путь в Царствие Небесное всегда тяжок и тернист. И Православию не пристало вслед за мусульманством и западными конфессиями тоже стремиться стать «удобным». Надо помнить, что Церковь истинна, а где истина — там необходимы усилия и труд человека над собой.

Видимо, не без оснований некоторые западные богословы считают, что переход в ислам европейцев объясняется тем, что по сравнению с «облегченным» христианством ислам дает им возможность хоть как-то духовно потрудиться, хоть в чем-то себя ограничить, что он дает им своеобразный душевный комфорт, ощущение того, что они предприняли некий труд ради своей веры (в конечном итоге — ради своего Бога).

Мусульманское окружение

Переходя от внутренних, доктринальных причин перехода в ислам к внешним, социальным причинам, следует отметить, что наиболее часто принимают ислам этнические христиане, живущие в мусульманском окружении. В России это также наиболее заметно в местах распространения ислама — в Татарии, Башкирии, некоторых южных районах.

Это явление нетрудно объяснить. Человек, постоянно пребывающий в окружении иной культуры, традиций, религии, чувствует себя чуждым всей окружающей действительности, и это ежеминутно гнетет и давит его. В нашей стране на это накладывается еще и недостаточное внимание центра к русским, живущим среди мусульман. Люди чувствуют себя брошенными, оторванными

шюрка на одной скрепке размером примерно 5x4 см, причем часть ее к тому же занимали указания, в каких жизненных случаях какой текст следует читать. На последней странице читателя поздравляли с тем, что он ознакомился с истиной христианства, и предлагали в специально отведенном месте написать свое имя в знак того, что он эту истину принимает. Поразительное сопоставление. — *Ред.*

от своего народа и не нужными ему. Их некому поддерживать, им некому помочь. В таких условиях человек пытается, слившись с тем народом, в окружении которого живет, найти себе прочное место. И если естественное стремление интегрироваться в окружающую среду не встречает внутри человека сопротивления твердых, укорененных ценностей религиозного характера, то такой человек легко совершает шаг, способный улучшить и упрочить его положение в социуме.

Наиболее эффективным для решения этих проблем является принятие веры, поскольку приход в ислам одновременно означает приход в общину (умму). Согласно исламским воззрениям, верующий не может существовать вне общины. Через общину человек интегрируется в общество и культуру ислама. Мусульманин воспринимает само общество глазами уммы, контактирует с ним через умму — религиозно, социально, политически. В общине новообращенный мусульманин испытывает чувство настоящего братства — здесь он обретает круг новых товарищей, находит покровительство и поддержку. Умма имеет внутреннюю идеологию, придающую смысл ее существованию, поэтому новообращенный в скором времени уже не мыслит себя вне своих единоверцев. «Когда я пришла на собрание мусульман, я почувствовала атмосферу любви, добра, взаимовыручки. Если с мусульманином или мусульманкой что-нибудь случится, им обязательно помогут, даже деньги соберут, если потребуется. Мы все — одна большая семья» — так говорит об этом Карима, некогда Ирина⁹.

Противопоставить этому печальному явлению наша Церковь может лишь оживление приходской жизни и катехизацию паствы, проживающей в районах с преимущественно мусульманским населением.

⁹ Снова знаменательная параллель с новыми оккультными псевдохристианскими и откровенно языческими сектами, практикующими по отношению к новообращенным так называемую «бомбардировку любовью». — *Ред.*

Миссионерская активность

Следующей причиной является активная и, можно сказать, агрессивная миссия ислама, использующая самые разнообразные методы и технологии и располагающая колоссальными денежными средствами международных мусульманских организаций. По активности мусульманская миссия в нашей стране вполне сопоставима с миссией зарубежных религиозных объединений, но если те, пережив подъем начала 90-х, сейчас испытывают некоторый спад, то миссия ислама только набирает силу.

В США мусульманские проповедники делают ставку на миссию в тюрьмах (и добиваются очень неплохих результатов). Посольство Саудовской Аравии в Вашингтоне ежемесячно отправляет около сотни экземпляров Корана в американские тюрьмы. Авторитетные во всем мире имамы и духовные лидеры в Нью-Йорке и Атланте снимают специальные видеофильмы об исламе. Многочисленные арабские мусульманские организации посылают должным образом подготовленных добровольцев в тюрьмы США для преподавания заключенным арабского языка. Кроме того, они снабжают заключенных особой пищей, которая отвечает канонам ислама, например, финиками для разговления в месяц рамадан.

Для пропаганды ислама используются специальные образовательные пакеты под названием «Открой для себя ислам», уже несколько лет издаваемые за счет мусульманского бизнесмена Мухаммада Кадира и распространяемые почти во всех 94 федеральных тюрьмах США. В этот так называемый пакет входят различные памфлеты, плакаты и обучающие видеокассеты, главным действующим лицом в которых является всемирно известный баскетболист команды «Хьюстон рокетс» Хаким Оладжьювон.

В Африке деятели Всемирной организации по распространению ислама используют те же средства, что и миссионеры новых религиозных движений у нас. Один из проповедников, Абдулраззак Нандеббо, говоря о миссии в Уганде, рассказал, что не проходит ни одного дня, чтобы кто-либо из угандийцев не принял новую веру. Особенно

активно откликаются на призыв принять ислам жители города Иганга. По этой причине здесь будет построено специальное здание для новообращенных мусульман поблизости от мечети. Активисты Всемирной организации по распространению ислама посещают новообращенных мусульман в их домах и мечетях, делая все возможное для решения их проблем. Особое внимание уделяется тем новообращенным мусульманам, которых из-за принятия ими новой веры отлучили от себя семьи. Деятели организации проводят открытые встречи с местными христианами, среди которых за два месяца приняли ислам не менее 36 человек.

В России на данный момент основной упор сделан на массовое строительство мечетей (во всех городах России, даже в тех, где количество мусульманских групп ничтожно) и на перевод и издание книжной продукции — апологетической, полемической и вероучительной. Каждая мечеть становится миссионерским центром, и очень скоро в результате проповеднической деятельности начинают появляться прозелиты. Новообращенные быстро составляют группы, некоторые становятся имамами, преподавателями медресе — неофиты всегда активны и бывают успешными проповедниками среди своих соотечественников.

Следует также отметить и такой аспект миссии, как туризм в мусульманские страны. Только на одном турецком средиземноморском курорте Анталья примерно каждые 15–20 дней один из отдыхающих зарубежных туристов принимает ислам. В уходящем году религию сменили около 30 иностранцев, в том числе женщины, сообщил муфтий Анталии Кадир Четин. Среди принявших ислам, по его словам, большинство — граждане России и тюркских республик СНГ. Эту религию избрали также несколько немцев и американцев. Особенность 2001 года заключается в том, сказал муфтий, что все иностранцы, отказавшиеся от прежней веры, — выпускники или студенты высших учебных заведений в возрасте 21–30 лет.

Склонность к переходам

Исследования, проведенные среди нескольких сотен филиппинских христиан, принявших ислам, показали, что «большая часть новообращенных мусульман имела

в прошлом опыт хотя бы однократного перехода в другие христианские деноминации, прежде чем стать мусульманами. Это значительно упростило для них процесс перехода в ислам». Данное утверждение справедливо и для случаев перехода в нашей стране. «Начинал я атеистом, затем просто верующим в то, что Бог есть, после был прозелитом секты Церкви объединения Муна, впоследствии христианином и наконец стал мусульманином», — рассказывает один из апостатов. Неоднократная перемена религиозных и мировоззренческих убеждений делает для человека психологически проще и переход в ислам.

Отсутствие религиозной укорененности

В результате семидесяти лет атеистического режима в нашей стране у большинства населения крайне ослаблено чувство этноконфессиональной идентичности. Прерваны связи множества членов современного общества с православными корнями и истоками, поэтому люди в условиях утраченных традиций с легкостью принимают и мунизм, и сайентологию, и ислам. Отсутствие у значительной части населения разумной и сердечной укорененности с детства в Православии является причиной многих переходов в ислам.

То же характерно и для подобных случаев в других государствах, причем не только посткоммунистических. Так, например, благодаря мусульманской агитации широко известно, что Франция, возможно, действительно имеет самое большое количество населения, принявшего ислам. И хотя достоверные данные получить невозможно, эта цифра колеблется на уровне 50–70 тысяч человек. Однако если вспомнить, что число французов, принявших вульгаризированный буддизм, в два раза больше, то станет понятно, что проблема здесь кроется не в особых успехах ислама, а в брожении самого французского общества, в котором секуляризм современной цивилизации рвет связи с христианским культурным и религиозным наследием. Вместе с тем исследования показывают, что случаев перехода в христианство алжирцев-иммигрантов

во Франции больше, чем случаев перехода французов в ислам, так что одновременно с примерами того, как перешедшие в ислам французы преподают Коран детям иммигрантов-мусульман, есть и примеры того, как обратившиеся из ислама алжирцы несут пастырское служение в церквях Франции.

У нас в стране весьма многие из тех, кто считает, что перешел из христианства, на деле ничего о нем не знают; по сути, обратились они в ислам из неверия. Но они были крещены в Русской Православной Церкви, и мы несем ответственность за то, что эти люди были лишены достойного преподавания им истин Христовой веры, лишены живого христианского общения и примеров подлинно христианской жизни.

Браки

Довольно типичны случаи принятия ислама при заключении браков. Согласно мусульманскому закону, любой немусульманин, желающий жениться на мусульманке, должен принять ислам, и положение это, как правило, четко соблюдается со стороны родителей невесты. Христианка, выходящая замуж за мусульманина, по шариату не обязательно должна принимать ислам, однако на деле в большинстве случаев это все же происходит либо сразу же, либо со временем. Как подчеркивает А. Фреске, ведущий религиозной хроники журнала «Монд», во Франции женщины составляют около 55% от числа принявших ислам. Выйдя замуж за мусульманина, они охотно принимают религию мужа. То же относится и к обращающимся итальянцам. Большинство из них принимают ислам при вступлении в брак (исследователи считают, что удельный вес их среди обращенных составляет около 60–70%).

«Он [муж] представил мне ислам в такой форме, в какой я нуждалась, чтобы рассеять мои сомнения относительно того, что бытие и Аллах намного больше, чем это представляет христианство» (Изза, Англия). «Он мне много рассказал об исламе, и я поняла, что ислам — это вовсе не то, о чем мы слышим с экранов телевизоров. Также я познакомилась с семьей мужа и в течение трех меся-

цев жила в их доме. Это многое изменило в моей жизни. Своими глазами я увидела жизнь мусульман. С каждым днем я больше и больше приближалась к единобожию и перед свадьбой окончательно приняла ислам» (Сельма, Москва).

Что делать нам, православным, в условиях нарастающего исламского прозелитизма? Ответ очевиден. Во-первых, надлежит действительно быть воистину православными христианами, жизнью своей являя подлинно образ Христов. Один бывший арабский мусульманин, принявший Крещение, как-то сказал: «Если бы все христиане были истинными христианами, ислама сегодня не было бы!». В этих словах много правды, и правды, увы, горькой. Наш образ жизни зачастую очень далек от праведности. Даже самые красивые, сильные и убедительные слова о Христе, не подкрепленные личным примером, останутся пустыми для человека, слушающего их.

Во-вторых, надлежит не уклоняться от своего христианского долга — вести миссию среди мусульман, возвещая о Христе тем, кто в этом нуждается, и принимая тех, кто приходит сам. К сожалению, приходится констатировать, что отсутствие в настоящее время активной и полнокровной церковной миссии среди мусульман благоприятствует исламизации России. Церковь оказалась не готова к вызову ислама. И в очень многих случаях православные боятся **научать народы** ислама, **крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа** (ср.: Мф. 28, 19), нарушая тем самым последнюю заповедь Господа Иисуса Христа. Хотя именно сегодня мы имеем уникальную возможность успешной и мирной христианизации многих мусульманских народов, проживающих на канонической территории Русской Православной Церкви. Успех, который имеют протестантские миссионеры в Киргизии, Казахстане, Узбекистане и других мусульманских регионах, показывает, сколь много мы теряем из-за собственной инертности и боязни.

Наконец, в-третьих, необходимо давать четкий, богословски аргументированный, интеллектуальный ответ

вызовам ислама со стороны Церкви. Мусульманская антихристианская пропаганда должна встречать не молчание, а блестящую апологетику. В богословских учебных заведениях следует больше внимания уделять вероучению ислама и традиции христианской противомусульманской апологетики и истории миссии среди мусульман.

ЛИТЕРАТУРА

Аноним. Почему женщины Великобритании принимают ислам? // Исламское сознание. 1994. № 338.

Ахунов А. Почему русские принимают ислам? // НГ-религии. 2001, 25 апр. № 8 (79).

Каширский Е. Привлекательность ислама для европейцев // Теологический листок общества «Реформация». 2000. № 8.

Лакар Л. К. Христиане, обращенные в ислам на Филиппинах. 1970–1998 // www.eawarn.ras.ru/centr/eawarn/news/1999/06_99/23/abstrakti/new_page_17.htm.

Холстинин Э. Д. Вызов зеленого знамени // Община XXI век. 2001, июнь. № 4–5 (6–7).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

«РУССКИЙ ИСЛАМ» В ИНТЕРНЕТЕ — ШКОЛА НОВЫХ ЯНЫЧАР?

На фоне ярко-синего неба сверкает золотом купол храма Христа Спасителя с полумесяцем вместо креста, поверх всего недвусмысленная надпись: «РУССКИЙ ДЖИХАД».

Это — картинка с сайта www.kogan.ru. Сбоку умильная ссылка: «Имам Хаттаб стал шахидом». Сайт примечателен тем, что создается он целиком «русскими мусульманами» — нашими единоплеменниками, зачастую даже не скрывающими факта своего Крещения, ныне совраотившимися в ислам. Эта община находится в Петрозаводске, и история ее довольно занятна.

Несколько лет назад прибыл в Петрозаводск принявший ислам в степях Казахстана Олег Стародубцев с

целью прозелитизма среди местной творческой и технической интеллигенции. В чем немало преуспел, «обратив» несколько сотен русских и карел и сколотив активную общину. Мулла у них — араб, перешедший в ислам из Православия. Ныне община готовит перевод Корана на карельский язык, строит себе огромную мечеть на въезде в город.

Это образец, по которому задуман проект исламизации России. Есть и другие общины такого рода, крупные русские мусульманские общины имеются в Нижневартовске, Астрахани, Ульяновске. По всей России сейчас массово строятся мечети — от Пензы до Вологды; в Самаре построена самая крупная в Европе мечеть, в Нижнем Новгороде открыт исламский университет. Очевидно, что деньги, а тем более такие, просто так вкладывать никто не станет: мечети должны быть полны молящихся, медресе и университет — учащихся. И эта задача планомерно выполняется. В настоящее время, по приблизительным подсчетам, на территории Российской Федерации проживают не менее 30 000 русских, перешедших в ислам. Причем идут в ислам зачастую представители самого активного слоя населения, нередко бизнесмены, деловые люди.

В первую очередь повинны в этом мы сами — нынешние православные христиане России, своим образом жизни не только не привлекающие, но даже отталкивающие людей от Христа. Во вторую очередь это «заслуга» огромной пропагандистской кампании, развернутой в центральных и местных СМИ, а также прямых проповедников-прозелитов в классическом варианте, как в случае со Стародубцевым.

Созвучный вышеупомянутому сайт www.islam.ru также ведет целенаправленную прозелитическую деятельность. Рупором ее выступает небезызвестный мусульманский публицист Али Полосин, бывший православный священник, который ныне призывает русских принять ислам и избавить Россию от «христианского ига». И ходить для этого далеко не надо — на islam.ru стать мусульманином можно прямо в Интернете, за несколько минут, не отходя

от компьютера: достаточно заполнить несколько граф и один раз щелкнуть кнопкой мыши. На сегодняшний день, по свидетельству исламруевцев, ислам таким образом приняли 278 человек.

Опыт показывает, что, не будучи скованы местными традициями, русские неопиты, как правило, выбирают «чистый ислам». Именовывать ли его ваххабизмом или не именовать — дело вкуса читателя, суть от этого не меняется. И результат налицо.

В июне 2000 года в Грозном террористами-смертниками было совершено два теракта. Это были принявшие ислам русские — Александр Алексеев и Сергей Дмитриев.

В июле 2000 года в станице Шелковской (Чечня) было совершено зверское убийство троих подростков: Натальи Морозкиной, Натальи Гавриленко и Михаила Короткого. Убийцей оказался русский, принявший ислам и воевавший на стороне чеченцев.

В декабре 2000 года сотрудники милиции Дагестана задержали 13 человек, входящих в состав организованной преступной группы, которая длительное время занималась похищением военнослужащих на территории Чечни и Дагестана. Состав банды интернациональный, один из арестованных — русский, принявший ислам.

В январе 2001 года суд признал виновными в подрыве магистрального газопровода, проходящего по границе Татарии и Кировской области, группу мусульман, среди которых был русский, принявший ислам, — Олег Бабушкин.

В феврале 2001 года прошел суд над еще одной группировкой, подчиненной Хаттабу, занимавшейся похищениями людей; членом этой группы состоял «русский мусульманин» — 27-летний Максим Гапонов.

В марте 2001 года в Карачаево-Черкесии в ходе операции «Моджахед» сотрудниками РОВД были задержаны шесть человек, подозреваемых в причастности к чеченским бандформированиям. У всех задержанных имеются следы огнестрельных и осколочных ранений. Среди задержанных — 24-летний житель станицы Красногорская Карачаевского района республики, русский, принявший ислам.

В ноябре 2001 года в Новолакском районе Дагестана была задержана группа из трех человек, готовившая по приказу Хаттаба серию терактов в Махачкале. У задержанных изъяты оружие и взрывчатка. Один из боевиков — русский, принявший ислам.

Это лишь несколько примеров из огромного моря фактов. В свое время в Турции создавались специальные отряды из омусульманенных греков, болгар, сербов. Их называли янычарами, они отличались особой жестокостью и самоотверженностью. Ныне подобное мы видим на примере «русских мусульман».

Однако наша Церковь, как и в прошлые века, ныне вполне в состоянии явить мусульманскому миру красоту Христовой веры. Если мы не забудем об этом, «русский джихад» не состоится и над куполом храма Христа Спасителя будет по-прежнему сиять крест Господень.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ХРИСТИАНЕ И МУСУЛЬМАНЕ: ДИАЛОГ О ДИАЛОГЕ¹⁰

В серии «Межконфессиональный и межрелигиозный диалог», издаваемой Библейско-богословским институтом святого апостола Андрея, вышла очередная хрестоматия, посвященная на этот раз проблемам исламо-христианского диалога. Составитель и автор вступительной статьи и комментариев — А. В. Журавский.

Будучи первой хрестоматией подобного рода на русском языке, сборник содержит ряд достаточно информативных статей, например, А. Т. Хури и Н. Дэниела (краткие экскурсы в историю взаимоотношений ислама и христианства на Востоке и Западе), Махмуда Айуба (обзор антихристианской полемики современных мусульманских богословов), Д. Д. Мак-Олифф (Мария и Фатима в

¹⁰ Рецензия на книгу «Христиане и мусульмане: проблемы диалога». М., 2000. Впервые опубликовано: Альфа и Омега. 2001. № 2 (28). С. 372–376.

коранической экзегезе). Впрочем, тот факт, что почти все указанные работы носят обзорный характер, не мог не сказаться на глубине анализа и полноте фактологического материала. Интерес представляют и чисто научные работы российских авторов, помещенные в конце хрестоматии, хотя темы их подчас слишком специальны (статья А. Смирнова о сопоставлении мистического философствования Ибн Араби и Н. Бердяева и другие).

В остальном же большинство работ сборника являет собой привычный уже по другим примерам *диалог о диалоге*: о необходимости диалога, о темах диалога, о проблемах диалога, о перспективах диалога. Теперь, к началу XXI века, добавилась еще одна тема — история диалога. Все это формируется в «новое метадисциплинарное направление», называемое «наукой о диалоге» (Введение. С. VII).

Стремясь в рамках этой новой науки «навстречу истинному универсализму и подлинному пересмотру своей веры под влиянием опыта своих братьев» (Ж. Габюс. С. 292), авторы сборника приходят к потрясающему открытию: оказывается, «межрелигиозный диалог позволяет расширить рамки всего современного богословия» (К. Жеффре. С. 123), причем до таких размеров, когда любые рамки вообще исчезают как таковые. «Перед нами могут открыться новые возможности, а именно — новое прочтение наших традиций в свете традиций другого» (Ж. Габюс. С. 290).

Что же это открытие означает? «Для христиан это означает... ясное понимание того, что Бог говорил не только в истории Израиля или христианской Церкви, но в равной степени — на арабском языке и в традиции ислама... поэтому нам не следует говорить о тайне Израиля и тайне Церкви, а... только о тайне спасения и тайне веры» (Ж. Габюс. С. 290). От чего же еще следует отказаться христианину, по мнению идеологов диалога? «Нужно прежде всего отказаться от права “первородства” по отношению к младшему брату, как требовалось от евреев перед лицом нарождающейся Церкви» (А. Тесье. С. 296). Также «для начала

следует признать, что Библия как таковая несколько не поможет нам раскрыть смысл многообразия религий в замысле Божиим... при толковании текстов мы должны брать в расчет наш исторический опыт, свидетельствующий о неизбежности религиозного плюрализма. Это относится и к толкованию свидетельств церковного Предания. Поэтому не подобает ссылаться на самые суровые суждения отцов Церкви о религиях и культах того времени» (К. Жеффре. С. 125, 126).

Итак, значимость открытия «новых возможностей» для христиан описана весьма красноречиво — для начала придется отказаться от Священного Писания и Предания. А что же оно означает для мусульман? «Для мусульман это может означать, что Иисус... был великим и единственным не только в Своих деяниях, чудесах и исцелениях, но и в тайне Своего рождения» (Ж. Габюс. С. 291). Диспропорция очевидна. Мусульманам ни от чего отказываться не предлагается; то, что Иса был великим и единственным в тайне Своего рождения, — один из постулатов исламского учения о пророках. Сами же мусульманские участники диалога, в свою очередь, недвусмысленно заявляют, что для них «речь не идет об отказе от неизменных учительных истин, которые всегда питали и питают» их духовность (Махмуд Аркун. С. 87). Более того, на страницах мусульманских докладов беспрепятственно ведется проповедь эксклюзивности ислама: «Благодаря его отрицательному отношению к таким религиозным институтам, как государственная церковь, ислам является единственной авраамической традицией, способной служить в будущем важным средством углубления нашего самосознания в контексте либерального проекта общественного мироустройства» (Абдулазиз Сахедина. С. 153). Складывается ощущение, что другая сторона диалога расценивает плюралистические реверансы «христианских теологов» как признание величия ислама. «Следует отдать должное тем многочисленным светским и религиозным лицам, которые постарались привлечь внимание своих Церквей и христиан в целом к

исламу» (Али Мерад. С. 234) — так подводит итог недолгой истории «межрелигиозных диалогов» один из мусульманских участников.

Некоторые мусульманские доклады на подобных «диалоговедческих» конференциях печатаются и в мусульманских изданиях. Если почитать комментарии и вступления к ним, становится вполне очевидно, что сами мусульмане рассматривают подобные мероприятия исключительно как еще одну возможность проповедовать христианскому миру истины ислама¹¹. Тактика выбрана верно — под эти плюралистические межрелигиозные разговоры и происходит исламизация Европы и Америки, так что вполне естественно, что один из мусульманских авторов сборника удивляется, почему в новом катехизисе Католической Церкви до сих пор еще «нет ни понятий “ислам” и “Коран”, ни имени Мухаммед» (Махмуд Аркун. С. 87).

При том, что глава «Католическая Церковь о диалоге» в сборнике стоит первой и занимает около 70 страниц, позиция православного богословия представлена лишь одинокой пятистраничной статьей О. Клемана. То, что фактически обойден молчанием вклад православных богословов и исследователей в тематику исламо-христианских отношений, ярко свидетельствует об одиозной позиции издателей. В предисловии А. Журавский признает данный недостаток сборника и «принимает как заслуженный упрек то, что в нем не представлены работы ближневосточных христианских авторов» (с. XV). Однако признание это ни в малой степени не устраняет недостатка.

Крайне сомнительно, что представленные «диалоговедческие» доклады католиков и протестантов для науки действительно значимее, чем, например, опыт более чем двадцатилетней работы Общества греко-арабских исследований при Аристотелевском университете в Салониках

¹¹ См., например, комментарий редактора к статье: *Jahja O. The man and his perfection in muslim theology // The muslim world. 1959. Vol. 49. № 1. P. 35–36.*

(печатный орган — ежегодник «Graeco-arabica») или аналогичных трудов болгарских ученых и богословов¹².

Несмотря на уверения авторов и составителя сборника, назвать то, что представлено на его страницах, действительно диалогом христианства и ислама вряд ли представляется возможным. С одной стороны, как верно заметил владыка Анастасий (Яннулатос), на фоне «нового всплеска мусульманского фанатизма и нетерпимости по отношению к христианам в любом случае было бы правильнее говорить не о “диалоге христианства и ислама”, а скорее о “диалоге части христиан с некоторыми мусульманами”»¹³. С другой стороны, вспоминается, как В. К. Шохин справедливо усомнился в том, насколько могут представлять в подобных «межрелигиозных диалогах» христианство люди, чьи религиозные убеждения не соответствуют родовым признакам христианства¹⁴.

Не становится очевидной и необходимость предлагаемого нам типа межрелигиозного диалога. Основной аргумент — потребность мирно сосуществовать людям разных религиозных убеждений — не производит предполагаемого воздействия, поскольку различные религиозные общины на протяжении предшествующих веков как-то все же умудрялись сосуществовать и без международных конференций по межрелигиозному диалогу. Второй аргумент — узнать, лучше традицию *другого* — также на деле не работает, ибо очень сложно узнать то, от чего участникам диалога предлагается отказаться ради терпимости. Поэтому-то все подобное диалоговедение, как правило, ничего действительно содержательного в представления об иной религии не вносит. По сути, «диалоговедческий» подход

¹² Читатели «Альфы и Омеги» знакомы с работой *протопресвитера Иоанна Мейендорфа* «Византийские представления об исламе» (1995. № 4 (7); 1996. № 2/3 (9/10), с краткой библиографией). — *Ред.*

¹³ *Επίσκοπος Ἀναστάσιος (Γιαννουλάιος)*. Ὁ διάλογος μέ τό ισλάμ ἀπό ὀρθοδόξη ἄποψη // Οἰκουμένη. 1998. Τ. 2. Σ. 61.

¹⁴ См.: *Шохин В. К.* Диалог религий: идеология и практика // Альфа и Омега. 1997. № 2 (13). С. 237.

к религиям исключает любое как научное, так и действительно богословское¹⁵ осмысление иного религиозного опыта и традиций. В этом русле вполне естественно выглядит призыв одного из «диалоговедов» вообще отказаться «от исламоведения как чисто внешнего, холодного и педантичного наблюдения за верованиями и религиозным поведением мусульман» (А. Тесье. С. 296).

К сожалению, многие авторы сборника следуют этой антинаучной установке. Из большинства статей почерпнуть что-либо новое об исламе христианин может лишь вопреки позиции автора, неожиданно встречающиеся конкретные данные явно случайны и выглядят скорее как рудименты не до конца еще изжитого «исламоведческого подхода». Мусульманина же, намеревающегося что-либо узнать о христианской вере, и вовсе следует предостеречь от чтения данной хрестоматии, так как представления о христианстве он может получить самые неверные (протестантский профессор догматики, не признающий Христа Богом (с. 291), — лишь один из примеров причудливого «христианства» авторов сборника).

Строго говоря, то, что составляет это «новое метадисциплинарное направление», вообще сложно назвать диалогом. Традиционный диалог предполагает как минимум две различные точки зрения, тезис и контртезис. Предлагаемые же в хрестоматии читательскому вниманию тексты являют собой рассуждения, основывающиеся на одних и тех же тезисах и на одной и той же точке зрения. Все должны жить в мире, все должны уважать друг друга, христиане должны отказаться от своих догматов, расходящихся с исламом, — таковы общие позиции диалоговедов, как называющих себя мусульманами, так и называющих себя христианами.

Параметры и установки подлинно христианской позиции в межрелигиозном диалоге определил апостол Павел

¹⁵ Любое богословие основывается на определенных догматах. Назвать же богословием последовательный отказ от любых догматов никак нельзя.

в своей знаменитой речи в афинском ареопаге, которую он начал словами: *по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны*, а продолжил: *Сего-то... я проповедую вам* (Деян. 17, 22, 23). Можно вспомнить, как по этой же схеме межрелигиозный диалог строил и святитель Григорий Палама, который, увидев мусульманские похороны, сказал затем имаму, их совершавшему: «Я нахожу хорошим ритуал, совершенный вами там, вне города: ведь вы тогда, восклицая, просили за умершего и обращались к Богу — к кому же иначе? Я был бы рад узнать, что вы сказали Богу». И когда имам ответил: «Мы просили у Бога прощения грехов для души умершего», — святитель продолжил: «Хорошо. Но давать прощение надлежит всегда судье. Однако и вы считаете, что судьей всего рода человеческого явится Христос. Следовательно, необходимо призывать Его и к Нему обращать молитвы»¹⁶. Представленные же нам в хрестоматии примеры диалога имеют в своей основе прямо противоположные установки. При этом все конференции по межрелигиозному диалогу происходят как раз по инициативе христиан, которые, вместо того чтобы с кротостью и благоговением давать отчет о своем уповании (см.: 1 Пет. 3, 15), используют их (конференции) как предлог для вежливого провозглашения отказа от этого упования.

В этой связи следует заметить, что, собственно, только христианству свойственна уникальная способность взглянуть на мир глазами другого, не переставая при этом быть самим собой, глубоко пережить чужой опыт, не отказавшись от своего. Ни в какой другой религиозной традиции мира не наблюдается подобного. Именно эта способность и стала одной из причин успеха христианской миссии; именно она послужила толчком, отправной точкой для появления исламоведения как науки. И разные диалоговедческие штудии попросту паразитируют на этой способности христианства.

¹⁶ *Святитель Григорий Палама. Письмо своей Церкви. С. 224.*

Неизбежность религиозного плюрализма — парадигма современного религиозного мышления на Западе. У нас она, к счастью, все же еще не прижилась, и ценности, постулируемые ею, остаются чуждыми как для воцерковленного христианина, так и для человека, далекого от религиозных проблем. В этой связи восторженная «диалоговедческая» патетика большинства статей сборника вряд ли будет разделена российским читателем.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	3
-----------------------	---

Часть I

СОПОСТАВЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЙ ХРИСТИАНСТВА И ИСЛАМА

Образ рая	9
Представление о грехе	31
Существо греха	32
Первый грех	33
Покаяние	42
Понятие чуда	47
Чудеса в Коране, Ветхом и Новом Завете	48
Чудеса святых	59
Причины расхождения	72
Вопрос о православном отношении к чудесам внехристианского мира	78

Часть II

АПОЛОГЕТИКА НАШИХ ДНЕЙ

Религия сильного человека: христианство или ислам?	85
Женщина в исламе и христианстве: новые вымыслы	90
Протестантская идея всеобщего равенства и православное учение об иерархии	91
Женщина в христианстве: мусульманские вымыслы	96

Новый Завет и полигамия	96
Отношение к матери в Новом Завете	104
Ветхий Завет и прелюбодеяние	108
Женщина в исламе: о чем умалчивают апологеты?	110

Часть III

ОТ РЕЛИГИИ ПОЛУМЕСЯЦА К РЕЛИГИИ КРЕСТА

Переходы из ислама в христианство в IX–X веках по свидетельству арабских хроник	117
Примеры ярких единичных случаев	118
Примеры массовых обращений	119
Святые Православной Церкви, обратившиеся из ислама	122
Из истории христианской миссии среди мусульман	124
Святой Константин Агарянин	131
Святой Ахмед Калфа (Писец)	145
Святой Омир	150
Святой Иоанн Албанский	153
Святой Абу Тбилисский	155
Святой Варвар (бывший разбойник)	163
Святой Антоний-Равах Дамасский	168
Преподобномученик Христофор Савваит	173
Святой Авраамий Болгарский	173
Святые Петр и Стефан Казанские	178
Преподобный Серапион Кожеозерский	188

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Святые жены Православной Церкви и ислам	207
Святая Аргира	208

Мученица Хадиджа-Мария	210
Мученица Платонида	211

Приложение 2

Почему из христианства переходят в ислам?	212
Рационализм ислама	215
Мистика суфизма	215
Традиционализм	217
Объем требований	218
Мусульманское окружение	219
Миссионерская активность	221
Склонность к переходам	222
Отсутствие религиозной укорененности	223
Браки	224

Приложение 3

«Русский ислам» в Интернете — школа новых янычар?	226
--	-----

Приложение 4

Христиане и мусульмане: диалог о диалоге	229
--	-----

ЮРИЙ МАКСИМОВ

**РЕЛИГИЯ КРЕСТА
И РЕЛИГИЯ ПОЛУМЕСЯЦА**

**ХРИСТИАНСТВО
И ИСЛАМ**

Оформление обложки *Станислава Попова*
Редактор *Марина Журина*
Технический редактор *София Шкляр*
Корректоры *Зинаида Пейкова, Татьяна Винарская*
Компьютерная верстка *Владимира Сасковца,
Веры Королевой*

Подписано в печать 25.03.2008. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Объем 7,5 печ. л. Тираж 10 000 экз. Заказ № 853

Московское Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
129090, 2-й Троицкий пер., д. 6а, стр. 9

Адрес сайта: www.blagoslovenie.su;
тел.: (495)681-20-09
Интернет-магазин: www.bookshop.su

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО ПОДВОРЬЯ
СВЯТО-ТРОИЦКОИ СЕРГНЕВОЙ ЛАВРЫ

